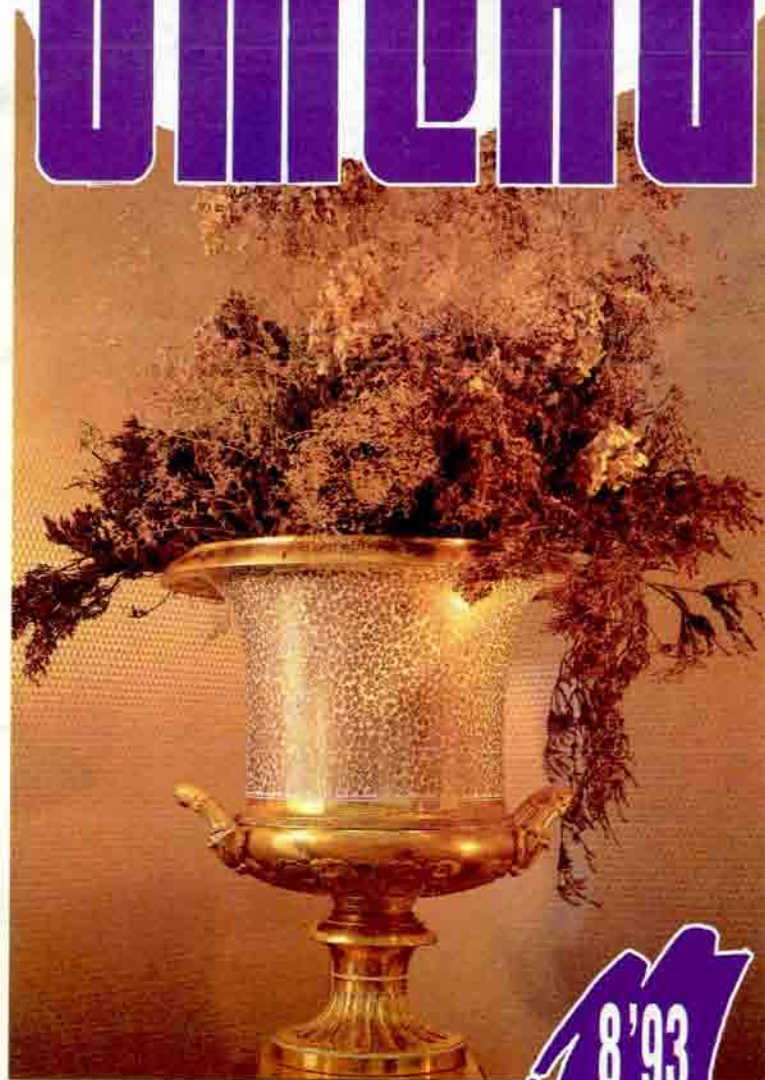

ISSN 0131-6656

СМЕРЬ

ВИКТОР ЛИХОНОСОВ • ПАМЯТИ БЕЛОГО ОФИЦЕРА

ЛЕОН ДЕ ЛА БРИЕР • ОКЛЕВАННЫЙ ИМПЕРАТОР
ЮРИЙ ПОЛЯКОВ • ДЕМГОРОДОК

АГАТА КРИСТИ • СМЕРЬ МИССИС МАГИНТИ

8'93

(Читайте стр. 120.)

Живая нить

8'93

СМЕНА

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
Основан в январе 1924 года.**

**Главный редактор
МИХАИЛ КИЗИЛОВ**

Редколлегия:

ВАЛЕНТИНА БОЧАРОВА
ВЛАДИМИР ГРОШЕВ
ВАЛЕРИЙ ГУРИНОВИЧ
БОРИС ДАНЮШЕВСКИЙ,
зам. главного редактора

НИКОЛАЙ ЛЕВИЧЕВ
СЕРГЕЙ ПОПОВ,
зам. главного редактора

ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ,
главный художник

ТАМАРА ЧИЧИНА

Оформление

ВАЛЕНТИНА ДАВИДОВА
**Художественно-
технический редактор**
АЛЕКСАНДРА ГУСЕВА

Сдано в набор 24.05.93.
Подписано к печати 30.06.93.
Формат 84×108½.

Бумага «Газетная».

Печать офсетная.

Усл. п. л. 15,54.

Усл. кр.-отт. 17,64.

Уч.-изд. л. 23,10.

Тираж 270 967 экз.

Заказ № 469

Цена свободная.

101457, ГСП, Москва,

Бумажный проезд, 14.

212-15-07 — для справок.

257-30-55 — отдел рекламы
и реализации.

Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати
и массовой информации
Российской Федерации. Рег. № 166.

250-49-98 — отдел писем.

Факс (095) 250-59-28.

Учредитель —

коллектив редакции
журнала «Смена».

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.

Типография издательства
«Пресса», 125865, ГСП, Москва,
А-137, ул. «Правды», 24.

В (1546) АВГУСТ

© Издательство «Пресса».

© «Смена», 1993

Проза

8

ЮРИЙ ПОЛЯКОВ. ДЕМГОРОДОК
Повесть-памфлет

162

АГАТА КРИСТИ. СМЕРТЬ МИССИС МАГИНТИ
Детектив*Поэзия*

4

АНЖЕЛА ПОЛОНСКАЯ

160

ЛАДА ОДИНЦОВА*Человек и общество*

78

ВИТАЛИЙ СВЕТОВ. РУКА ДАЮЩЕГО...

83

СЕРГЕЙ ЛИТВИНОВ. БРЕМЯ «БЕЛЫХ ВОРОТНИЧКОВ»

92

ВИКТОР ЛИХОНОСОВ. ПАМЯТИ БЕЛОГО ОФИЦЕРА

108

ЛЕОН ДЕ ЛА БРИЕР. ОКЛЕВЕТАННЫЙ ИМПЕРАТОР
Исторический очерк

120

СЕРГЕЙ СМОРОДКИН. ЖИВАЯ НИТЬ

140

БОРИС КАЛАШНИКОВ. ТРЕПЕТНЫЙ ЗОВ СИНЕВЫ
Беседа с летчиком-испытателем МАРИНОЙ ПОПОВИЧ*Культура, музыка, искусство*

102

ЛЕВ ЛЕЩЕНКО: «ЧТОБЫ ВЫЖИТЬ, ПРИХОДИТСЯ КРУТИТЬСЯ»

157

АЛЛА ТРИСТАН. ИЗЯЩНЫЕ ДОСУГИ

280

КРОССВОРДЫ, ШАХМАТЫ

На нашей
обложке: работа
художников
ТАТЬЯНЫ
БАХАРЕВОЙ
и ЛИДИИ
ДОРМАШЕВОЙ.
(Читайте
стр. 157.)

АГАТА КРИСТИ

СМЕРТЬ
МИССИС
МАГНИТИ

Рисунки ЛЬВА РЯБИНИНА

Эркуль Пуаро вышел из ресторанички «Vieille Grand'mere» в районе Сохо и поднял воротник пальто — скорее из осторожности, чем по необходимости, поскольку вечер был нехолодный. «В моем возрасте рисковать не стоит», — частенько повторял он.

Глаза его хранили сонное, довольное выражение. Что ни говори, а escargots de la vieille Grand'mere* ему подали отменные. Настоящая находка, этот полутемный ресторанички. Неторопливо, как сытый кот, Пуаро облизал губы, достал платок и промокнул пышные усы.

Да, пообедал он на славу... А дальше что?

Проезжавшее мимо такси предупредительно замедлило ход; мгновение поколебавшись, Пуаро все же решил не останавливать его. Зачем ему такси? Домой он все равно попадет задолго до того, как пора будет укладываться спать.

Пуаро еще раз вздохнул и повернул на Шафтсбери-авеню.

Проходя мимо газетного киоска, он бросил взгляд на заголовки: «Процесс Магинти завершен», «Приговор вынесен».

Пуаро они оставили равнодушным. Он смутно припомнил прочитанную где-то небольшую заметку по этому делу. Убийство было неинтересное. Какую-то несчастную старушку стукнули по голове за несколько фунтов стерлингов. Все это — составляющие той же откровенной жестокости, столь характерной для нынешних времен.

Пуаро вошел во двор большого дома, в котором жил, и на душе его, как всегда, потеплело. Он гордился этим домом. Замечательное симметричное строение. Лифт поднял его на четвертый этаж, где Пуаро снимал большую, роскошную квартиру, блиставшую хромированной гарнитурой, уставленную кубическими креслами; в комнатах его все, даже рисунок на обоях, имело безукоризненные прямоугольные формы.

Отмокнув замок своим ключом, он вошел в небольшую, квадратную белую прихожую, и тут же из комнаты навстречу шагнул его слуга Джордж.

— Добрый вечер, сэр. Вас ожидает... джентльмен.

Он ловко помог хозяину освободиться от пальто.

— Вот как?

Пуаро сразу уловил короткую заминку перед словом «джентльмен». Истинный сноб, Джордж был большим знатоком в этой области.

— Как его фамилия?

— Некий мистер Спенс, сэр.

— Спенс?

Фамилия эта ему ни о чем не говорила, но Пуаро не сомневался, что должен был ее слышать раньше.

Задержавшись на секунду перед зеркалом, дабы привести в порядок усы, он прошел в гостиную. Сидевший в одном из кубических кресел мужчина поднялся ему навстречу.

* Улитки бабушки-старушки (франц.). — Здесь и далее примечания переводчика.

— Хелло, мсье Пуаро. Надеюсь, вы меня помните. Давно это было... Суперинтендант Спенс.

— Ну как же, как же, помню. Разумеется!

Пуаро сердечно пожал ему руку.

Суперинтендант Спенс из килчестерской полиции. Очень интересное это было дело... И, как сказал начальник полиции, давнее...

Пуаро предложил гостю напитки на выбор. Ликер «Гранатовый»? «Мятный»? «Бенедиктин»? Крем «Шоколадный»?

В эту минуту в комнате появился Джордж; на подносе у него стояли бутылка виски и сифон.

— А может, вы предпочитаете пиво, сэр?

Широкое багровое лицо Спенса просветлело.

— Да-да, пиво, пожалуйста.

Пуаро в очередной раз подивился способностям своего слуги. Он вообще не подозревал, что в доме было пиво; не понимал он и того, как можно предпочесть его сладкому ликеру.

Спенс получил высокую кружку, доверху наполненную пенящимся пивом, а Пуаро налил себе в миниатюрную рюмку искрящийся зеленый мятный ликер.

— Это замечательно, что вы решили навестить меня, — сказал он гостю. — Замечательно. Вы приехали из...

— Килчестера. Через шесть месяцев я ухожу в отставку. Точнее, в отставку я должен был уйти полтора года назад. Но меня попросили поработать еще, и я согласился.

— Вы поступили мудро, — с чувством произнес Пуаро. — Очень мудро.

— Вы так считаете? Не знаю. Не уверен.

— Да-да, вы поступили благоразумно, — стоял на своем Пуаро. — Вам неведомы долгие часы дичайшей скуки.

— О, мне будет чем заняться, когда уйду на пенсию. В прошлом году мы переехали в новый дом с обширным садом, но ужасно запущенным. Я все никак не могу взяться за него по настоящему.

— Ах, вот оно что! Вы, значит, из садоводов-любителей. Я тоже однажды решил было поселиться в деревне и выращивать кабачки. Не получилось. Терпения не хватило.

— Видели бы вы мои прошлогодние кабачки! Особенно один был — колоссальный! — с энтузиазмом подхватил Спенс. — А розы! Я очень люблю розы. Хочу... Но я не за тем к вам пришел.

— Ну да, просто решили навестить старого знакомого. Вы очень любезны.

— Боюсь, что не только за этим, мсье Пуаро. Мне нужна ваша помощь.

— Что случилось? Вы заложили дом? — мягко поинтересовался Пуаро. — Вам, наверное, нужны займы деньги...

— Что вы, что вы! — в неподдельном испуге воскликнул Спенс. — Слава Богу, я не за ними пришел.

Пуаро изящно взмахнул руками.

— Извините, извините, ради Бога.

— Скажу вам прямо: просьба у меня нахальная. И не удив-

лось, если вы меня после этого ко всем чертям погоните.
— Никаких чертей, — возразил Пуаро. — Продолжайте, пожалуйста.

— Речь идет о деле Магинти. Может быть, вы читали о нем? Пуаро покачал головой.

— Мельком. Миссис Магинти... Что-то случилось с ней, дома или в магазине... Ее нашли мертвой. Как она умерла?

Спенс удивленно уставился на него.

— Боже! Вот это да! Как это я раньше не вспомнил?

— Извините, не понял.

— Да так, ничего. Просто игра. Детская забава. Мы любили в нее играть. Становились в ряд, по очереди задавали вопросы и отвечали на них. «Что с миссис Магинти?» — «Она умерла». — «Как?» — «Став на колено, так же, как я». Потом следующий вопрос: «Что с миссис Магинти?» — «Она умерла». — «Как?» — «Вытянув руку, так же, как я». И все становились на одно колено и вытягивали вперед руку. А потом: «Что с миссис Магинти?» — «Она умерла». — «Как?» — «Вот ТАК!» И — хлоп — крайний падал на соседа, тот — на следующего, и все валились, словно кегли. — Спенс разразился громким хохотом, вспоминая детскую кучу малу. — Да, ваша фраза напомнила мне детство.

Когда Спенс успокоился, Пуаро устало повторил свой вопрос:

— Так как же она умерла?

— Ее ударили по затылку тяжелым заостренным предметом.

Все сбережения — около тридцати фунтов стерлингов наличными — исчезли; комната подверглась обыску. В домике она жила одна, если не считать квартиранта. Его фамилия Бентли. Джеймс Бентли.

— Да-да, припоминаю, Бентли.

— Следы взлома отсутствуют. Двери и окна не повреждены. Бентли испытывал недостаток в средствах, потерял работу, два месяца не платил за проживание. Деньги нашли под камнем за домом. На рукаве его пальто обнаружены пятна крови и прилипший волос. Группа крови — ее, волос тоже. Сам он сразу заявил, что к трупу не приближался, поэтому случайно они на рукав попасть не могли.

— Кто обнаружил труп?

— Булочник принес свежий хлеб. В тот день она должна была с ним расплатиться. Открыл ему Бентли. На вопрос о хозяйке он ответил, что стучал в дверь ее спальни, но та не отзывалась. Булочник заподозрил, что ей могло стать плохо, они позвали соседку и попросили ее заглянуть в спальню. Миссис Магинти там не оказалось, постель была нетронута, но в комнате все было перевернуто вверх дном, сорваны даже доски пола. Тогда они заглянули в гостиную. Хозяйка была там, лежала на полу; соседка завопила истошным голосом и орала так, что удивительно, как это голова у нее не оторвалась. Ну, а потом они вызвали полицию.

— И в итоге был арестован и признан виновным в убийстве Джеймс Бентли, так?

— Да. Выездной сессией. Вчера. Суду все было ясно, присяж-

ные совещались двадцать минут. Вердикт: виновен, приговорить к смерти.

Пуаро кивнул.

— А после приговора вы сели в поезд, приехали в Лондон и пришли ко мне. Почему?

Суперинтендант смотрел в свою кружку и медленно, кругами, водил пальцем по ее краям.

— Потому, — ответил он, — что Бентли ее, по-моему, не убивал.

Глава 2

Некоторое время оба молчали. Потом Пуаро спросил:

— Вы пришли ко мне...

Он не закончил свой вопрос.

Начальник полиции Килчестера поднял голову. Лицо его потемнело сильнее обычного. Это было типичное крестьянское лицо, невозмутимое, неподвижное, с пронизательными честными глазами. Лицо человека, с устоявшимися взглядами, не утруждающего себя сомнениями, давно и окончательно для себя решившего, что в жизни правильно, а что нет.

— Я много лет служу в полиции, — сказал он. — Немало повидал на своем веку. Людей знаю не хуже других. Расследовал и убийства, простые и не очень — разные. Об одном вы знаете, мсье Пуаро.

Сыщик кивнул.

— Запутанное было дельце. Если бы не вы, мы век бы в нем не разобрались. Но с вашей помощью разобрались — и все сомнения развеялись. Так было и в других случаях, о которых вам неизвестно. Был такой Уистлер, схлопотал «вышку» — и поделом ему. Потом эти типы, что застрелили старика Гутермана. Был Веролл с мышьяком, Трантер выкрутился, этому удалось. А миссис Кортланд повезло: муженек у нее оказался еще тот тип, извращенец грязный — соответственно отнеслись к ней и присяжные. Не по букве закона, по состраданию. Такое случается. Порой недостает улик, в другой раз все решают сантименты; бывает, убийце удастся провести присяжных — нечасто, конечно, но бывает. Порой выручает по-умному построенная защита, иногда обвинитель избирает неверную тактику. Да-а, всякого я навидался. Но... Но... — Спенс погрозил кому-то огромным, толстым пальцем. — Я еще не видел, чтобы невинного человека повесили за то, что он не совершал. И не желаю видеть, мсье Пуаро. Тем более в этой стране!

— А теперь вы полагаете, что это может произойти. Но почему...

Спенс перебил его:

— Я знаю, что вы можете мне возразить. Отвечу прежде, чем вы спросите. Мне передали это дело. Поручили произвести расследование. Я тщательно изучил все обстоятельства происшествия, собрал улики — все, что можно было найти. И все они указывали в одном направлении. На Бентли. Собранные доказательства я представил своему начальству. Сдав дело, я больше к нему не возвращался. Бумаги переправили государственному

обвинителю. Он передал дело в суд, больше ничего не оставалось делать с такими материалами. Бентли арестовали, он предстал перед судом, разбирательство было коротким, его признали виновным. С такими доказательствами по-другому и быть не могло. Присяжные всегда выносят свой вердикт на основании улики. А в представленных им уликах, смею вас заверить, сомневаться не приходилось, так что, по-видимому, все они были уверены в его виновности

— А вы — нет?

— Нет.

— Почему?

Спенс вздохнул и широкой ладонью задумчиво потер подбородок.

— Не знаю. Не могу объяснить, привести конкретные доводы. Присяжные наверняка видели в нем убийцу, я же — нет, а об убийцах я знаю побольше их.

— Ну да, вы же все-таки специалист.

— Во-первых, ему не хватало дерзости. Ее вообще у него не было, что и отличало его от убийц, которых я знал. Те ведут себя вызывающе, сами собой любят, им кажется, что всех и каждого они вокруг пальца обведут. Большими умниками себя почитают, довольны, на скамье подсудимых словно на сцене оказались, в свете рампы купаются, «герои». Еще бы, такое «счастье» — оказаться в центре внимания — им ведь раз в жизни выпадает. Такие они... знаете... заносчивые. — Последнее слово Спенс произнес решительно, как непреложную истину. — Вы ведь поняли, что я хотел сказать?

— Я очень хорошо вас понял. А этот Джеймс Бентли оказался не таким?

— Нет. Он... был до смерти напуган. Причем с самого начала. А кое-кто склонен был видеть в этом страхе подтверждение его вины. Только не я.

— Согласен с вами. Каков он, этот Джеймс Бентли?

— Тридцать три года, рост средний, цвет лица желтый, носит очки.

Пуаро прервал его.

— Нет-нет, я не внешность имел в виду. Что он из себя представляет как личность?

— Ах, это... — Спенс задумался. — Человек он антипатичный. Нервный. Глаза бегают. Если смотрит на тебя, то застенчиво, искоса. На присяжных такие производят самое неблагоприятное впечатление. То он подобострастен, то язвителен, то пустыми угрозами сыплет. — Он помолчал и уже обычным тоном добавил: — Застенчивый он человек, очень застенчивый. У меня двоюродный брат был таким. Случись неприятность, и они начинают лгать, причем настолько глупо, что никто им не верит.

— Портрет вы нарисовали не слишком привлекательный.

— Это точно. Он ни в ком не вызвал симпатии. Но я все равно не хочу, чтобы его повесили.

— У него хороший адвокат?

— По закону о защите неимущих ему назначили молодого

Грейбрука. На мой взгляд, Грейбрук сделал все, что было в его силах.

— Таким образом, все исполнено по закону, он признан виновным и приговорен к смерти своими согражданами — присяжными заседателями?

— Именно так. Нормальное жюри, обычный состав. Семь мужчин, пять женщин, все — уважаемые, порядочные люди. Председательствовал Станисдейл. Совершенно беспристрастный суд.

— Другими словами, по законам страны Джеймсу Бентли жаловаться не на что?

— Если его собираются повесить за то, чего он не совершал, то жаловаться ему есть на что.

— Очень справедливое замечание.

— А дело по его обвинению было моим делом: я собирал улики и сводил их воедино, на основании этих улик он и осужден. Но такой результат мне не по душе, мсье Пуаро, совсем не по душе.

Пуаро долго смотрел в красное, возбужденное лицо суперинтенданта.

— Eh bien, — сказал он наконец. — Что вы предлагаете?

Спенс поднял на него растерянные глаза.

— Вы, наверное, уже поняли, что произошло. Дело Бентли закрыто. Я занимаюсь другим, растратой. Сегодня вечером еду в Шотландию. Я несвободный человек, мсье Пуаро.

— А я — свободный?

Спенс смущенно кивнул.

— Да. Вы вправе считать меня нахалом. Но ничего иного я придумать не могу. В свое время я сделал все, что было в моих силах, проанализировал все возможные варианты, но это ни к чему не привело. И не думаю, что могло привести. Но, кто знает, может, у вас получится? У вас особый взгляд на вещи, необычный. Возможно, и на этот раз будет так же. Ведь если Джеймс Бентли не убивал миссис Магинти, то кто-то же должен был ее убить! Не сама же она раскрыла себе голову. Может быть, вам удастся найти нечто такое, что я пропустил. Конечно, вы не обязаны браться за это дело, я чувствую себя ужасным наглецом, но так уж получилось. Я пришел к вам потому, что ничего другого придумать не мог. Но, разумеется, если вы не желаете ввязываться... А зачем, собственно, вам это нужно?..

— Погодите, погодите, — прервал его Пуаро. — В вашем предложении есть резон. Оно заинтересовало меня, очень заинтересовало. Это вызов, вызов моему серому веществу. И еще: я думаю о вас. Я вижу вас в вашем саду шесть месяцев спустя — вы, к примеру, сажаете кусты роз, но у вас при этом настроение отнюдь не радостное, поскольку в голове засела навязчивая мысль, мысль, которую вы безуспешно пытаетесь изгнать, а я бы не хотел, чтобы она мешала вашему счастью и покою. И наконец, — Пуаро выпрямился и решительно кивнул, — важен принцип. Если человек никого не убивал, его нельзя казнить. — Он немного помолчал и вдруг спросил: — А если он, предположим, все-таки ее убил?

— Все равно мне станет легче, поскольку я буду в том уже твердо убежден.

— А две головы лучше, чем одна, так? *Voilà* *, решено. Я согласен. Время нам, понятно, терять нельзя. След и так уже протыл, как говорится. Когда убили миссис Магинти?

— Двадцать второго ноября прошлого года.

— В таком случае переходим к делу.

— По ходу расследования я делал записи. Вы можете ими воспользоваться.

— Замечательно. А для начала постарайтесь ответить мне на несколько вопросов. Если Джеймс Бентли не убивал миссис Магинти, то кто ее убил?

Спенс пожал плечами.

— Представления не имею.

— Такой ответ для нас неприемлем. Поскольку беспричинных убийств не бывает, то каковым может быть мотив убийства миссис Магинти? Зависть, месть, ревность, страх, деньги? Возьмем последнее и простейшее. Кому выгодна была ее смерть с материальной точки зрения?

— Да никому. У нее в сбербанке лежало двести фунтов. Их получит племянница.

— Двести фунтов — сумма небольшая, но в определенных обстоятельствах и они могут сыграть решающую роль. Так что давайте взвесим и этот вариант. Вы уж извините, что я пойду по вашим стопам. Вы тоже, уверен, все это проанализировали. Но мне придется повторить уже пройденный вами путь.

Спенс кивнул.

— Мы думали о племяннице. Ей тридцать восемь, замужем. Муж — маляр. Работа стабильная, сам он человек добродушный, сметливый, не дурак. Она женщина приятная, немного болтунья, к тетке, похоже, относилась тепло. Особой нужды в паре сотен фунтов никто из них не испытывал, хотя, смею думать, деньги оказались для них приятным сюрпризом.

— А дом? Они его тоже наследуют?

— Она его снимала. По закону об ограничениях по аренде хозяин старую женщину выгнать на улицу не мог. Не светит он племяннице и после ее смерти. Да они и желания не проявляли им завладеть. У них современный муниципальный дом со всеми удобствами, они им очень гордятся. — Спенс вздохнул. — Я очень тщательно отработал эту версию. Как вы понимаете, она очень удобна, но зацепиться не за что.

— *Вien* **. Тогда давайте поговорим о самой миссис Магинти. Опишите мне ее — только не внешность, пожалуйста.

Спенс усмехнулся:

— Полицейский протокол вас не устраивает? Значит, так: ей было шестьдесят четыре года. Вдова. Муж работал в отделе тканей у Ходжеза в Килчестере. Умер лет семь назад от воспаления легких. С тех пор миссис Магинти подрабатывала у соседей уборкой. Бродхинни — деревушка небольшая. Живут там пара

* Итак (франц.).

** Хорошо (франц.).

отставников, инженер, он же совладелец завода, врач... Хорошее автобусное сообщение с Килчестером, железная дорога, восемь миль до Калленки, а это популярный летний курорт, как вы, наверное, знаете. Но Бродхинни почти не изменилось, все то же прелестное старое селение в четверти мили от шоссе Драймут — Килчестер.

Пуаро кивнул.

— Непосредственно Бродхинни — это четыре строения: дом миссис Магинти, почта, магазин и еще два домика, где живут работники ферм.

— Она сдавала комнаты?

— Да. Пока жив был муж, они принимали на лето отдыхающих, но после его смерти она предпочла постоянного жильца. Бентли жил у нее несколько месяцев.

— Таким образом, мы вновь возвращаемся к Джеймсу Бентли?

— Последним местом его работы была посредническая контора комиссионеров-домоторговцев в Килчестере. А до этого он жил с больной матерью в Калленки, ухаживал за ней и практически из дома не отлучался. Потом она умерла, с ней ушла ежегодная рента. Бентли продал дом и устроился на работу. Он образован, но профессии не приобрел, склонностей не имел и симпатии, как я уже упомянул, у окружающих не вызывал. Чего-либо добиться в жизни ему было сложно. Как бы то ни было, а на работу его в «Бредер и Скаттл» взяли. Фирма второразрядная, однако он и там не преуспел, ибо по сокращению штатов уволили именно его. Другую работу ему найти не удалось, деньги кончались. За квартиру миссис Магинти он платил ежемесячно, она готовила ему завтрак и ужин, за все брала три фунта в неделю — плата, надо сказать, умеренная. Но он задолжал ей за два месяца, сбережений практически не осталось. Работы не было, хозяйка же требовала, чтобы он погасил долг.

— А он знал, что у нее хранятся тридцать фунтов? Почему она, кстати, держала их дома, если у нее был счет в банке?

— Потому что не верила правительству. Говорила, что хватит им и тех двухсот фунтов, что она предоставила в их распоряжение, а больше они не получат с нее ни пенни. Предпочитала их держать под рукой. Сама рассказывала об этом знакомым. Деньги лежали под одной из половых досок — место такое, что и тайником не назовешь. Бентли признался, что знал об этом.

— Очень любезно с его стороны. А племянница с мужем тоже знали об этом?

— Да.

— Таким образом, мы снова вернулись к моему вопросу: как умерла миссис Магинти?

— Ее убили вечером двадцать второго ноября. Врач установил время смерти: между девятнадцатью и двадцатью двумя часами. Миссис Магинти успела поужинать — съела бутерброд с маргарином и копченой селедкой, а, судя по рассказам знавших ее, ужинала она обычно в половине седьмого. Если покойница не изменила своим привычкам и в день смерти, то, по

состоянию пищи в желудке, умерла она между половиной девятого и девятью часами вечера. Бентли утверждает, что в семь пятнадцать «пошел погулять». Соседи подтвердили, что почти каждый вечер он отправлялся на прогулку с наступлением темноты. Возвратился около девяти (у него был свой ключ) и сразу поднялся к себе, на второй этаж. Умывальники миссис Магинти для удобства жильцов поставила в спальнях. С полчаса он читал, затем уснул. Ничего необычного не заметил и не слышал. На следующее утро спустился вниз и заглянул на кухню, но там никого не было, не видно было и приготовленного завтрака. Говорит, что после некоторых колебаний постучал в спальню хозяйки, но ответа не последовало. Решив, что старушка проспала, будить ее постеснялся. Потом пришел булочник. Бентли еще раз поднялся на второй этаж и снова постучал, после чего, как я уже вам говорил, булочник позвал соседку, миссис Эллиот,— она-то первая и увидела труп и зашла от крика. Миссис Магинти с раскроенным черепом лежала на полу гостиной. Удар по затылку был нанесен неким острым предметом типа секача для рубки мяса. Смерть наступила мгновенно. В комнатах царил хаос, ящики выдвинуты, вещи разбросаны, половая доска в спальне поднята, тайник пуст. Окна были закрыты на задвижки изнутри, следы взлома отсутствовали.

— Следовательно,— констатировал Пуаро,— либо ее убил Джеймс Бентли, либо она сама впустила убийцу в дом, пока Бентли отсутствовал, так?

— Именно так. О краже со взломом и речи не было. Возникает вопрос: кого она могла впустить? Кого-то из соседей, племянницу, ее мужа? Пожалуй, все. Соседей мы исключили. Племянница с мужем в тот вечер были в кино. Можно предположить — но только предположить,— что кто-то из них незаметно выскользнул из кинотеатра, проехал три мили на велосипеде, убил старушку, спрятал деньги за домом и так же незаметно возвратился. Мы отработали эту версию, но подтверждения ей не нашли. Да и зачем им было прятать деньги за домом? Почему не где-нибудь по дороге назад? Ведь забрать потом их было бы трудно. Нет, никакого смысла в этом не просматривается...

— Разве что убийца жил в том же доме, но не хотел прятать деньги у себя,— закончил за него Пуаро.— То есть это был Джеймс Бентли.

— Да. Куда ни поверни — все время натыкаешься на Бентли. Да еще пятна крови на рукаве его пальто.

— Как он сам объяснил этот факт?

— Сказал, что накануне был в мясной лавке, там и вымазался. Чувшь! То была человеческая кровь.

— Он упорствовал?

— Ничего подобного. На суде запел совсем по-иному. Дело в том, что к рукаву прилип испачканный в крови волос, тождественный с волосами миссис Магинти. Это надо было как-то объяснить, и он признался, что в тот вечер, возвратившись с прогулки, не поднялся сразу к себе, а прошел в гостиную, где и увидел хозяйку на полу, машинально наклонился и тронул ее, не зная, жива она или мертва. А потом растерялся. Утверждает,

что с детства боится крови. В полубессознательном состоянии кое-как добрался до своей комнаты, а утром не смог заставить себя признаться в том, что знал об убийстве.

— В высшей степени неправдоподобная история, — заметил Пуаро.

— Согласен с вами. И все же, знаете, — задумчиво произнес Спенс, — она действительно могла произойти.

Некоторое время оба сидели молча.

Глава 3

Наконец Пуаро со вздохом поднялся.

— Версию корыстного убийства мы исчерпали. Обратимся к другим мотивам. У миссис Магинти были враги? Она кого-нибудь боялась? Что говорят соседи?

— Почти ничего. Это и неудивительно, люди не слишком откровенны с полицией, но не думаю, что они от нас что-то утаили. Говорят, она держалась особняком. Но это считается вполне естественным. Сельские жители у нас не очень общительны, мсье Пуаро. Это заметили беженцы из других стран во время войны. Миссис Магинти жила в постоянном, можно сказать, контакте с людьми, но откровенными их отношения назвать нельзя.

— Когда она там поселилась?

— Лет восемнадцать — двадцать назад.

— А где она жила до этого?

— О ней нам все известно. Отец ее был фермером в Норт-Девоне. Некоторое время она жила с мужем под Илфракомом, потом они переехали в Килчестер. Там у них был домик, но он оказался им сырым, и тогда они поселились в Бродхинни. Судя по всему, муж ее был человеком спокойным, скромным, в местном пабе * почти не появлялся. Одним словом, жили у всех на виду, открыто и честно, как всякие порядочные люди.

— И тем не менее ее все же убили. Племянница не называла никого, кто мог бы таить на нее зло?

— Нет.

Пуаро потер с досады нос.

— Понимаете, дорогой мой, было бы куда проще, если бы миссис Магинти оказалась, так сказать, вовсе не миссис Магинти. Если бы она оказалась Таинственной Незнакомкой, женщиной с определенным прошлым.

— Не было этого, — флегматично произнес Спенс. — Миссис Магинти была миссис Магинти, малообразованной женщиной, сдававшей комнаты, приходящей домработницей. Таких в Англии тысячи.

— Но не всех их убивают.

— Не всех, в этом я с вами согласен.

— Так почему же убили миссис Магинти? Очевидный ответ на этот вопрос мы не принимаем. Что остается? Весьма сомнительная версия о причастности к преступлению ее племянницы.

* Паб — английская пивная.

Еще более сомнительная версия об убийстве ее неким посторонним. Факты? Давайте придерживаться фактов. Что мы имеем? Убита старушка поденщица. Арестован и признан виновным в преступлении застенчивый, чудаковатый молодой человек. Почему был арестован Джеймс Бентли?

Спенс удивленно уставился на Пуаро.

— Улики были против него. Я же вам рассказывал...

— Да, улики. Но скажите мне, дорогой Спенс, улики были подлинные или сфабрикованные?

— Сфабрикованные?

— Да. Если допустить, что Джеймс Бентли невиновен, то мы можем говорить о двух возможных вариантах. Первый: все доказательства подтасованы таким образом, чтобы направить подозрение на него. Второй: он стал жертвой несчастливо сложившихся для него обстоятельств.

Спенс задумался.

— Ясно. Я понял, к чему вы клоните.

— У нас нет оснований утверждать, что верен первый вариант. Но, с другой стороны, ничто не убеждает и в обратном. Похищенные деньги были спрятаны за домом в таком месте, где найти их не составляло никакого труда. Спрятать их в его комнате было бы уж слишком наглядно, на такую приманку полиция вряд ли клюнула бы. Убийство совершено в тот час, когда Бентли в сиротливом одиночестве совершал свой моцион. Каким образом кровь попала на рукав его пальто? Не мог кто-то незаметно измазать его в темноте?

— Вы, по-моему, уж слишком далеко заходите, мсье Пуаро.

— Возможно, возможно. Но смею предположить, что в этом деле нам придется пойти так далеко, что мы и дороги еще четко не видим... Поскольку, мой дорогой Спенс, если миссис Магинти была самой обыкновенной женщиной, то необыкновенным должен быть ее убийца. Да, это ясно. Одно вытекает из другого. В этом деле главной является личность не жертвы, а убийцы, что случается редко. Гораздо чаще ключ к разгадке скрыт в личности жертвы. Обычно меня интересует в первую очередь безмолвный труп. Кого он в бытность свою ненавидел, кого любил, как поступал. И когда таким образом познакомишься с ним поближе, он начинает говорить, приоткрывает мертвые губы и произносит искомое имя. Но в данном случае, — продолжал Пуаро, — все обстоит как раз наоборот. Мы пытаемся определить затаившуюся в темноте личность. Как умерла миссис Магинти? Почему умерла? Изучив ее жизнь, мы ответа все равно не найдем. Он укрыт, как я уже сказал, в личности убийцы. В этом вы со мной согласны?

— Скорее всего вы правы, — сказал Спенс, уклоняясь от ответа.

— Какую цель преследовали преступники? Убрать миссис Магинти? Или убрать Джеймса Бентли?

— Гм, — с сомнением произнес Спенс.

— Да, да, нам предстоит прежде всего определиться именно по этому вопросу. Кто был истинной жертвой? Кто должен был пострадать?

— Вы действительно верите, что кто-то мог пристукнуть беззащитную старуху с тем, чтобы за убийство повесили другого? — скептически произнес Спенс.

— Как говорят англичане, нельзя испечь омлет, не разбив яйца. Так вот, миссис Магинти вполне могла оказаться теми самыми яйцами, а Бентли — омлетом. Поэтому расскажите мне все, что знаете о нем.

— Тут и рассказывать почти нечего. Отец его был врачом, умер, когда Джеймсу исполнилось девять лет от роду. Учился в небольшой частной школе, признан негодным для военной службы — у него слабые легкие. Во время войны работал в одном из министерств, жил с матерью, у которой чересчур были развиты собственнические инстинкты.

— Так, так, что-то в этом есть... Во всяком случае, больше, чем в жизненной истории миссис Магинти.

— Вы и впрямь верите в то, что говорите?

— Я пока ни во что не верю. Я говорю лишь, что перед нами два очевидных пути для расследования, и мы должны как можно скорее определиться, по какому идти.

— Что вы намерены предпринять? Чем я могу вам помочь?

— Для начала я хотел бы побеседовать с Бентли.

— Это можно устроить. Я свяжусь с его адвокатами.

— После встречи и в зависимости от ее результатов, если таковые будут, на что надежды питать не приходится, я отправлюсь в Бродхинни. Там, воспользовавшись сделанными вами записями, я пройду по вашим стопам.

— Там есть трактир «Три утки», но постояльцев они не принимают. «Барашек» в Каллавоне — это в трех милях от Бродхинни. Да и в самой деревушке есть некое подобие пансиона. Не пансион, собственно, а ветхий сельский домишко; его хозяева сдают комнаты. Не думаю, однако, — прибавил он с сомнением, — что у них очень уютно.

Пуаро мученически прикрыл глаза.

— Страдать так страдать, — произнес он с тоской. — Ничего не поделаешь.

— Кем вы представитесь? — спросил Спенс, критически оглядывая Пуаро с головы до ног. — Можно оперным певцом. Голос, скажем, сел, надо отдохнуть. Должны поверить.

— Я поеду туда, — заявил Пуаро с достоинством члена королевской семьи, — самим собой.

Спенс поджал губы.

— Вы считаете, что это разумно?

— Я считаю, что это необходимо. Именно так: необходимо. Сами подумайте, мой друг, мы бросаем вызов времени. Что нам известно? Ничего. Поэтому надежнее всего поехать туда и сделать вид, что мне известно многое. Я — Эркуль Пуаро. И я, Эркуль Пуаро, не удовлетворен вердиктом по делу Бентли. Существуют некие обстоятельства, истинное значение которых открыто лишь мне одному. Понимаете?

— А затем?

— А затем, произведя соответствующее впечатление, я стану наблюдать реакцию. Ибо реакция неизбежна. Определенно, реакция неизбежна.

Спенс с беспокойством посмотрел на Пуаро.

— Послушайте, — сказал он, — только не лезьте, Бога ради, на рожон. Не хватало еще, чтобы с вами что-нибудь случилось.

— Ну, если случится, у вас и тени сомнения не останется в вашей правоте.

— Такого рода доказательств мне не надо, — возразил Спенс.

Глава 4

С глубоким отвращением Пуаро осмотрел комнату, в которой находился. Пропорции в ней были соблюдены, но тем все прелести ее и исчерпывались. Пуаро состроил красноречивую гримасу и подозрительно провел пальцем по крышке книжного шкафа. Так и есть: пыль! Он осторожно присел на диван; полопавшиеся пружины уныло провисли под тяжестью его тела. Два блеклых кресла выглядели не лучше, из третьего, на вид сравнительно удобного, на него зарычал огромный, злобный и, похоже, паршивый пес.

Комната была большая, стены оклеены выгоревшими обоями от Морриса. Перекосившиеся неинтересные эстампы на стенах висели вперемежку с парой написанных маслом картин. Чехлы на стульях давно потеряли первоначальный цвет и засалились, ковер был в дырах. По всей комнате разбросано без намека на вкус, множество разнородных безделушек. Лишенные поперечин столики угрожающе покосились. Окно было открыто, и казалось, никакая на свете сила не в состоянии была его закрыть. Дверь была пока притворена, но скорее всего ненадолго, так как защелка ее не держала.

Дверь распахнулась, в комнату одновременно ворвались холодный вихрь и миссис Саммерхейз. Она держала в руках эмалированную миску и кухонный нож.

С улицы донесся мужской голос:

— Морин, кота опять тошнит. Что мне с ним делать?

— Иду, дорогой! — крикнула хозяйка, бросила на пол миску и нож и выскочила наружу.

Пуаро поднялся и закрыл дверь.

«Какие муки я терплю!»

Мимо дома протарахтел автомобиль. Пес вскочил с кресла, отчаянно залаял и вспрыгнул на столик у окна; столик с грохотом опрокинулся.

«Ну, все, — подумал Пуаро. — Больше я этого не вынесу!»

Дверь распахнулась, в комнату ворвался холодный ветер, пес выскочил на улицу, продолжая громко лаять. Снаружи послышался звонкий и чистый голос Морин:

— Джонни, какого дьявола ты оставил открытым черный ход? Проклятые куры забрались в кладовку!

— И за все это, — с чувством произнес Пуаро, — я плачу семь гиней в неделю!

Оглушительно хлопнула сама собой закрывшаяся дверь. Через приоткрытое окно с улицы донеслось громкое кудахтанье потревоженных кур. Дверь вновь раскрылась, на пороге ее возникла Морин, с радостным криком она кинулась к миске.

— Никак вспомнить не могла, куда ее подевала. Вас не потревожит, мистер... э... хм... Я хочу сказать, я вам не помешаю, если полущу здесь фасоль? На кухне стоит ужасная вонь.

— Мадам, я в восторге.

Возможно, фраза эта была не совсем уместна, зато близка к истине. Впервые за сутки пребывания в «Лугах» — так назывался дом Саммерхейзов — у Пуаро появился шанс завести разговор, который мог продлиться более шести секунд.

Миссис Саммерхейз плюхнулась в кресло и принялась неловко, но с бешеной энергией лущить бобы.

— Надеюсь, — сказала она, — вам здесь не слишком неуютно? Если надо что, вы скажите.

Пуаро уже пришел к выводу, что с должным терпением в «Лугах» он мог относиться лишь к хозяйке дома.

— Вы очень добры, мадам, — вежливо ответил он. — Сожалею, что не могу подыскать вам подходящую прислугу.

— Прислугу! — прыснула Морин. — Что за мысль! Я не могу найти даже подходящую домработницу. Была одна, так и ту убили. Такое уж мое везение.

— Это, наверное, была миссис Магинти, — быстро подхватил Пуаро.

— Она, она. Господи, как мне ее не хватает! Тогда, конечно, интересно было: как-никак, а это — первое убийство, можно сказать, в нашей семье, но я сразу заявила Джонни, что это просто ужасное невезение. Без нее я не успеваю управляться по дому.

— Вы благоволили ей?

— На нее можно было положиться. Она приходила по понедельникам после ленча и по четвергам — утром — как часы. Теперь у нас работает эта Берпиха, что у станции живет. У нее на руках пятеро детей и муж. Естественно, ее здесь не увидишь. То с мужем что случится, то с матерью, то ребенок заболит. У миссис Магинти, если что и могло случиться, так только с ней самой, а я что-то такого не припоминаю.

— Вы никогда не сомневались в ее порядочности? Вы верили ей?

— О, она никогда ничего не трогала, даже еду. Ну, любопытствовала, не без этого — в письма заглядывала и все такое. Но это естественно, ведь жизнь у нее такая серая, верно?

— И миссис Магинти так жила?

— Наверное. Ну, сами представьте — всю жизнь на коленях драить полы. Сегодня мыть, завтра стирать чужое белье и так без конца. Если б мне пришлось заниматься этим ежедневно, я была бы рада, чтобы меня убили. Честное слово, рада была бы.

В комнату заглянул хозяин. Миссис Саммерхейз вскочила на ноги, рассыпав фасоль, бросилась к окну и подняла раму до отказа. Затем перемахнула через подоконник, и супруги вместе удалились.

— *Nom d'um nom d'um nom!** — пробормотал Пуаро. Он

* Ну и семейка! (франц.)

подошел к окну и попытался прикрыть его как можно плотнее. Ветер донес до его ушей слова майора:

— Как тебе наш новый постоялец? По мне, так странный он какой-то. Как, говоришь, его фамилия?

— Я только что не могла ее вспомнить и назвала его «мистер Э-хм». Ах, да: Пуаро. Он француз.

— Знаешь, по-моему, я ее где-то слышал.

— В рекламе какой-нибудь прочитал. «Перманент на дому», например. Он похож на парикмахера.

Пуаро поморщился.

— Н-нет. Может быть, «соленья-маринады»? Не помню. Но фамилия знакомая. Ты бы лучше взяла с него семь гиней за первую неделю. На всякий случай.

Голоса стихли.

Пуаро собрал разлетевшиеся во все стороны бобы и стручки. Едва он успел справиться с этой задачей, как в комнате опять объявилась миссис Саммерхейз.

Он с вежливым видом протянул ей миску.

— Voici, madame*.

— Ах, огромное вам спасибо! Фасоль немного почернела. Мы хранили ее в глиняных горшках с солью. Но эта, похоже, начала портиться. Боюсь, и на вкус она будет не та.

— Я тоже боюсь. Вы позволите прикрыть дверь? Здесь сквозит.

— Да, конечно. Я их, по-моему, всегда оставляю открытыми.

— Я заметил.

— А эта дверь все равно сама распахивается. Весь дом, по сути, на части разваливается. Здесь жили родители Джонни, достатка у них не было, они ни разу его не отремонтировали. Мы тоже, когда из Индии вернулись, не в состоянии были что-либо сделать. А детям нравится, когда на каникулы приезжают, носятся по комнатам и саду как угорелые. Мы пускаем постояльцев — все подмога какая-то, хотя попадались и такие, что ужас просто!

— А, кроме меня, сейчас никого нет?

— Старушка одна наверху. Как легла в постель в день приезда, так и лежит. Не пойму, что с ней, на вид все в порядке. Четыре раза в день отношу ей поднос с едой, аппетит у нее отменный. Но — лежит. Правда, завтра собирается съездить куда-то, к племяннице, кажется.

Миссис Саммерхейз прервалась на секунду, но тут же продолжила уже иным, наигранным голосом:

— С минуты на минуту придет торговец рыбой. Вы не будете возражать, если я... э-э попрошу вас заплатить за первую неделю? Вы же приехали на неделю, так?

— Возможно, и больше.

— Извините, что я пристаю, но в доме сейчас нет наличных, а вы знаете, что за народ торговцы, прилипнут как банный лист: плати да плати..

— Ради Бога, не надо извиняться, мадам.

* Пожалуйста, мадам (франц.).

Пуаро отсчитал шесть фунтовых бумажек и прибавил к ним шесть шиллингов. Миссис Саммерхейз с живостью схватила деньги.

— Большое спасибо.

— Мне, наверное, следовало поподробнее рассказать о себе, мадам. Я — Эркуль Пуаро.

Однако откровение это оставило миссис Саммерхейз совершенно равнодушной.

— Какое красивое имя, — вежливо ответила она. — Греческое, да?

— Как вам, должно быть, известно, я сыщик. — Он постучал себя в грудь кулаком. — Пожалуй, самый знаменитый сыщик на свете.

Миссис Саммерхейз аж взвизгнула от удовольствия.

— Я вижу, вы большой шутник, мсье Пуаро. И что же вы ищете? Сигаретный пепел и следы ног?

— Я расследую убийство миссис Магинти, — ответил Пуаро. — И я не шучу.

— Ой! — вскрикнула хозяйка. — Я порезалась.

Она подняла руку, осмотрела пораненный палец и перевела взгляд на своего постояльца.

— Послушайте, вы это серьезно? Я хочу сказать, что все ведь в прошлом. Ее жильца арестовали, судили, признали виновным. Уже и повесили, наверное.

— Нет, мадам, не повесили. Пока. И дело еще не завершено. Позволю напомнить вам строку из стихотворения вашего поэта: «Вопрос не решен, пока не решен справедливо».

— Ай! — Миссис Саммерхейз переключила внимание с гостя на миску. — Кровь капает прямо на фасоль. А я хотела приготовить ее на второй завтрак. Ну, да не важно, все равно она будет вариться в кипятке. А вареное все годится, даже консервы.

— Вы знаете, — тихо сказал Пуаро, — я, наверное, к завтраку не вернусь.

Глава 5

— Не знаю, не знаю, — говорила миссис Берч. Эту фразу она произнесла в третий раз. Не так легко ей было преодолеть естественное недоверие к этому похожему на иностранца джентльмену с черными усищами и в длинном пальто с меховым воротником. — Все это было очень неприятно. Убийство тетушки, полиция повсюду пныряет, вынюхивает что-то, вопросы, допросы... Соседи любопытствуют. Думала, что это никогда не кончится. А свекровь моя, так та вообще из кожи вон лезла, все уши прожужжала, что в ее роду ничего подобного никогда не случилось. Но я, откровенно говоря, считала, что все уже в прошлом.

— А если предположить, что Джеймс Бентли все же невиновен?

— Чепуха, — отрезала миссис Берч. — Как он может быть невиновен? Виновен, виновен, да еще как виновен. Мне он никогда не нравился. Бродил все, бормотал что-то себе под нос.

Я так тетушке и заявила: «Нельзя держать в доме такого типа. Он в любой момент спятить может». А она отвечает, что человек он тихий, вежливый, спокойный. Не пьет, говорит, и даже не курит. Вот и доигралась, бедняжка.

Пуаро задумчиво смотрел на хозяйку дома. Бесси Берч была крупной, полной, пышущей здоровьем женщиной с приветливой улыбкой на лице. Небольшой ее домик был опрятен и чист, в нем пахло мебельным лаком и «Брассо» — средством для натирки медной посуды. Со стороны кухни до него доносился аппетитный аромат готовящегося ленча.

«Хорошая жена, заботливая и чистоплотная», — подумал он с одобрением. Пусть отнеслась она к нему поначалу с предубеждением и была сдержанна, но можно ли было требовать от нее чего-либо иного? Во всяком случае, трудно представить, что эта женщина могла зарубить свою тетку секачом, подтолкнуть к этому преступлению мужа или промолчать о нем. Спенс считал, что она на это не способна, и Пуаро — с определенной долей разочарования — вынужден был согласиться с ним. Спенс внимательно изучил финансовое положение Берчей и мотива для убийства не нашел, а Спенс был добросовестным полицейским.

О своей тетушке Бесси, как оказалось, знала немного. Их связывали родственные узы, о них не забывали, но особой близости в их отношениях не было. Время от времени — приблизительно раз в месяц или около того — Бесси с мужем отправлялись в воскресенье навестить ее, вместе обедали, реже тетушка навещалась к ним. На Рождество они обменивались подарками. О том, что у тетушки что-то там отложено на черный день, они знали, как знали и то, что получают эти деньги в случае ее смерти.

— Но это вовсе не значит, что мы в них нуждались, — уточнила Бесси, краснея. — У нас самих кое-что отложено. А похороны мы организовали торжественные, с цветами, все как у людей.

Тетушка любила вязать. Она не любила собак, от них сплошной беспорядок, зато у нее был рыжий кот. Однажды он ушел из дому и не вернулся — заблудился, должно быть, но женщина, что на почте работает, обещала принести ей котенка. Медная посуда у нее всегда блестяла, а полы на кухне она скребла ежедневно. Хорошо она делала, что подрабатывала у соседей, платили ей по шиллингу и десяти пенсов в час, а в «Хомли» — по два, это мистер Карпентер, промышленник. У них денег куры не клюют, у Карпентеров. Он уговаривал тетушку приходить к ним чаще, но она не хотела обижать женщин, которым помогала еще до того, как нанялась к Карпентерам.

Пуаро упомянул Саммерхейзов из «Лугов».

— Да-да, тетушка ходила к ним дважды в неделю. Они приехали из Индии, где имели массу слуг из местных жителей, и потому миссис Саммерхейз совершенно не умеет вести домашнее хозяйство. Пробовали они выращивать овощи на продажу, но из этого ничего не вышло. А когда их дети приезжают на каникулы, дом вообще превращается в ад кромешный. Но сама миссис Саммерхейз — приятная женщина, тетушке она нравилась.

Постепенно портрет миссис Магинти приобретал все более ясные черты. Она вязала, драила полы, начищала медную утварь, любила котов и ненавидела собак. Она любила детей, однако не слишком. Держалась особняком.

По воскресным дням посещала церковь, но в церковных мероприятиях участия не принимала. Изредка ходила в кино. С неблагоприятными поступками, непристойным — по ее меркам — поведением не мирилась: отказалась работать у художника, узнав, что брак его должным образом не оформлен. Она не читала книг, но любила воскресные газеты и старые журналы, которые ей давали в домах, где она убирала. Несмотря на то, что в кино ходила редко, интересовалась жизнью кинозвезд. Не интересовалась политикой, но голосовала за консерваторов, как голосовал ее покойный муж. На одежду почти не тратилась, в основном довольствовалась тем, что дарили ей женщины, которым помогала; дарили, впрочем, немало. Была экономна.

Другими словами, миссис Магинти в реальности оказалась той миссис Магинти, какой ее Пуаро себе и представлял. А Бесси Берч, ее племянница, оказалась той Бесси Берч, какой она была изображена в записях Спенса.

Пуаро уже собирался уходить, когда домой на ленч пришел Джо Берч. Небольшого роста, грубоватый, смышленный, он, однако, чувствовал себя менее уверенно, чем его супруга. В поведении его ощущалась некая нервозность. Но подозрительности или враждебности к иностранцу в нем было меньше, чем у жены. Он проявил горячее желание помочь вновь открывшемуся следствию, а Пуаро это показалось странным. Ибо почему вдруг должен Джо Берч так стараться задобрить незнакомого ему иностранца? Все дело, должно быть, в письме суперинтенданта Спенса, которое Пуаро принес с собой.

Таким образом Джо Берч старался поддерживать хорошие отношения с полицией? Он что, в отличие от супруги, не мог позволить себе относиться к ней критически? Его беспокоит совесть? Почему? Ответов может быть великое множество. Но ни один из них, может статься, не связан со смертью миссис Магинти. А может, его киноалиби все же было каким-то образом сфальсифицировано и это он, Джо Берч, постучал в дверь домика миссис Магинти и убил ничего не подозревавшую старушку? Выдвинул ящики, имитируя ограбление, спрятал во дворе тридцатку, направляя подозрение на Джеймса Бентли, а сам все время при этом думал о тех двухстах фунтах, что лежали у нее в сбербанке? Двухстах фунтах, которые получит его жена и которые ему зачем-то позарез понадобились? Орудие убийства, помнил Пуаро, так и не нашли. Почему оно тоже не осталось на месте преступления? Теперь ведь каждый дурак знает, что надо надевать перчатки или вытирать отпечатки пальцев. Так почему орудие, по всей видимости тяжелое, убийца унес? Не потому ли, что легко было доказать его принадлежность семейству Берчей? Может быть, оно, отмытое от крови, висит сейчас где-то здесь, в этом доме? Что-нибудь вроде топорика или секача для рубки мяса, как сказал полицейский врач, но на самом деле нечто иное? Такое, что люди узнали бы? Полиция искала его, но

не нашла. Искала в лесу, искала в прудах. Ничего не пропало из кухни миссис Магинти, никто не видел ничего подобного у Бентли. Интересовались в магазинах, кто покупал в последнее время топорики или секачи, — это тоже не дало результатов. Факт незначительный, но говорит он в пользу Бентли. Пройгнорированный под грузом остальных улик, и тем не менее — факт...

Пуаро оглядел гостиную.

Так не здесь ли оно, орудие убийства, не в этом ли доме? Не потому ли Джо Берч столь беспокоен и дружелобен?

Ответа Пуаро не знал. Он склонен был считать, что это не так, но абсолютно уверен не был...

Глава 6

Пуаро явился в контору «Бредер и Скаттл» и после некоторых препирательств был допущен в кабинет самого главы фирмы.

Мистер Скаттл оказался человеком бойким, подвижным и радужным.

— Добрый день, добрый день, — приветствовал он посетителя, потирая руки. — Вам понадобилась наша помощь? Чем могу служить?

Он окинул Пуаро профессиональным взглядом, определяя, кто перед ним находится, мысленно регистрируя отдельные детали.

Иностранец. Одежда хорошего качества. Вероятно, богат. Владелец ресторана? Хозяин отеля? Киношник?

— Я бы не хотел отнимать у вас много времени. Меня интересует ваше мнение о бывшем сотруднике фирмы Джеймсе Бентли.

Выразительные брови Скаттла на целый дюйм подскочили вверх и упали на место.

— Джеймс Бентли, Джеймс Бентли... Джеймс Бентли? Вы из прессы?

— Нет.

— Из полиции?

— Нет. Во всяком случае, не этой страны.

— Не этой страны. — Скаттл мысленно зафиксировал полученную информацию для будущего пользования. — А зачем вам это нужно?

— По просьбе родственников Джеймса Бентли расследование по его делу возобновлено.

— Не знал, что у него есть родственники. Но как бы то ни было, а Бентли признан виновным и приговорен к смертной казни.

— Но еще не казнен.

— Пока дышу, надеюсь, так? — Скаттл покачал головой. — Сомневаюсь, однако, в успехе. Доказательства были веские. А кто его родственники?

— Могу сказать лишь, что оба они богаты и могущественны. Необычайно богаты.

— Вы меня удивляете. — Скаттл невольно подобрел. Слова

«необычайно богаты» обладали гипнотическим свойством.—
Право слово, удивляете.

— Мать Джеймса, покойная миссис Бентли,— пояснил Пуаро,— вместе с сыном была лишена наследства.

— Семейная ссора. Ну-ну. А Бентли-младший остался без гроша за душой. Жаль, что эти родственнички не пришли ему на помощь чуть раньше.

— Они совсем недавно узнали о случившемся,— разъяснил Пуаро,— тут же обратились ко мне, предложили немедленно ехать в Англию и сделать все возможное для его спасения.

Скаттл откинулся на спинку стула, приняв непринужденную позу.

— Даже не знаю, что вы тут сумеете сделать. Попробуете доказать, что он невменяем? Поздновато, конечно, но если вам удастся заручиться поддержкой именитых медиков, то все может быть. Однако я в этом не силен.

Пуаро подался вперед.

— Мсье, Джеймс Бентли работал у вас. Между нами, только между нами, как вы считаете: это он убил старуху?

Скаттл удивленно посмотрел на Пуаро.

— Конечно.

— И вы считаете, что психологически он был готов к этому?

— Ну... если вы так ставите вопрос, то нет, пожалуй. Никогда бы не подумал, что он может осмелиться на такое. Вот что я вам скажу, если уж вы спрашиваете: он ненормальный. Согласитесь с этим, и все станет на место. У него вообще с головой не в порядке было, а тут еще потеря работы, волнение, то да се — ну, вот он и рехнулся окончательно.

— У вас были особые основания увольнять его?

Скаттл покачал головой.

— Сезон был неудачный. Работы мало. Мы решили уволить наименее компетентного. Им оказался Бентли. Дали ему хорошую рекомендацию. Но он другой работы все равно не нашел. Пассивный человек, предприимчивости ему не хватает. На людей производил неблагоприятное впечатление.

«Всегда возвращается к одному и тому же,— думал Пуаро, покидая контору.— Джеймс Бентли производил неблагоприятное впечатление на людей».

Он утешил себя воспоминаниями об известных ему убийцах, производивших на людей неотразимое впечатление.

— Простите, вы не станете возражать, если я присяду здесь и немного побеседую с вами?

Пуаро, удобно устроившийся за столиком в «Синей кошке» и углубившийся в изучение меню, вздрогнул и поднял голову. В зале, отделанном дубом, царил полумрак, но присевшая напротив девушка на темном фоне светилась ярким пятном. У нее были золотистые волосы, одета она была в джемпер цвета электрик. Пуаро показалось, что он ее совсем недавно где-то видел.

— Извините, волей-неволей, но я слышала часть вашего разговора с мистером Скаттлом.

Пуаро кивнул. Он понял, что перегородки в конторе Бредера

и Скаттла устроены были скорее для проформы и не обеспечивали конфиденциальности переговоров. Однако это его не беспокоило, поскольку реклама ему и была нужна.

— Вы машинистка, — сказал он. — Сидели справа у дальнего окна.

Теперь кивнула она. В темноте блеснули ее зубы: собеседница улыбнулась. Пышущая здоровьем, пухленькая, полногрудая молодая женщина — Пуаро такие нравились. Лет тридцати трех — тридцати четырех, решил он; натуральная брюнетка, но не из тех, кто идет на поводу у природы.

— Я хотела спросить о Бентли, — сказала она.

— Что именно?

— Он будет подавать апелляцию? Что означают ваши действия? всплыли новые факты? Я так рада! Я не могла, никак не могла поверить, что он мог такое совершить.

Брови Пуаро поползли вверх.

— Значит, вы не верили в его виновность?

— Сначала не верила. Думала, это ошибка какая-то. Но потом доказательства...

— Да, доказательства... — повторил Пуаро.

— Судя по всему, кроме него, и убивать некому было. У меня даже мысль такая мелькнула: а вдруг он свихнулся?

— Вам и раньше казалось, что он — назовем это так — со странностями?

— Нет-нет, что вы! Я вовсе не это имела в виду. Он застенчив и неловок, но таких среди нас немало. Дело в том, что он не проявил свои способности. Не верил в свои силы.

Пуаро внимательно всмотрелся в сидевшую напротив женщину. Уж она-то в себе уверена. Ее уверенности на двоих хватит.

— Он вам нравился?

Она вспыхнула.

— Да, нравился. Эми — она тоже в нашей конторе работает — подтрунивала над ним, называла мокрой курицей, но мне он нравился. Он добрый, ласковый, вежливый, начитанный — сколько всего знал! И очень грустил по матери. Она долго болела — ну, не болела, просто слабая была, он за ней ухаживал. Она, конечно, тоже о нем заботилась. О здоровье, о питании.

Пуаро кивнул и спросил:

— Вы дружили?

— Не знаю. Вряд ли наши отношения можно назвать дружбой. Иногда беседовали. Но после того, как его уволили, мы редко виделись. Один раз я написала ему, но он не ответил.

— И все же он вам продолжает нравиться? — мягко уточнил Пуаро.

— Да, — с вызовом ответила она.

— Прекрасно.

Пуаро припомнил встречу с осужденным. Бентли он представлял отчетливо. Мышиного цвета волосы, нескладная фигура, худые руки с выпирающими суставами, тонкая шея, острый кадык. Смущенный, вороватый взгляд украдкой, который вполне можно принять за хитрый. Не было в нем прямоты, искренности; подобным ему людям на слово не верят: он производил

впечатление человека скрытного, вероломного, жуликоватого. И говорил он, в дополнение ко всему, грубовато, невнятно... Аналогичное впечатление Бентли производил на всех не знакомых с ним близко людей, в том числе и на тех, кто присутствовал во время процесса в зале суда. Такой способен и лгать, и воровать, и стукнуть по голове старую женщину...

Однако на суперинтенданта Спенса, разбиравшегося в людях, Бентли такого впечатления не произвел. На Эрколея Пуаро тоже.

А теперь, оказывается, и на эту девушку.

— Как вас зовут, мадемуазель?

— Мод Вильямс. Скажите, я могу чем-нибудь помочь вам... ему?

— Думаю, что можете. Видите ли, мисс Вильямс, есть люди, которые не верят в виновность Джеймса Бентли. И они пытаются это доказать. Расследование поручено мне, и могу вам сказать, что я уже немалого добился, значительно продвинулся вперед.

Он произнес эту ложь, даже не покраснев. Он считал ее совершенно необходимой. Ему надо было, чтобы притаившийся где-то Некто забеспокоился, почувствовал надвигающуюся на него опасность. Мод, естественно, молчать не будет, а разговоры сродни брошенному в пруд камню: во все стороны от него расходятся круги.

— Расскажите мне, о чем вы с ним беседовали, — предложил Пуаро. — Бентли рассказывал вам о матери, о доме, о жизни? Не упоминал о тех, с кем сам или его мама не ладили?

Мод задумалась.

— Нет... Не совсем так. Как я понимаю, его мама недолюбливала молодых женщин.

— Матери преданных сыновей никогда не любят молодых женщин. Но я о другом. О какой-то семейной вражде, недоброжелателях, злонамеренных чувствах.

Она покачала головой.

— Он никогда ничего подобного не говорил.

— А о своей хозяйке, миссис Магинти?

Она слегка вздрогнула.

— Немного. По имени ее не называл. Однажды заметил, что она слишком часто кормит его селедкой. И еще, что она переживает пропажу кота.

— Он никогда не говорил, что знает, где она прячет деньги? Только будьте искренни.

Девушка побледнела, но тут же гордо вскинула подбородок.

— Говорил. Как-то раз речь зашла о людях, которые не доверяют банкам, и он сказал, что хозяйка его прячет деньги в спальне под половой доской. «Я мог бы взять их в любой момент, когда ее нет дома», — сказал он. Не в шутку — он никогда не шутил, а скорее озабоченно, потому что она такая беспечная.

— Ну что ж, это хорошо, — заметил Пуаро. — Я имею в виду, если бы он хотел их украсть, то был бы скрытнее. Он мог бы, например, сказать: «Однажды кто-нибудь ее пришибет за них».

— Но, в любом случае, он не собирался делать этого.

— Нет. Но слова, пусть даже сказанные вскользь, мимоходом, неминуемо раскрывают характер человека. Умный преступник рта лишней раз не раскроет, но умного преступника еще поискать надо, обычно они кичливы и много говорят, потому в большинстве своем и попадают.

— Но кто-то же убил ее, — резко возразила Мод.

— Естественно.

— Кто? Вы знаете? Вы кого-то подозреваете?

— Да, — солгал Пуаро, — подозреваю. Но мы пока лишь в начале пути.

Девушка взглянула на часы.

— Мне пора. Перерыв у нас получасовой. Унылый городишко, этот Килчестер. Раньше я работала в Лондоне. Вы дадите мне знать, если я вам понадоблюсь? Если действительно смогу чем-нибудь помочь?

Пуаро достал визитную карточку и написал на ней название дома Саммерхейзов, указав номер их телефона.

— Мои координаты.

Имя его, как он с огорчением заметил, на собеседницу особого впечатления не произвело. Чувствовалось, что молодое поколение знаменитых людей не знает.

Глава 7

186 Домик, в котором жила миссис Магинти, находился в нескольких шагах от автобусной остановки. На крыльце его Пуаро увидел двух развеселых мальшей. Один грыз червивое яблоко, второй кричал и колотил по двери луженым подносом. Пуаро присоединился к нему и тоже громко постучал.

Из-за угла выглянула женщина с растрепанными волосами, одетая в пестрый халат.

— Прекрати, Эрни, — сказала она.

— Не-а, — ответил малыш и продолжал стучать.

Пуаро сошел с крыльца и направился в ее сторону.

— С детьми не сладишь, — вздохнув, пожаловалась женщина.

«При желании сладишь», — подумал Пуаро, но вслух ничего не сказал.

Женщина кивнула ему на заднюю дверь.

— Парадная у нас на замке, сэр. Входите, пожалуйста.

Миновав грязную буфетную, Пуаро оказался в еще более грязной кухне.

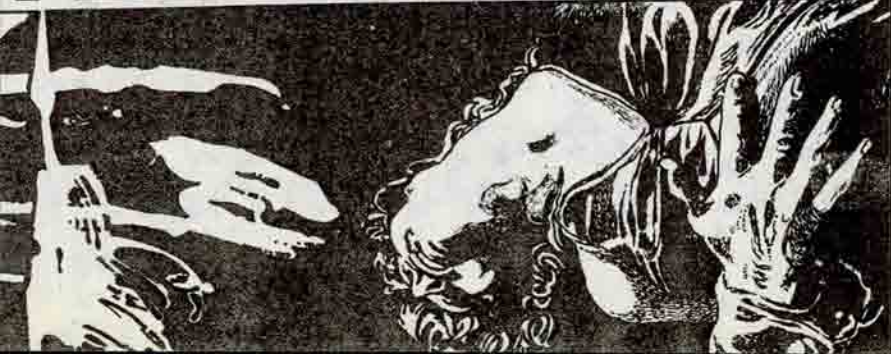
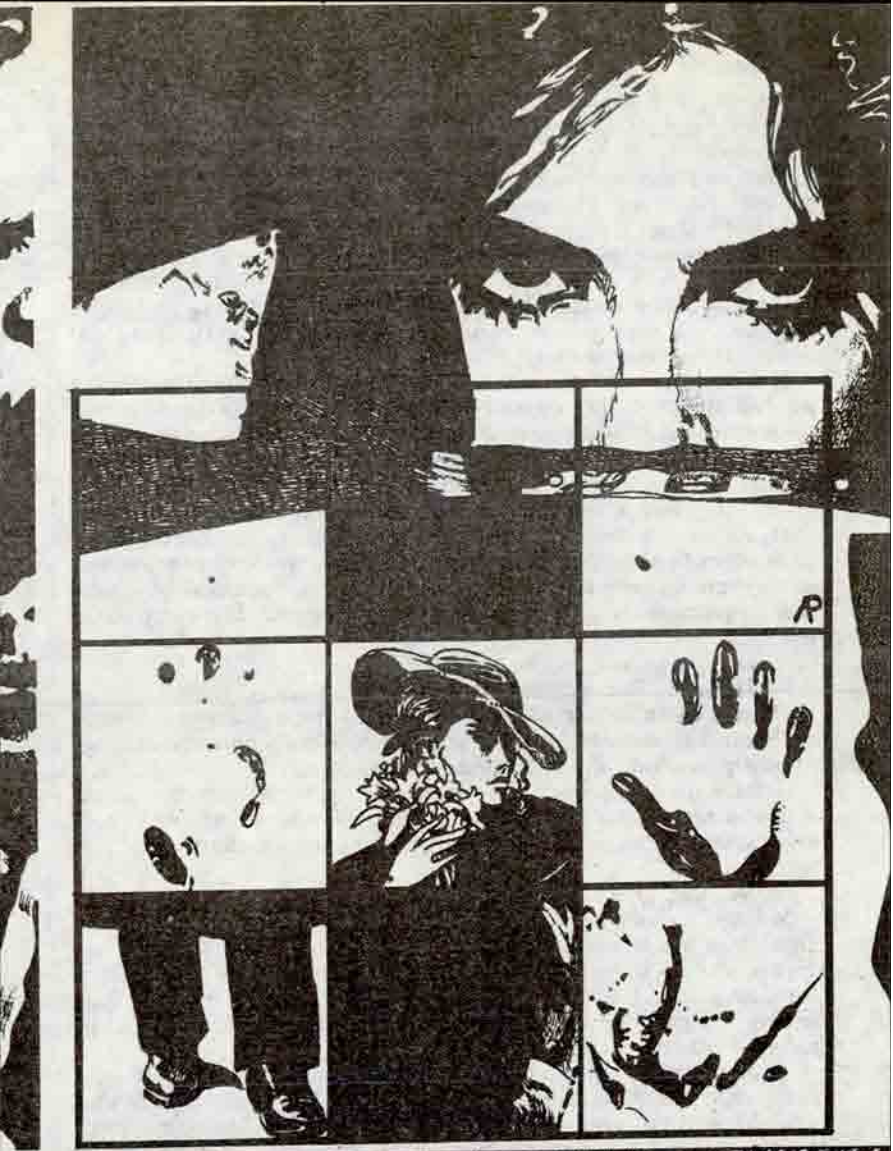
— Ее убили не здесь, — сказала женщина. — В гостиной.

Пуаро от неожиданности мигнул.

— Вы же за этим сюда пришли, да? Вы — тот самый иностранец, что остановился у Саммерхейзов?

— Так вы обо мне знаете? — спросил Пуаро. — Да, это я, миссис...

— Кидл. Мой муж — штукатур. Сюда мы переехали месяц назад. А раньше жили у матери Берта... Нам говорили: «Не станете же вы жить в доме, где произошло убийство!» А я отвечала, что дом есть дом, и это лучше, чем ютиться в задней

комнатушке и спать на стульях. Как ужасно, что людям не хватает домов, правда? У нас, во всяком случае, ничего не случилось.

Миссис Кидл проводила его в маленькую комнатку, чересчур плотно заставленную предметами мебели эпохи короля Иакова. В отличие от остальных эта комната производила впечатление нежилой.

— Она лежала с раскроенным черепом прямо на полу. Миссис Эллиот чуть не свихнулась, когда увидела ее. Привел ее сюда Ларкин, что разносит кооперативный хлеб. А деньги были наверху. Пойдемте, покажу.

Хозяйка повела его на второй этаж, в спальню покойной миссис Магинти, где стояли большой комод, такая же большая кровать с панцирной сеткой и медными шарами на спинках, несколько стульев, на протянутых веревках сушилась детская одежда.

— Здесь она и лежала,— с гордым видом сообщила хозяйка.

Пуаро огляделся. Трудно было представить, что этот кричащий оплот беспорядка и безвкусицы неизвестно откуда взявшихся случайных вещей некогда служил, выскобленный и опрятный, приютом старой женщине; здесь миссис Магинти жила и спала.

— Это, наверное, не ее мебель?

— Нет-нет. Все забрала племянница из Каллавона.

Ничего здесь не напоминало больше о миссис Магинти. Пришли Кидлы и захватили эту территорию. Жизнь сильнее смерти. Снизу донесся жуткий младенческий вопль.

— Младший проснулся,— пояснила зачем-то миссис Кидл и бросилась вниз по лестнице; Пуаро последовал за ней. Здесь ему делать было нечего. Он направился к соседнему дому.

— Да, сэр. Это я ее нашла.

Миссис Эллиот произнесла эти слова драматическим тоном. Она жила в чистеньком домике с опрятными комнатками, в котором, казалось, ничего потрясающего произойти не могло. Драматизм исходил лишь от его хозяйки, высокой, сухопарой брюнетки, с увлечением повествовавшей об одном из эпизодов ее славной жизни.

— Я, помню, услышала стук. То был Ларкин, булочник. Что-то, говорит, с миссис Магинти случилось. Она, говорит, не отвечает нам. Может, ей плохо стало? Ну, думаю, может, и впрямь плохо? Она была уже не молода, далеко не молода. И сердцебиения у нее были, это я точно знаю. Вот и подумала, может, у нее удар сделался? Он, Ларкин, объясняет, что их двое мужчин, никто, естественно, не хочет входить к ней в спальню. Вот я и пошла с ним.

Пуаро что-то одобрительно пробормотал, соглашаясь, что поступили они, как того требовали правила приличия.

— Поднялась по лестнице. Он стоял наверху, на площадке, бледный как смерть. Я тогда на это внимания не обратила, я же еще не знала, что случилось. Постучала в дверь, ответа не было. Тогда я повернула ручку и вошла. В спальне все вверх дном

перевернуто, а половая доска поднята. «Воры! — сказала я. — Но где же сама хозяйка?» И мы решили посмотреть в гостиной. Я сразу поняла, что ее убили. Ограбили и убили! И это у нас, в Бродхинни! Как я кричала, Господи, как кричала! Чуть сознание не потеряла. Пришлось им даже бренди мне принести из «Трех уток». Но и после этого меня еще несколько часов колотило, все не могла в себя прийти. «Ну что вы, дорогая, не надо все так близко принимать к сердцу, — успокаивал меня сержант. — Идите домой, заварите чашечку крепкого чаю». Я так и сделала. А Эллиот приходит с работы, смотрит на меня и спрашивает: «Что с тобой, что случилось?» Меня всю трясло тогда.

Пуаро поспешил прервать ее эмоциональную исповедь.

— Да-да, это заметно, миссис Эллиот. Скажите, а когда вы в последний раз видели миссис Магинти живой?

— За день до смерти: она выходила в огород нарвать мяты. А я как раз птицу кормила.

— Она вам что-нибудь сказала?

— Поздоровалась и спросила, как куры несутся.

— И больше вы ее не видели?

— Нет. Зато его видела. — Миссис Эллиот понизила голос. — В одиннадцать утра. Он шел по дороге. Шаркая ногами, как обычно.

Пуаро ждал, но собеседнице его, судя по всему, добавить к сказанному было нечего. Тогда спросил он:

— Вы удивились, когда его арестовали?

— И да, и нет. Должна сказать, он мне всегда казался немного с приветом, а на таких обязательно находит. У моего дяди сынишка родился умом слабый, так он подчас не дай Бог что вытворял. Силен был — смерть, а того не понимал, что делает. Вот и этот Бентли тоже малость чокнутый, и я не удивлюсь, если его не повесят, а в сумасшедший дом отправят. Да сами подумайте: где он спрятал деньги?! Кто же так прячет деньги, если сам не хочет, чтобы их нашли? Глупо и смешно.

— Если сам не хочет, чтобы их нашли, — повторил Пуаро. — У вас, случайно, не пропал секач или топорик?

— Нет, сэр, у меня все на месте. Полиция уже интересовалась. Всех спрашивали. До сих пор неизвестно, чем он ее убил.

Пуаро отправился на почту.

Итак, убийца хотел, чтобы украденные деньги нашли, но орудие убийства спрятал надежно. Ибо деньги укажут полиции на Джеймса Бентли, а орудие убийства на... кого?

Пуаро вздохнул. После миссис Эллиот он побывал и в двух других домах Бродхинни. Их обитатели были менее плодовиты, чем миссис Кидл, и лишены драматичности ее соседки, миссис Эллиот. Они подтвердили, что миссис Магинти была женщиной порядочной, что, кроме племянницы, живущей в Каллавоне, ее никто не навещал, никто, насколько им известно, не таил на нее зла.

— Ничего я не добился, ничего, — пробормотал Пуаро. — Мрак, никакого просвета. Можно понять отчаяние Спенса. Но мне это не подходит. Спенс — старательный полицейский и хо-

роший детектив, но я, я — Эркюль Пуаро. Я доберусь до истины!

Задумавшись, он не заметил большой дужи, шлепнул в нее лакированной туфлей и поморщился.

Да, он — великий, единственный в своем роде, неповторимый Эркюль Пуаро, но в то же время он и обыкновенный старый человек, а туфли жмут.

Он вошел в помещение почты.

Собственно, почтовым отделением Ее Королевского Величества была стойка справа; на прилавке слева в богатом ассортименте были выставлены разнообразные товары — конфеты, бакалея, игрушки, посуда, канцелярские принадлежности, поздравительные открытки, шерстяные мотки и детское белье.

Пуаро подошел к стойке с почтовыми марками. По другую ее сторону стояла женщина средних лет с пронизательными светлыми глазами.

«Передо мной, без сомнения, мозговой центр Бродхинни», — решил Пуаро.

Фамилия начальницы почтового отделения вполне ей подходила: Суитиман*.

— И двенадцать по пенни, — повторила она. — Итого четыре шиллинга десять пенсов. Хотите еще чего-нибудь, сэр?

Из-за открытой двери за стойкой с живым интересом на них глядела простуженная девушка с растрепанными волосами.

— Я в здешних краях человек, можно сказать, новый, — внушительно произнес Пуаро.

— Да, сэр, — согласилась миссис Суитиман. — Вы приехали из Лондона, верно?

— Не сомневаюсь, что цель моего визита вам известна не хуже моего, — заметил Пуаро с легкой усмешкой.

— Нет, сэр, что вы! Не имею представления, — небрежно ответила она.

— Миссис Магинти, — подсказал Пуаро.

Женщина покачала головой.

— Печальное происшествие. Ужас. Вы, наверное, хорошо ее знали?

— Да, конечно. Как и всех остальных в Бродхинни. Мы частенько говорили с ней, когда она сюда заходила. Страшная трагедия. И до сих пор до конца не раскрытая.

— Кое-кто сомневается в виновности Бентли.

— Что ж, полиции не привыкать хватать не того, кого надо, хотя, по-моему, на этот раз она не ошиблась. Правда, глядя на него, ни за что не скажешь, что такой застенчивый, нескладный, безобидный с виду парень может оказаться бессердечным убийцей. Но чего только на свете не бывает!

Пуаро спросил блокнот.

— Сейчас, сэр. Пройдите на ту сторону, пожалуйста.

— Трудно себе представить, кто ее мог убить, если не Бентли, — продолжала она, заняв место за прилавком и потянувшись к полке с конвертами и бумагой. — Здесь у нас действительно шляются бродяги. Вполне возможно, что кто-то из них мог заметить открытое окно и забраться в дом. Но стал бы он

* Соответствует русскому «Милашка».

оставлять деньги? Уж, во всяком случае, не после убийства. Как их потом забрать? А деньги все в фунтовых бумажках, без номеров, без пометок. Вот, сэр, пожалуйста: симпатичный блокнот и конверты по размеру.

Пуаро расплатился.

— А миссис Магинти не жаловалась, что кого-то боится или что-то ее тревожит?

— Во всяком случае — не мне. Она была не робкого десятка. Иной раз ей приходилось задерживаться у Карпентеров, в «Хомли». Они частенько приглашают кого-нибудь на ужин, вот миссис Магинти и ходила туда по вечерам помочь посуду помыть да в комнатухах убрать, а домой возвращалась затемно, и ничего. Я бы, например, не отважилась. В темноте, с холма — нет!

— А племянницу ее, миссис Берч, вы знаете?

— Мы знакомы, не более того. Она иногда приезжала сюда с мужем.

— Им по наследству достались деньги миссис Магинти.

Миссис Суитиман строго глянула на него.

— А что тут такого? Все естественно, все по закону. С собой их не возьмешь, и очень справедливо, что достаются они родственникам.

— О да, разумеется, полностью с вами согласен. Миссис Магинти любила свою племянницу?

— Любила, по-моему. Но спокойной любовью, сэр.

— А мужа ее?

Уверенность исчезла в глазах миссис Суитиман, и ответ ее на этот раз прозвучал более или менее уклончиво:

— Насколько знаю, да.

— Когда вы видели ее в последний раз?

Женщина задумалась, припоминая.

— Так, сейчас... Когда это было, Эдна?

Эдна за дверью шмыгнула носом.

— В день ее смерти? Нет, накануне. Или еще раньше? Да, в понедельник. Точно. Она зашла купить пузырек чернил.

— Пузырек чернил?

— Наверное, письмо написать хотела.

— Вполне возможно. А как она выглядела? Ничего необычного вы не заметили?

— Н-нет, не думаю.

Простуженная Эдна вышла из своего укрытия и неожиданно присоединилась к разговору:

— Она была довольна чем-то. Не то, что довольна, а... возбуждена, что ли?

— Может быть, — пожала плечами миссис Суитиман. — Я, правда, тогда не обратила внимания, а теперь припоминаю — да, вид у нее был торжествующий.

— Вы не помните, о чем она в тот раз говорила?

— Так бы я, конечно, не вспомнила. Но убийство, полиция — все это как бы заострило память, а потому многое помнится. Она ничего не говорила о Джеймсе Бентли, в этом я уверена. Сказа-

ла что-то о Карпентерах, о миссис Апуард — о тех, у кого работала.

— Вот, кстати: я как раз хотел уточнить, у кого она работала.

Миссис Суитиман ответила сразу, без раздумий:

— По понедельникам и четвергам — у миссис Саммерхейз в «Лугах». Вы у них и остановились, так?

— Да, — вздохнул Пуаро. — Ведь здесь больше нигде, верно?

— В самой Бродхинни больше нигде, вы правы. Вам, наверное, не очень уютно в «Лугах»? Миссис Саммерхейз — приятная женщина, но хозяйка, прямо сказать, завидная. Они все такие, кто приезжает из-за границы. «Такой там вечно беспорядок, так трудно убирать», — жаловалась миссис Магинти. Да, значит, по понедельникам днем и по четвергам утром — у Саммерхейзов, по вторникам с утра у доктора Ренделла, после обеда — у миссис Апуард в «Ракитнике». По средам — у Уэдерби в «Охотничьем дворе», а по пятницам — у миссис Селекерк, теперь она миссис Карпентер. Миссис Апуард в возрасте, живет с сыном. У них есть служанка, но она не справляется, вот миссис Магинти раз в неделю и доводила все до ума. В «Охотничьем дворе» прислуга вообще долго не задерживается: миссис Уэдерби больна, за ней уход требуется. А у Карпентеров замечательный дом, они часто приглашают гостей. Как видите, в Бродхинни живут порядочные люди.

С этим утверждением миссис Суитиман об обитателях деревушки Пуаро и покинул почту.

В целом день принес ему одни разочарования.

Что он узнал?

Что у Джеймса Бентли был друг, точнее — подруга. Что ни у него, ни у миссис Магинти не было врагов. Что за два дня до смерти миссис Магинти была возбуждена и купила пузырек чернил...

Неужто это и есть тот самый неприметный факт, который он искал?

Пуаро спросил мимоходом, зачем миссис Магинти понадобилась чернила, а миссис Суитиман ответила вполне серьезно, что та, должно быть, хотела написать письмо.

В этом что-то было, что-то это значило, а он чуть было не пропустил замечание мимо ушей, поскольку сам, как и большинство людей, письма писал чуть ли не ежедневно, и это было для него обычным занятием.

Но не для миссис Магинти. Написать письмо явилось для нее занятием столь необычным, что пришлось идти на почту за чернилами.

Таким образом, миссис Магинти скорее всего вообще не писала писем. Миссис Суитиман, работавшей на почте, это было достоверно известно. Но за два дня до смерти миссис Магинти все же написала письмо. Кому и почему?

Возможно, все это не имеет никакого значения. Могла написать племяннице, неизвестному другу. Стоит ли придавать такое значение столь пустяковому факту, как покупка чернил?

Но ничего другого в его распоряжении не было, и Пуаро решил пройти по этому следу до конца.

Пузырек чернил...

— Письмо? — Бесси Берч покачала головой. — Нет, я не получила от тетушки никакого письма. О чем она могла мне писать?

— Может, она хотела вам о чем-то сообщить? — предположил Пуаро.

— Тетушка не любила писать. Ей было под семьдесят, и в дни ее молодости образованию особого значения не придавали.

— Но читать-то она умела?

— Конечно! Только читала мало, хотя любила «Ньюс оф де уорлд» и «Санди комет». А вот писала с трудом. Если ей надо было что-то сообщить — например, чтобы мы не приезжали в воскресенье или что она не придет, — тетя звонила мистеру Бенсону, соседу-аптекарю, и тот передавал ее просьбу. Мы ведь живем в одном районе, и звонок стоит всего два пенса. В Брод-хинни на почте есть телефон-автомат.

Пуаро одобрительно кивнул, соглашаясь, что заплатить два пенса гораздо выгоднее, чем потратить на конверт с маркой два с половиной. Он уже понял, что миссис Магинти была рачительной хозяйкой, экономной женщиной и денег попусту не тратила.

— Но время от времени она вам все-таки писала?

— Разве что поздравительные открытки к Рождеству.

— А может, она писала знакомым?

— Таких не знаю. Была у нее невестка, но она уже два года как преставилась. Еще миссис Бердлип, но та тоже померла.

— Другими словами, написать она могла только ответ?

Вновь на лице миссис Берч появилось скептическое выражение.

— Даже не знаю, кто мог написать ей... Ну, конечно, — она просветлела, — тетя могла получить что-то от правительства...

Пуаро согласился, что послания от «правительства», как выразилась Бесси, стали скорее правилом, чем исключением.

— Шутловством занимается, — горячилась миссис Берч. — Анкеты какие-то шлют, да еще с такими вопросами, на которые порядочному человеку и отвечать неприлично.

— Вы хотите сказать, что миссис Магинти могла получить от правительства какую-то бумагу, на которую надо было составить ответ?

— Если бы получила, то приехала бы с ней к Джо. Она всегда так делала.

— Вы не помните, среди ее вещей писем не было?

— Точно не скажу. Во всяком случае, не помню ничего подобного. Но ведь сначала полиция все просмотрела, и лишь затем мне позволили их увезти.

— Что с ними случилось?

— Вот этот комод — ее, он крепкий, из красного дерева; шкаф наверху, кое-что из кухонной утвари. Остальное мы продали: места не хватило.

— Я имел в виду ее личные вещи. Гребни, расчески, фотографии, туалетные принадлежности, одежду...

— Ах, это... Сказать по правде, я упаковала их в чемодан. Он так и лежит наверху. Не знала, что с ним делать. Думала

отнести его на рождественский базар, да забыла. А старьевщикам нести как-то неудобно.

— Скажите, а я могу их посмотреть?

— Ради Бога, смотрите. Только вряд ли вы там что-нибудь найдете полезное для себя. Полница все перебрала.

— Да, я знаю. И все же...

Миссис Берч проводила гостя в крошечную угловую спальню, служившую ей, как определил Пуаро, комнатой для кройки и шитья, и вытащила из-под кровати чемодан.

— Вот они. А меня извините, я пойду, на кухне мясо тушится, посмотреть надо.

Пуаро отпустил ее со словами благодарности, пододвинул чемодан поближе, поднял крышку и поморщился: его приветствовал крепкий запах нафталина.

Вынимая поочередно аккуратно сложенные вещи, он с грустью подумал о старой женщине, которой они некогда принадлежали и которую теперь так ярко характеризовали. Сильно поношенное пальто. Два шерстяных джемпера. Жакет и юбка. Чулки. Белья нет (по-видимому, часть его Бесси взяла себе). Две пары туфель, завернутых в газеты. Расческа и гребень, не новые, но чистые. Старое зеркальце в узорной оправе с посеребренной тыльной стороной. Фотография в кожаной рамке: молодожены в костюмах тридцатых годов — наверное, миссис Магинти с мужем в молодости. Две открытки с видом Маргита. Фарфоровый ценок. Газетная вырезка с рецептом кабачкового варенья. Еще одна — с заметкой о летающих тарелках, выдержанной в сенсационном тоне. Третья — с пророчеством матери Шиптон, Библия и молитвенник.

Не было в чемодане ни сумочек, ни перчаток. Вероятно, их тоже взяла себе или продала племянница. Одежда же сухощавой, маленькой миссис Магинти на полногрудую Бесси Берч была явно мала.

Пуаро развернул газету с туфлями. Они были хорошего качества и не сильно поношены. Безусловно, Бесси они были не по ноге.

Он уже собирался их снова завернуть, но тут ему в глаза бросилось название газеты.

Это была «Санди комет» за 19 ноября.

Миссис Магинти убили 22 ноября.

Получалось, что эту газету она купила в воскресенье, накануне своей смерти. Газета лежала в ее комнате, и Бесси завернула в нее обувь.

Воскресенье, 19 ноября. А в понедельник миссис Магинти пошла на почту за чернилами...

Не потому ли, что прочла в ней что-то?

Он взял вторую пару туфель. Они были завернуты в «Ньюс оф де уорлд» за то же число.

Разгладив обе газеты, Пуаро уселся с ними на стул и стал читать. И сразу же сделал открытие. В середине внутренней страницы-вкладыша сделалась большая прямоугольная дыра, причем ни одна из найденных им вырезок к ней не подходила.

Пуаро внимательно просмотрел оба выпуска и, не найдя в них

больше ничего интересного, завернул туфли и аккуратно сложил вещи в чемодан.

Затем он спустился вниз.

Миссис Берч хлопотала на кухне.

— Ну как, обнаружили что-нибудь? — спросила она.

— К сожалению, нет, — ответил Пуаро и небрежно добавил: — Вы не помните, в сумочке или кошельке миссис Магинти не было газетной вырезки?

— Не видела. Может, полиция забрала?

Но полиция ее не забирала. Это следовало из записей суперинтенданта Спенса. В списке вещей убитой газетная вырезка не значилась.

— Eh bien, — сказал он сам себе, — следующий шаг нам ясен. А приведет он либо к очередной неудаче, либо позволит наконец продвинуться вперед.

Замерев над стопкой пыльных старых газет, Пуаро думал о том, что интуиция его и на этот раз не подвела, что вовсе не зря заинтересовался он купленным миссис Магинти пузырьком с чернилами.

Статья в «Санди комет» за 19 ноября была посвящена событиям давно минувших дней.

Заголовок на верху вкладной страницы гласил:

ЖЕНЩИНЫ — ЖЕРТВЫ ПЕРЕЖИТЫХ ТРАГЕДИЙ ГДЕ ЭТИ ЖЕНЩИНЫ ТЕПЕРЬ?

Ниже помещались четыре неясных снимка, сделанных, несомненно, много лет назад.

Ничего трагического на этих снимках Пуаро не увидел, ибо изображенные на них женщины были облачены в нелепые одежды прошедшей эпохи, а в мире нет ничего смешнее вчерашней моды, хотя спустя еще лет тридцать она вернется и ее силуэты вновь обнаружат свое очарование.

Все фотографии были подписаны.

«Ива Кейн, «разлучница» в печально знаменитом деле Крейга».

«Джанис Кортланд, «многострадальная жена» истинного дьявола в человеческом обличье».

«Малышка Лили Гамболл, несчастное дитя, жертва демографического взрыва».

«Вера Блейк, ничего не подозревавшая жена убийцы».

И вновь жирным шрифтом набранный вопрос:

ГДЕ ЭТИ ЖЕНЩИНЫ ТЕПЕРЬ?

Пуаро принялся дотошно вчитываться в выдержанный в романтическом духе сопроводительный текст.

Имя Ивы Кейн он помнил, ибо дело Крейга в свое время получило широкую огласку. Альфред Крейг служил секретарем городской корпорации Парминстера и слыл добросовестным работником; был он невзрачным и маленьким, а жениться имел несчастье на женщине нудной и вредной. По вине миссис Крейг он влез в долги, она изводила его, постоянно пилила, а кроме того, страдала нервным недугом (злые языки подзуживали, утверждая, что она притворяется). Ива Кейн служила в доме гувернанткой. Ей было девятнадцать, она была мила и просто-

душна. Так случилось, что они с Крейгом полюбили друг друга. И вот однажды их соседи узнали, что врачи рекомендовали миссис Крейг ехать лечиться за границу. Так утверждал сам Крейг. В один из вечеров он отвез супругу сначала в Лондон, а оттуда «проводил» на юг Франции. Сам же возвратился в Парминстер и время от времени рассказывал всем знакомым о том, что, судя по письмам супруги, здоровье ее не улучшается. Ива Кейн оставалась с ним в доме, вела хозяйство, и вскоре по городку поползли неизбежные слухи. В конце концов Крейг получил сообщение о том, что жена его скончалась. Он уехал и возвратился неделю спустя с рассказом о ее похоронах.

Но он оказался недостаточно дальновидным человеком и допустил ошибку, назвав место смерти жены. Это был сравнительно известный курорт французской Ривьеры. У кого-то из его соседей, как оказалось, там жил то ли родственник, то ли друг, он написал ему письмо и получил ответ: никакой миссис Крейг в указанное время там не хоронили. Пошли толки, дошли они и до полиции, и вскоре выяснилось, что миссис Крейг на Ривьеру не уезжала, а, аккуратно разрезанная на кусочки, была закопана в подвале своего дома. Аутопсия останков показала, что умерла она от отравления растительным ядом.

Крейг был арестован и предстал перед судом. Ива Кейн вначале проходила по делу как соучастница, но обвинение в конце концов было снято, поскольку выяснилось, что она ни сном ни духом не ведала о преступлении. Крейг в конечном счете во всем признался, был приговорен к смерти и казнен.

Ива Кейн, ожидавшая ребенка, покинула Парминстер; по этому поводу «Санди комет» сообщила следующее: «Сострадательные родственники в Новом Свете предоставили ей кров. Сменив фамилию, несчастная, доверчивая девушка, соблазненная хладнокровным убийцей, навсегда покинула наш край и начала новую жизнь, храня в сердце и в тайне от дочери имя ее отца.

«Моя дочь вырастет счастливой и непорочной. Ее жизнь не омрачат воспоминания о жестоком прошлом. Я поклялась в этом. Они останутся лишь со мной».

Бедная Ива, ей в нежном возрасте пришлось познать, до какой подлости и мерзости способен опуститься человек! Где она теперь? Живет ли где-то за морями, в небольшом городке пожилая, тихая женщина с печальными глазами?.. Навещает ли «мамочку» молодая, счастливая и жизнерадостная дочь, у которой, вероятно, уже есть свои дети, делится ли с ней своими маленькими невзгодами, даже не подозревая о страшной трагедии, которую ее матери пришлось пережить в молодые годы?»

— О-ля-ля! — покачал Пуаро головой и перешел к следующей Трагической Судьбе.

«Многострадальной» Джанис Кортланд с мужем действительно не повезло. Человек со странностями, он проделывал над ней такое, о чем газета писать не могла, но рассыпанные в изобилии аллегории и недомолвки должны были вызвать немедленный интерес читателя. Она страдала восемь лет. Восемь лет сплошного мученичества, утверждала «Санди комет». Потом у Джанис

появился молодой друг, идеалист и мечтатель. Придя в ужас от сцены между мужем и женой, случайным свидетелем которой он стал, друг ударил мужа с такой силой, что тот упал и ударился головой о каминную решетку. Суд присяжных решил, что нападение было спровоцировано жертвой, что убийство было непреднамеренным, и приговорил молодого человека к пяти годам тюремного заключения.

Несчастливая Джанис, в ужасе от «славы», принесенной ей процессом, уехала за границу, дабы «забыть весь этот ужас».

«Забыла ли она? — вопрошала «Санди комет». — Мы надеемся, что да. Возможно, где-то живет теперь счастливая жена и мать, которой кошмарные годы молча вынесенных мук сейчас кажутся лишь дурным сном...»

— Ну-ну, — пробормотал Пуаро и перешел к Лили Гамболл, трагическому ребенку, жертве перенаселения.

Судя по всему, Лили передали на воспитание ее тетке, поскольку в квартире Гамболлов стало слишком тесно. Лили хотела пойти в кино, тетья сказала ей «нет». Лили схватила лежавший под рукой секач для рубки мяса и ударила им тетю по голове. Тетя, несмотря на деспотические замашки, была женщиной маленькой, хрупкой и от этого удара умерла. В свои двенадцать лет Лили была развитой, мускулистой девочкой. Перед ней открылись двери исправительной колонии, где она и исчезла.

«Теперь это взрослая женщина, свободная, независимая, имеющая все права занять свое место в нашем обществе. Сообщалось, что во время пребывания в колонии и испытательного срока она отличалась примерным поведением. Не свидетельствует ли это о том, что виновно не дитя, а сама система, и только ее мы должны винить? Возвращенная в невежестве, в ужасных жилищных условиях, малышка Лили стала жертвой среды, в которой росла.

Теперь же, искупив свой грех, она, должно быть, живет счастливой жизнью, как всякий добропорядочный гражданин нашей страны, став кому-то хорошей женой и доброй матерью. Бедная, милая Лили Гамболл».

Пуаро покачал головой. Двенадцатилетняя девочка, секачом раскrojившая череп родной тетке, по его мнению, милым ребенком считаться не могла. В данном случае его сочувствие было на стороне тетки, а не Лили.

Далее следовало описание Трагической Судьбы Веры Блейк. Пуаро внимательно прочел и его.

Вера Блейк была, без сомнения, одной из тех женщин, которым постоянно и катастрофически не везет. Вначале она познакомилась с молодым человеком, который неожиданно оказался налетчиком, разыскиваемым полицией по обвинению в убийстве банковского сторожа. Тогда она вышла замуж за почтенного торговца, который на самом деле оказался обыкновенным барыгой, скупщиком краденого. Оба ее ребенка в свое время тоже привлекли внимание полиции.

Они ходили с мамой по магазинам самообслуживания и крали там товары. В конце концов на ее горизонте появился «хороший человек». Он предложил Вере переехать с ним в доминион.

Таким образом, ей с детьми предстояло покинуть эту изнеженную страну.

«Их ожидала Новая Жизнь. Наконец-то после всех ударов судьбы, которые в течение долгих лет сносила Вера, ее горести были позади».

— Как сказать, — пробормотал Пуаро. — Вполне возможно, что она вдруг открыла для себя, что вышла за мошенника, промышлявшего на океанских лайнерах!

Он откинулся на спинку стула и занялся изучением фотографий.

Ива Кейн снята была в огромной шляпе, из-под которой выбивались, прикрывая уши, непослушные кудряшки; в руке она держала поднятый к уху, наподобие телефонной трубки, букет роз. Джанис Кортланд позировала в натянутой на уши шляпке-колпаке и в платье с талией на бедрах. Лили Гамболл оказалась простужкой с открытым ртом, что навело на мысль о больных миндалинах и дурном запахе изо рта; черты ее лица сильно искажали очки с толстыми стеклами. Портрет Веры Блейк был настолько трагически черно-белым, что разобрать на нем что-либо было мудрено.

По каким-то причинам миссис Магинти вырезала из газеты все эти фотографии вместе с текстом. Зачем? Решила сохранить, потому что материал показался ей интересным? Вряд ли. Она прожила шестьдесят с лишним лет, но ничего лишнего не хранила. Пуаро в этом убедился, изучив составленную полицией опись ее имущества.

Она вырезала статью в воскресенье, а в понедельник купила пузырек чернил, вероятнее всего, с тем, чтобы написать письмо, но ведь писем она не писала! Появись необходимость составить деловую бумагу, она скорее всего обратилась бы за помощью к Джо Берчу. Значит, письмо не было деловым. Что она написала?

Пуаро еще раз взглянул на фотографии.

«Где, — спрашивала газета, — эти женщины теперь?»

Одна из них, подумал Пуаро, могла быть в прошлом ноябре в Бродхинни.

Только на следующий день удалось Пуаро побеседовать с мисс Памелой Хорсфолл тет-а-тет.

Мисс Хорсфолл была высокой и мужеобразной, крепко выпивала, много курила, и, глядя на нее, трудно было поверить, что это из-под ее пера появились на свет слащавые строки, опубликованные в «Санди комет». Тем не менее это было так.

— Валяйте, валяйте, — торопила его мисс Хорсфолл. — Мне пора ехать.

— Я по поводу серии ваших очерков, напечатанных в ноябре прошлого года в «Санди комет». О «Женщинах с Трагической Судьбой».

— Ах, серии! Гадость, правда?

Пуаро предпочел на сей счет не высказываться.

— Конкретно меня интересует статья о женщинах, судьбы которых связаны с преступлениями. Она опубликована девятна-

дцатого ноября, речь в ней идет об Иве Кейн, Вере Блейк, Джанис Кортланд и Лили Гамболл.

Мисс Хорсфолл ухмыльнулась.

— «Где эти женщины теперь?» Помню.

— Вы, наверное, после опубликования подобных материалов получаете письма от читателей?

— Еще бы! Кое-кому, похоже, делать больше нечего, кроме как письма писать. Кое-кто видел Крейга на улице, кое-кто хотел рассказать историю своей жизни, куда более трагической, чем я могу себе представить.

— Вы не получали после этого очерка письма некой миссис Магинти из Бродхинни?

— Да вы сами подумайте, дорогой мой человек, как могу я все упомянуть? Мне их мешками приносят, а вы хотите, чтобы я авторов по фамилии знала.

— Я надеялся, что миссис Магинти вы запомните. Потому что ее тогда же убили.

— Ах, вот оно что... — Мисс Хорсфолл забыла о том, что куда-то торопилась, и оседлала стул. — Магинти, Магинти... Да, я помню эту фамилию. Квартирант ее по голове тюкнул. Ничего интересного, с точки зрения читателя, сексуальных мотивов нет. Так, говорите, она мне написала?

— Вероятнее всего, она писала в «Санди комет».

— Это одно и то же. Письмо все равно ко мне должно было попасть. Но убийство... Фамилия... Минуточку. — Она просветлела. — Ну да, было, только не из Бродхинни, а из Бродвей.

— Вы уверены?

— Не совсем... Но фамилия... Смешная фамилия, вы не находите? Магинти! Да, отвратительный почерк и полная безграмотность. Если б я только тогда сообразила... И все же оно пришло из Бродвей.

— Вы сами сказали, что почерк был ужасный. Бродхинни, Бродвей — они немного схожи.

— Возможно. В конце концов, разве можно запомнить все эти дурацкие сельские названия? Магинти... Ну да. Наверное, убийство и зафиксировало ее в моей памяти.

— Вы помните, о чем она писала?

— Что-то о фотографиях. Ей известно, где есть такой же снимок, как в газете, заплатим ли мы ей за эти сведения и сколько.

— Вы ответили?

— Послушайте, уважаемый, нам ничего этого не нужно. В подобных случаях мы даем стандартный ответ. Вежливый отказ. Но отправлен он был в Бродвей, вряд ли она его получила.

«Ей известно, где есть такой же снимок...»

Пуаро вспомнилась оброненная миссис Саммерхейз фраза: «Ну, любопытствовала, не без этого...»

Миссис Магинти «любопытствовала». Она была честна, но интересовалась жизнью чужих людей. А люди хранили вещи — бессмысленные, глупые, ничего не значащие вещи из прошлого. Хранили либо по сентиментальности, либо просто позабыв об их существовании.

Миссис Магинти где-то увидела старую фотографию, потом узнала ее в газете и решила проверить, не пахнет ли тут деньгами...

Он быстро поднялся.

— Благодарю вас, мисс Хорсфолл. Вы меня извините, но материалы в вашем очерке — они соответствуют действительности? Я заметил, например, что дата суда над Крейгом указана неверно: на самом деле процесс прошел годом позже. Мужа Джанис Кортланд звали, помнится, Гербертом, у вас он — Губерт. Тетя Лили Гамболл жила в Букинге, а не в Беркшире.

Мисс Хорсфолл махнула сигаретой.

— Не в этом суть. Какой толк в точности? Там вообще все чепуха. Я просто взяла кое-какие факты, «попричесала» и запустила в свет, не вдаваясь в детали.

— Я говорю о том, что и сами героини в жизни могли быть вовсе не такими, какими изобразили их вы.

Памела громко, по-лошадиному, фыркнула.

— Конечно, нет. А вы как думали? Я ни секунды не сомневаюсь в том, что Ива Кейн была порядочной сучкой, невинностью там и не пахло. А Кортланд? Почему она восемь лет молча сносила издевательства садиста? Да потому, что он в деньгах купался, а у романтического молодого человека их вовсе не было.

— А Лили Гамболл?

— Я бы ее близко к себе с секачом не подпустила.

Пуаро кивнул.

— Все они уехали — в Новый Свет, «за границу», «в доминион», где «начали новую жизнь». И нет никаких свидетельств, что кто-то вернулся в Англию?

— Никаких, — подтвердила мисс Хорсфолл. — А теперь извините, но мне действительно пора бежать...

Вечером Пуаро позвонил Спенсу.

— Я вспоминал о вас, Пуаро, — услышал он в трубке. — Что-нибудь нашли? Хоть что-нибудь?

— Я расспрашивал тут кого мог, — с грустью сообщил бельгиец.

— И что же?

— Вывод следующий: в Бродхинни живут исключительно порядочные люди.

— Что вы хотите этим сказать?

— А вы пораскиньте мозгами, Спенс. «Порядочные люди». До сих пор это было мотивом для убийства.

Глава 9

— Исключительно порядочные люди, — пробормотал Пуаро, подходя к воротам «Перекрестка» неподалеку от станции.

Начищенная медная пластинка уведомляла, что здесь проживает доктор Ренделл.

Доктор Ренделл оказался крупным, жизнерадостным мужчиной лет приблизительно сорока. Гостя он встретил весьма радушно.

— Наша небольшая деревушка удостоилась большой чести, — были первые его слова. — К нам приехал великий Эркюль Пуаро. Бельгиец был польщен.

— Так вы, говорите, обо мне слышали?

— Еще бы! Кто о вас не слышал!

Пуаро вежливо заметил:

— Как хорошо, что я застал вас дома.

Хорошего в том было мало, поскольку время визита было выбрано крайне неудачно, и тем не менее доктор Ренделл излучал само гостеприимство.

— Вам повезло. Через четверть часа у меня операция. Чем могу быть полезен? Я просто умираю от любопытства: что привело вас в наши края? Отдыхаете? Или у нас совершено преступление?

— Совершенно, хотя с тех пор прошло уже немало времени.

— Да? Я что-то не припоминаю...

— Миссис Магинти.

— Ах, Магинти! Я уже начал забывать об этом. Только не говорите, что этим делом занимаетесь — сколько воды с тех пор утекло!

— Могу вам в конфиденциальном порядке сообщить, что работаю я по заданию защиты Джеймса Бенгли. Открылись новые обстоятельства, на основании которых можно подать апелляцию.

— Какие новые обстоятельства? — насторожился доктор.

— Этого, к сожалению, я говорить не уполномочен.

— Ну да, разумеется... Извините, не сообразил.

— Но я уже натолкнулся на... как бы это сказать?... любопытные?... наводящие на размышления?... факты. А к вам пришел потому, что, насколько мне известно, миссис Магинти у вас тоже работала, верно?

— Да-да, работала. Хотите выпить? Херес? Виски? Предпочитаете херес? Я тоже.

Доктор принес два бокала и, присев рядом, продолжил:

— Она к нам приходила раз в неделю. У меня хорошая экономка, великолепная, можно сказать, но медная посуда, поль!.. Миссис Скотт не может опускаться на колени, а миссис Магинти замечательно со всем этим справлялась.

— Как по-вашему, она была правдива?

— Правдива? Вопрос, надо признать, неожиданный. Не знаю, что вам на него и ответить, как-то не было случая проверить. Насколько мне известно, правдива.

— И если она кому-то что-то говорила, то ей можно было верить?

Доктор колебался.

— Утверждать этого я не могу. Не так уж хорошо я знал ее. Можно спросить миссис Скотт, они больше общались,

— Нет-нет, этого лучше не делать.

— Вы подогреваете мое любопытство, — весело заметил Ренделл. — О чем это она говорила? Сплетничала, наверное? Клеветала?

Пуаро покачал головой.

— Вы должны понять меня: все держится пока в строжайшей

тайне. Я только-только приступаю к расследованию.

— Вам, наверное, придется поторопиться, — сухо произнес доктор.

— Вы правы. Времени в моем распоряжении в обрез.

— Должен признаться, вы меня немало удивили... Мы все уверены, что убил ее Бентли. Никаких оснований сомневаться в этом не было.

— Другими словами, обычное омерзительное убийство с целью ограбления, так?

— Да.

— Вы знали Джеймса Бентли?

— Он обращался ко мне пару раз, жаловался на здоровье. Мамочка, по-моему, изрядно его избаловала, изнежила. Ничего удивительного, явление распространенное. Далеко за примером ходить не надо, подобная мамаша и у нас в деревне живет.

— Неужели? Кто?

— Миссис Апуард. Лора Апуард. Так и трясется над своим сыночком. Крепко его в руках держит, шагу без нее ступить не дает. Человек он умный, хотя и с излишним самомнением, но в определенной степени одаренный. Наш Робин — подающий надежды драматург.

— Давно они здесь живут?

— Года три-четыре. Старожилов в деревне вообще мало, живут они в домах вокруг «Лугов». Вы, кстати, там остановились?

— Да, — безрадостно подтвердил Пуаро.

— Пансион, называется, — ехидно заметил Ренделл. — Что они понимают, современные женщины, в том, каким должен быть настоящий пансион? Да ничего! Жила в Индии, все там за нее слуги делали. Могу себе представить, каково вам приходится. У них никто долго не задерживается. И с огородничеством у бедняги майора тоже ничего не получится. Приятный он человек, но в коммерции ни в зуб ногой, а по нынешним временам, если захлебнуться не хочешь, надо быть коммерсантом. Взять меня. Разве я исцеляю страждущих? Я всего лишь выписываю рецепты и больничные листы — тем и прославился. Но Саммерхейзы мне нравятся. Она очаровательна, а майор, несмотря на сатанинский свой нрав, как-никак представляет старую гвардию. Нашего круга человек. Видели бы вы его отца, полковника Саммерхейза! Настоящий сорвиголова, надменный дьявол.

— Вы говорите об отце майора?

— Да. Денег старик после себя почти не оставил, да еще им пришлось выплатить налог на наследство, но старое имение они умудрились оставить за собой. Не знаешь, то ли восхищаться ими, то ли за глупцов считать.

Он посмотрел на часы.

— Я вас, наверное, задерживаю? — спросил Пуаро.

— У меня еще несколько минут в запасе. Кроме того, я хотел познакомить вас с женой. Только не знаю, где она. Весть о вашем прибытии вызвала у нас живейший интерес. Мы оба увлекаемся преступлением, много читаем на эту тему.

— Криминологию, детективы или воскресные газеты? — с улыбкой поинтересовался Пуаро.

— И то, и другое, и третье.

— Вплоть до «Санди комет»?

Ренделл рассмеялся.

— Какое без нее воскресенье?

— Месяцев пять назад там поместили любопытный материал.

О женщинах, чьи трагические судьбы так или иначе соприкоснулись с преступлениями.

— Да-да, помню. Такая чушь, откровенно сказать!

— Вы так считаете?

— О деле Крейга я знаю лишь по газетным отчетам, а вот по делу Кортланда могу определенно сказать: никакой невинной жертвой его жenuшка не была! Обыкновенная распутница. Знаю точно, поскольку мой дядя с Кортландом был знаком и нередко наезжал к нему в гости. Красавцем тот не был, но и она не лучше. Охмурила желторотика и подбила на убийство. Он — в тюрьму, а она, богатая вдова, — замуж за другого.

— В «Санди комет» этого не было. Вы не помните, за кого она вышла?

Ренделл покачал головой.

— По-моему, его имени я никогда не слышал, но кто-то сказал, что вышла удачно.

— Читая газету, задумываешься, где они могут быть сейчас.

— Да где угодно. С любой из них можно встретиться на какой-нибудь вечеринке. Гарантирую лишь, что о прошлом своем они предпочитают помалкивать. А по опубликованным фотографиям их не узнать.

Раздался бой часов, и Пуаро поднялся.

— Не смею вас больше задерживать. Благодарю за беседу.

— Боюсь, что пользы вам от нее было мало. Кто из мужчин знает что-либо о своей домработнице? Но задержитесь, пожалуйста, на минутку, я должен познакомить вас с женой, иначе она мне этого не простит.

Опередив Пуаро, он выскочил в прихожую и громко позвал:

— Шила! Шила!

Откуда-то сверху послышался приглушенный женский голос, однако слов они не разобрали.

— Спускайся к нам. У меня для тебя сюрприз.

По лестнице легко сбежала худенькая белокожая блондинка.

— Позволь представить мсье Эркюля Пуаро, дорогая. Как тебе это нравится?

— Ах!

Миссис Ренделл, казалось, была настолько потрясена — или напугана? — что лишилась дара речи, опасливо глядя на гостя голубыми глазами.

— Мадам, — произнес Пуаро, галантно, как истинный иностранец, склоняясь к ее руке.

— Мы слышали о том, что вы приехали, — сказала хозяйка, — но мы не знали...

Она перевела взгляд на мужа.

«Ага, свое время она отмечает по нему, как по Гринвичу», — подумал Пуаро.

Сказав на прощание несколько цветистых фраз, он удалился.

Доктор Ренделл в целом произвел на него впечатление человека радужного, миссис Ренделл — женщины, сдержанной на слова и встревоженной.

Таковыми, выходит, они были, эти Ренделлы, к которым миссис Магинти приходила убираться с утра по вторникам.

«Охотничий двор» оказался прочным, массивным зданием, построенным в викторианском стиле, к которому вела длинная и неопрятная аллея, сплошь заросшая травой. В прежние годы он большим не считался, по временам нынешним был громоздким и неудобным.

У открытой двери молодой иностранки Пуаро спросил миссис Уэдерби.

Служанка долго молча смотрела на него, потом ответила:

— Я не знаю. Входите, пожалуйста. Может, мисс Хендерсон?

И оставила стоять его в прихожей. Комната эта, как говорилось бы в рекламном проспекте агентов по продаже недвижимости, была «полностью меблирована» свезенными со всего света антикварными вещицами, покрытыми тонким слоем пыли.

Несколько минут спустя иностранка вернулась.

— Пожалуйста, идти, — сказала она и проводила гостя в прохладную комнату с большим письменным столом и камином. На каминной полке Пуаро увидел огромный и уродливый медный кофейник с длиннющим изогнутым носиком, действительно похожим на кривой нос.

Дверь позади него отворилась, в комнату вошла девушка.

— Маме нездоровится, — сообщила она. — Я могу ее заменить?

— Вы — мисс Уэдерби?

— Хендерсон. Мистер Уэдерби — мой отчим.

На вид ей было около тридцати; некрасивая, крупного сложения, нескладная, она настороженно смотрела на посетителя.

— Я хотел попросить вас рассказать мне о миссис Магинти, которая вам в свое время помогала по хозяйству.

Настороженность в ее глазах сменилась удивлением.

— Миссис Магинти? Но ведь она умерла.

— Я знаю, — мягко заметил Пуаро. — И тем не менее я бы очень просил вас рассказать мне о ней.

— Вы из страховой компании?

— Нет, страхование здесь ни при чем. Просто в этом деле открылись новые обстоятельства.

— Новые обстоятельства? Вы имеете в виду обстоятельства ее смерти?

— Я веду следствие по поручению адвокатов мистера Бентли.

Продолжая удивленно на него пялиться, девушка спросила:

— А что, разве это не он убил ее?

— Суд признал Джеймса Бентли виновным. Но, как известно, ошибаться могут и присяжные.

— Так это все же кто-то другой убил ее?

— Может быть.

— Кто? — резко спросила она.

— В том и вопрос, — все так же мягко ответил Пуаро.

— Я ничего не понимаю.

— Не понимаете? Но вы можете мне что-то рассказать о миссис Магинти?

— Наверное... — неохотно произнесла она. — Что вы хотите знать?

— Для начала — что вы вообще о ней думаете?

— Да ничего определенного. Она ничем не отличалась от других.

— Была она разговорчива или молчалива? Любопытна или сдержанна? Общительна или замкнута? Порядочна или... не очень?

Девушка задумалась.

— Работала она хорошо, но... много говорила. Иной раз несла такое!. Я, положа руку на сердце, ее недолюбливала.

Дверь открылась, в комнату заглянула служанка.

— Мисс Дейдре, ваша мама говорит: пожалуйста, приводить.

— Мама хочет, чтобы я привела этого джентльмена к ней?

— Да, пожалуйста, спасибо.

Дейдре нерешительно посмотрела на Пуаро.

— Вы подниметесь со мной к маме?

— Ну, конечно!

Дейдре проводила его к лестнице и поднялась на второй этаж. По дороге она неожиданно, как-то не к месту, заметила:

— Господи, от этих иностранцев с ума можно сойти!

Поскольку замечание относилось не к нему, а к прислуге, Пуаро обижаться не стал. Он просто подумал, что Дейдре Хендерсон довольно простодушна, простодушна до бестактности.

Комната наверху была сплошь заставлена различными безделушками. Они, без сомнения, принадлежали женщине, объездившей множество стран, возвращавшейся из каждого путешествия с обязательными сувенирами. Большинство из них были специально изготовлены для туристов и ради содержимого их кошельков. Здесь было множество диванчиков, столиков, кресел и стульев, слишком мало воздуха и чересчур много драпировки, а в центре всего этого изобилия возлежала сама миссис Уэдерби.

Пуаро она показалась маленькой печальной миниатюрной женщиной в огромной комнате. Таков был эффект. На самом же деле миссис Уэдерби была отнюдь не такой маленькой, какой хотела казаться. Женщинам даже среднего роста удается иногда выглядеть крохотными и «беспомощными».

Она удобно расположилась на диване, рядом с ней лежали книги, мотки шерсти для вязания, коробка шоколадных конфет, стоял стакан с апельсиновым соком.

— Вы уж извините, что я не поднимаюсь, — весело проговорила хозяйка, — но доктора настаивают, чтобы я ежедневно отдыхала, и начинают меня бранить, если я их не слушаюсь.

Пуаро взял протянутую руку и склонился над ней с подобающими случаю почтительными выражениями.

— Он спрашивает о миссис Магинти, — произнесла у него за спиной бескомпромиссная Дейдре.

Тонкая кисть, до того момента такая расслабленная, дрогнула в его руке и напряглась, напомнив на мгновение птичью лапку. Не гладкую фарфоровую — хищную, когтистую...

— Какая ты нелепая, Дейдрэ, милая! — улыбнулась миссис Уэдерби. — Кто такая эта миссис Магинти?

— Мама, ты же помнишь ее. Она у нас убирала. Ну, та, которую убили.

Миссис Уэдерби прикрыла глаза и затрепетала.

— Ах, не надо, дорогая. Ужасный случай! Я так перенервничала, неделю в себя прийти не могла. Бедная женщина, но ведь глупо прятать деньги под половой доской. Надо было положить их в банк. Разумеется, я все помню, просто я забыла ее фамилию.

— Он хочет поговорить о ней, — флегматично повторила Дейдрэ.

— Присаживайтесь же, мсье Пуаро. Я буквально снедаема любопытством. Мне недавно позвонила миссис Ренделл, она рассказала, что к нам приехал знаменитый криминалист, описала вас. А когда идиотка Фрида обрисовала гостя, я поняла, что это, должно быть, вы, и попросила привести вас ко мне. Так расскажите же мне, что все это значит?

— Ваша дочь сказала вам правду: меня интересует миссис Магинти. Она работала у вас, приходила, насколько мне известно, по средам. В среду она и погибла. Таким образом, в тот день, перед смертью, она была у вас?

— Наверное. Но утверждать не стану, слишком много времени прошло с тех пор.

— Да. Несколько месяцев. А в тот день она ничего не говорила вам... странного?

— Люди ее сословия всегда много говорят, — неприязненно произнесла миссис Уэдерби. — Обычно их не слушают. Да и не могла же она сообщить, что ее вечером ограбят и убьют, верно?

— Существуют причина и следствие, — заметил Пуаро.

Миссис Уэдерби удивленно наморщила лоб.

— Не понимаю, о чем вы?

— Возможно, я и сам этого не понимаю, — пока. Приходится в полной темноте искать выход к свету... Вы читаете воскресные газеты, миссис Уэдерби?

Ее синие глаза широко раскрылись.

— Да, конечно. «Обсервер» и «Санди комет». Почему вы об этом спрашиваете?

— Так. Миссис Магинти читала «Санди комет» и «Ньюс оф де уорлд».

Он замолчал, но и они молчали тоже. После долгой паузы миссис Уэдерби вздохнула и вновь прикрыла глаза.

— Печальное происшествие нам пришлось пережить. Надо же ей было взять такого квартиранта, это чудовище! По-моему, у него с головой не все в порядке. С другой стороны, он был высокообразованным молодым человеком, но это лишь усугубляет его вину.

— Вы так считаете?

— Конечно! Каким надо быть жестоким — ударить женщину по голове ножом для рубки мяса. Фу!

— Полиция орудие убийства так и не нашла.

— Он, наверное, в пруд его выбросил.

— В прудах искали, воду откачивали, — сказала Дейрдре. — Я сама видела.

— Не надо этих ужасных подробностей, милая, — вздохнула миссис Уэдерби. — Ты же знаешь, сколь неприятно мне думать о таких вещах. Ах, как разболелась голова!

Девушка с гневом повернулась к Пуаро.

— Вам не следует продолжать этот разговор. Сами видите, как дурно он действует на маму. Она ужасно чувствительна. Она даже детективы читать не может.

— Приношу свои извинения, — сказал Пуаро и поднялся. — У меня только одно оправдание: через три недели должны повесить человека. И если он не...

Миссис Уэдерби приподнялась на локте и пронзительно выкрикнула:

— Виновен! Он убил! Он!

Пуаро покачал головой.

— Я в этом не уверен.

Спускаясь по лестнице, он услышал, как следом за ним из комнаты выскочила девушка. Она догнала его уже в прихожей.

— Что вы хотели этим сказать? — был ее вопрос.

— Только то, что сказал, мадемуазель.

— Да, но...

Она не договорила. Пуаро тоже молчал.

— Вы расстроили маму, — медленно проговорила Дейрдре. — Она не переносит разговоров на подобные темы — об ограблениях, убийствах и вообще насилии.

— Наверное, убийство своей домработницы она тяжело переживала?

— О да, конечно. Она слегла, ничего об этом слышать не желала... Мы... я стараюсь ограждать ее от всякой гадости, от зверства, щадить ее чувства.

— А как же война?

— К счастью, нас не бомбили.

— А вы чем в те годы занимались, мадемуазель?

— Работала в добровольческом отряде содействия в Килчестере. Водила машину. Оставить дом, как вы понимаете, я не могла. Мама нуждалась в моей помощи. Она вообще противилась тому, чтобы я надолго исчезала. Было непросто. Да еще проблема с прислугой — мама слаба здоровьем, и по хозяйству, естественно, ничего делать не могла. А прислугу найти было очень трудно. Поэтому миссис Магинти нам даром Божиим показалась; с тех пор она у нас и работала, свои обязанности выполняла великолепно. Хотя, конечно, все изменилось, такого, как раньше, уже нет.

— А вас это сильно беспокоит, мадемуазель?

— Меня? Нет. — Дейрдре, казалось, была удивлена. — А вот мама — да. Она... живет в прошлом.

— Это мне знакомо, — заметил Пуаро.

Он мысленно представил себе комнату, в которой только что побывал. Там стоял комод, один из ящиков его, доверху набитый всякой всячиной, был выдвинут. Чего там только не было! И подушечки для булавок, и серебряный кофейник, и старые журналы — столько всего, что ящик не закрывался.

— Характерно, что люди ее склада хранят множество вещей, напоминающих им о минувших временах: программы танцевальных вечеров, веера, фотографии старых друзей, ресторанные меню и театральные программы, поскольку все они воскрешают память о прожитых днях, — негромко продолжил он.

— Вы, наверное, правы, — согласилась Дейрдре. — Мне этого не понять. Я ничего не храню.

— Вы смотрите в будущее, не в прошлое?

— Не знаю, смотрю ли вообще куда-нибудь... — ответила девушка. — Для жизни достаточно, по-моему, настоящего.

В этот момент открылась дверь, в прихожую с улицы вошел пожилой мужчина. Увидев Пуаро, он словно прирос к полу, взглянул на Дейрдре, и брови его удивленно поползли вверх.

— Это мой отчим, — сказала Дейрдре. — Простите, я не спросила вашу фамилию.

— Я — Эрколь Пуаро, — представился он со свойственной ему скромностью члена королевской семьи.

На мистера Уэдерби его имя, однако, не произвело никакого впечатления. Он молча повернулся и протянул руку с пальто к вешалке.

— Он пришел порасспросить о миссис Магинти, — объяснила Дейрдре.

Ее отчим на секунду замер, затем повесил пальто и недовольно заметил:

— Мне это кажется довольно странным. Женщина погибла несколько месяцев назад, и, хотя она здесь работала, мы не располагаем сведениями ни о ней, ни о ее семье. Иначе мы бы давно рассказали все полиции.

Судя по тону, мистер Уэдерби считал разговор оконченным. Он взглянул на часы.

— Ленч, как я понимаю, будет подан через четверть часа?

— Боюсь, сегодня он запоздает.

Брови мистера Уэдерби вновь поползли вверх.

— Вот как? Почему, позвольте вас спросить?

— Фрида была очень занята.

— Дорогая моя Дейрдре, мне очень неприятно напоминать тебе об этом, но обязанности по дому возложены на тебя. И в этом плане я просил бы быть порасторопнее.

Пуаро открыл входную дверь, вышел на улицу и на пороге оглянулся.

Мистер Уэдерби смотрел на падчерицу с холодной неприязнью. Ответный взгляд был полон ненависти.

Глава 10

Пуаро неспешно поднимался по склону к вершине холма. Вскоре он поравнялся с «Ракитником» — двумя составленными

вместе коттеджами, перестроенными в современном стиле. Здесь проживали миссис Апуард и ее сын, подающий надежды молодой драматург Робин Апуард.

Пуаро приостановился на секунду у ворот, дабы пригладить пышные усы; в этот момент из-за поворота выехал легковой автомобиль, и в цеку ему совершенно неожиданно ударил с силой брошенный в него огрызок яблока.

Перепуганный Пуаро громко и протестующе вскрикнул. Машина остановилась, в ее окошке показалась голова водителя.

— Извините. Я попала в вас?

Пуаро готов был разразиться гневной тирадой, но не издал ни звука. Он смотрел на исполненное благородства лицо сидевшей за рулем женщины, на ее массивный лоб, растрепанные ветром седые волосы и вспоминал. Благополучному исходу этого мыслительного процесса способствовал и пущенный в него яблочный огрызок.

— Ну, конечно! — воскликнул он. — Это же миссис Оливер!

Действительно, перед ним была знаменитая сочинительница детективных историй.

С возгласом: «Ба, да ведь это мсье Пуаро!» — писательница попыталась выбраться из автомобиля, но он был маленький, а миссис Оливер — большая, и Пуаро поспешил к ней на помощь.

Пробормотав виновато: «Засиделась, пока ехала», — она вдруг вылетела на дорогу, как пробка из бутылки. Вместе с ней посыпались на землю и покатались, подсакаивая, вниз по склону холма румяные яблоки.

— Пакет разорвался, — пояснила миссис Оливер, смахнула с необъятного бюста несколько заблудших крошек недоеденного плода и встряхнулась на манер крупного ньюфаундленда. Еще одно яблоко, притаившееся в укромном уголке ее пышного тела, покатилося вдогонку за своими братьями и сестрами.

— Как жаль, что он лопнул, — посетовала миссис Оливер. — Хорошие были яблоки, от Кокса. Хотя здесь, в деревне, их должно быть в достатке. Или нет? Их не все отсюда вывозят? В наши дни все так странно. Ну, а вы как, мсье Пуаро? Вы здесь живете? Нет, конечно. Значит, опять убийство? Надеюсь, не мою хозяйку прикончили?

— Вашу хозяйку?

— Отсюда, — кивнула на дом миссис Оливер. — Если, конечно, это «Ракитник». Судя по тому, как мне объяснили, это он и есть. Что она из себя представляет?

— Вы с ней не знакомы?

— Нет. Я приехала сюда по делу. По моей книге пишется сценарий, им занимается Робин Апуард. Надо поработать над ним вдвоем.

— Примите мои поздравления, мадам.

— Хелло! — услышали он приятный тенорок. — Уж не миссис ли Оливер?

— Я самая! — крикнула она в ответ и тихо сказала, обращаясь к Пуаро: — Не волнуйтесь. Я буду держать язык за зубами.

— О, нет, мадам, не надо. Я вовсе не хочу, чтобы вы держали язык за зубами. Как раз наоборот.

Робин Апуард спустился по ступеням на дорожку и направился к калитке. Он был без шляпы, в старых серых фланелевых штанах и потрепанной спортивной куртке. И если бы не склонность к полноте, его можно было бы назвать красавцем.

— Ариадна, драгоценность моя! — воскликнул Робин, сердечно обнял ее, затем отстранился, держа руки на ее плечах. — Дорогая, у меня появилась великолепная мысль по второму акту.

— Неужели? — без всякого энтузиазма отозвалась миссис Оливер. — Познакомьтесь: мсье Эржюль Пуаро.

— Чудесно! Вы с вещами?

— Да, они в багажнике.

Робин вынул из машины два чемодана и вздохнул.

— Тоска! У нас нет прислуги. Только старая Джанет, а какой от нее прок? Такая досада! Ух, какие тяжелые у вас чемоданы. Что в них? Бомбы?

Нетвердой походкой он пошел по дорожке, крикнув через плечо:

— Заходите в дом, налейте себе чего-нибудь с дороги!

— Это он вам, — пояснила миссис Оливер, беря с переднего сиденья сумочку, книгу и пару старых туфель. — Что это вы мне сказали? Вы хотите, чтобы я ничего не скрывала, я вас правильно поняла?

— Чем меньше вы будете скрывать, тем лучше.

— Как скажете. Я бы сделала наоборот, но дело ваше.

На крыльце вновь появился Робин.

— Входите, входите, — позвал он. — Машину загоним потом. Мадре не терпит увидеть вас.

Миссис Оливер устремила по дорожке к дому, Пуаро последовал за ней.

«Ракитник» восхищал великолепием интерьера. Пуаро догадался, что в него была вложена немалая сумма, но результатом стала очаровательная и богатая простота. Все, вплоть до малейшей детали, было на своем, только ей предназначенном месте.

Из кресла-каталки у камина в гостиной их встречала улыбкой Лора Апуард. Ей было за шестьдесят, седые волосы, волевой подбородок, бодрый вид.

— Рада познакомиться с вами, миссис Оливер, — сказала она. — Вы, наверное, терпеть не можете разговоров о ваших книгах, но на протяжении уже многих лет я находила в них утешение, особенно с тех пор, как превратилась в инвалида.

— Вы очень любезны, — как школьница, смущенно ломая руки, ответила гостья. — А это — мсье Пуаро, мой старый друг. Мы случайно встретились с ним перед вашим домом. Я попала в него огрызком яблока. Как Вильгельм Телль, только наоборот.

— Здравствуйте, мсье Пуаро. Робин!

— Да, мадре.

— Принеси спиртное. Где сигареты?

— На том столике.

— Вы тоже писатель, мсье Пуаро? — спросила хозяйка.

— Ах, нет, — ответила за него миссис Оливер. — Он детектив.

Типа Шерлока Холмса, знаете ли: охота на оленей, скрипка и все такое. Сюда он приехал расследовать убийство.

Послышался тихий звон разбитого стекла.

— Да осторожнее ты, Робин, — грубовато отреагировала миссис Апуард и тут же вновь обернулась к Пуаро. — Это очень интересно, мсье.

— Значит, Морин Саммерхейз сказала правду! — воскликнул Робин. — Она что-то долго и радостно толковала мне об остановившемся у них сыщике. А это, выходит, вы. И что, дело действительно серьезное?

— Конечно, серьезное, — опять опередила Пуаро миссис Оливер. — Среди вас гуляет на свободе настоящий преступник.

— Хорошо, пусть так, но кто все-таки убит? Или все это из сферы жутких тайн?

— Никаких тайн, — ответил Пуаро. — Об этом убийстве вам давно известно.

— Миссис Мак... как-то, поденщица, прошлой осенью, — подсажала миссис Оливер.

— А! — разочарованно произнес Робин. — Но ведь это дело конченное.

— Вовсе нет, — возразила миссис Оливер. — Арестован невиновный, и его повесят, если Пуаро вовремя не найдет настоящего убийцу. Захватывающая история.

Робин наполнил бокалы и рюмки.

— Тебе «Белую леди», мадре?

— Спасибо, милый.

Пуаро слегка нахмурился. Робин подал напитки миссис Оливер и ему.

— Что ж, за преступление!

А выпив, добавил:

— Она и у нас работала.

— Миссис Магинти? — уточнила Ариадна.

— Да. Так, мадре?

— Она приходила раз в неделю. Если ты называешь это работой...

— Иногда мы приглашали ее чаще.

— Что она из себя представляла? — спросила миссис Оливер.

— Ужасно порядочная и невыносимо аккуратная. У нее была кошмарная привычка все протирать и рассовывать по ящикам, так что потом ничего невозможно было найти.

— Если бы кто-то не рассовывал вещи по местам, хотя бы раз в неделю, — с мрачным юмором заметила миссис Апуард, — то сейчас в этом домишке и передвигаться было бы невозможно.

— Знаю, мадре, знаю. Но если вещи исчезают оттуда, куда я их кладу, то как я могу работать? Все мои записи путаются.

— Ужасно быть такой беспомощной, как я, — пожаловалась хозяйка. — У нас верная служанка, но она стара и может лишь немного готовить.

— Что с вами? — поинтересовалась миссис Оливер. — Артрит?

— Нечто в этом роде. Боюсь, мне в скором времени понадобится постоянная сиделка. Грустно! Я люблю независимость.

— Ну-ну, мадре, не расстраивай сама себя.

Робин похлопал ее по руке.

Она неожиданно нежно улыбнулась ему в ответ.

— Робин ласков со мной, как дочь. Все делает, все предусмотрит. Такого заботливого сына поискать надо.

Они одарили друг друга улыбками.

Пуаро поднялся.

— Увы, мне пора. Надо зайти еще в одно место, а потом поспеть на поезд. Мадам, благодарю за гостеприимство. Мистер Апуард, желаю успеха вашей пьесе.

— А вам — успеха с расследованием, — вставила миссис Оливер.

— Так это все-таки серьезно? Это не розыгрыш? — спросил Робин.

— Конечно, серьезно, — подтвердила Ариадна. — Какие уж тут розыгрыши! Вот только не хочет мне сказать, кто убийца, а ведь знает, правда?

— Нет-нет, мадам, что вы, — достаточно неубедительно запротестовал Пуаро. — Пока не знаю.

— Это вы так говорите, но я уверена, что знаете... Вы же такой скрытный.

— Неужели все это правда? — спросила миссис Апуард. — Или вы все же шутите?

— Не шучу, мадам, — ответил Пуаро.

Откланявшись, он удалился.

Уже на дорожке до него донесся из открытого окна голос Робина:

— Хорошо, хорошо, Ариадна, милая, согласен, но с такими усищами и вообще... Как можно принимать его всерьез? Вы уверены, что он способный?

Пуаро усмехнулся. «Способный», надо же!

Выйдя за калитку, он вовремя отскочил назад: мимо, качаясь и грохоча, пронесся фургончик Саммерхейзов. За рулем сидел майор.

— Извините, — высунулся он из окна. — Тороплюсь к поезду!

И тише, удаляясь:

— Ковент гарден...

Пуаро тоже намеревался в тот день ехать местным поездом в Килчестер, где назначил встречу суперинтенданту Спенсу.

У него оставалось время для еще одного, последнего, визита.

Поднявшись на вершину холма, он зашагал по хорошо ухоженной подъездной дороге к современному бетонному дому с плоской крышей и огромными окнами. Здесь жили мистер и миссис Карпентер. Гай Карпентер был совладельцем большого предприятия — «Карпентер энжиниринг уоркс» — и богатым человеком, недавно занявшимся политикой. Женаты они были не так давно.

Открывший ему дверь слуга не был ни иностранцем, ни «старым преданным другом семьи». Он был невозмутим и не желал пускать Пуаро даже на порог. С его точки зрения, подобным типам в доме делать нечего. Он, без сомнения, подозревал, что Пуаро пришел с намерением всучить хозяевам что-нибудь ненужное.

— Мистера и миссис Карпентер нет дома.

— Тогда, если позволите, я подожду.

— Я не знаю, когда они вернутся.

И закрыл дверь.

Пуаро, однако, и не подумал ретироваться. Вместо этого он обогнул угол дома и едва не налетел при этом на высокую молодую женщину в норковой шубе.

— Какого черта вам здесь надо? — воскликнула она.

Пуаро галантно приподнял шляпу.

— Я надеялся поговорить с мистером или миссис Карпентер. Имею ли я честь и удовольствие видеть миссис Карпентер?

— Да, это я, — все так же недобезно ответила женщина, но тон ее все же чуточку смягчился.

— Я Эркюль Пуаро.

— И что же?

— Я хотел увидеться с мистером Карпентером, но вы, мадам, устраиваете меня больше. Ибо меня интересуют вопросы домашнего хозяйства.

— Нам ничего не нужно, у нас все есть, — торопливо проговорила миссис Карпентер, подозрительно глядя на него.

Пуаро рассмеялся.

— Нет, нет, вы меня неправильно поняли. Я всего лишь хочу задать вам несколько вопросов по домашнему хозяйству.

— А, анкеты дурацкие, — она осеклась. — Может, нам лучше войти в дом?

Миновав прихожую, они оказались в просторной комнате с видом на ухоженный сад. Обстановка здесь была современная: набор из большого обитого парчой дивана и двух кресел с подлокотниками, три-четыре стула под чиппендейль*, секретер, письменный стол.

Миссис Карпентер обернулась, и Пуаро посмотрел на нее оценивающим взглядом. Дорогая и красивая молодая женщина. Очень светлые, «платиновые» волосы, тщательно наложенный грим, огромные васильковые глаза — застывшие, прекрасные, влажные глаза.

— Присаживайтесь, прошу вас, — предложила она вежливо, но в голосе ее прозвучала плохо скрытая скука.

Он сел.

— Вы очень любезны, мадам. Разрешите перейти к моим вопросам. Они касаются некой миссис Магинти, скончавшейся — то есть убитой — в ноябре прошлого года.

— Миссис Магинти? Я вас не понимаю.

Она вновь смотрела на него подозрительно.

— Вы помните миссис Магинти?

— Нет. Я ничего о ней не знаю.

— Вы не помните ее убийства? Или убийства здесь настолько заурядное явление, что вы их попросту не замечаете?

— Ах, убийство. Ну да, конечно. Я забыла ее фамилию.

— Несмотря на то, что она у вас работала?

* Стиль английской мебели XVIII века.

— Вовсе нет. Меня здесь тогда не было. Мы с мистером Карпентером вступили в брак три месяца назад.

— Но она все же работала у вас. По пятницам. Вы тогда были миссис Селкрек и жили в «Розовом коттедже».

— Если вам известны все ответы, то зачем задавать вопросы? — обиделась она. — И вообще к чему все это?

— Я провожу расследование по делу об ее убийстве.

— Почему? Зачем? И при чем тут я?

— Вы можете что-то знать и рассказать мне.

— Я ничего не знаю. Почему я должна что-то знать? Она была всего-навсего глупой поденщицей, хранила деньги под половиной доской, кто-то ограбил ее и убил. Омерзительное, зверское преступление. О таких часто пишут в воскресных газетах.

Пуаро тут же подхватил:

— Верно, в воскресных газетах. В таких, например, как «Санди комет». Вы читаете «Санди комет»?

Хозяйка подскочила и неверной походкой бросилась к открытой застекленной двери. Двигалась она до того неуверенно, что по дороге налетела на открытую створку, напомнив Пуаро красивую ночную бабочку, слепо бьющуюся в стеклянный абажур включенной лампы.

— Гай! Гай! — позвала она.

— Да, Ив? — ответил мужской голос.

— Иди скорее сюда.

В поле зрения Пуаро возник высокий мужчина лет тридцати пяти. Он ускорил шаги, пересек террасу и приблизился к двери.

— Здесь какой-то человек, иностранец, — заговорила она быстро и возбужденно. — Он задает мне разные вопросы об этом ужасном убийстве прошлой осенью. Помнишь, убили какую-то старуху поденщицу? Подобные разговоры действуют мне на нервы.

Мужчина нахмурился и вошел в гостиную. Его удлиненное, лошадиное лицо было бледным и надменным.

Эркюлю Пуаро он не понравился.

— Что все это значит, хотел бы я знать? Почему вы позволяете себе беспокоить мою жену?

Пуаро развел руками.

— Менее всего я желал бы беспокоить такую очаровательную леди. Я просто надеялся, что мадам — поскольку погибшая работала у нее — сможет помочь мне в расследовании, которое я провожу.

— Что еще за расследование?

— Да-да, спроси его об этом.

— Возобновлено следствие по делу об убийстве миссис Магинти.

— Чепуха. Дело закрыто.

— Нет, вы ошибаетесь. Оно не закрыто.

Карпентер нахмурился.

— Возобновлено? Кем? Полицией? Ерунда. Вы не из полиции.

— Это верно. Я работаю независимо от нее.

— Он из прессы, — вмешалась Ив. — Из какой-то гадкой воскресной газетенки. Он сам сказал.

Карпендер насторожился. В его положении портить отношения с прессой было неблагоприятно, и потому следующие слова он произнес на много миролюбивее:

— Моя супруга чрезвычайно ранима. Уверю вас, вам не имеет смысла ее беспокоить. Покойную она почти не знала.

— Она была обыкновенной глупой поденницей, — с жаром повторила миссис Карпендер. — Я уже сказала ему. И страшной лгуньей к тому же.

— О, вот это уже интересно. — Пуаро сиял, переводя взгляд с хозяина на его супругу и обратно. — Значит, говорите, она лгала. Что ж, замечание ваше может оказаться весьма ценным.

— Почему? Для чего? — хмуро спросила Ив.

— Для определения мотива преступления. Именно этим я сейчас и занимаюсь.

— Ее ограбили, — вмешался Карпендер. — Деньги и были мотивом.

— Ой ли? — усомнился Пуаро и поднялся, как актер, произнесший заключительную реплику. — Сожалею, если невольно причинил мадам огорчения, — сказал он вежливо. — Подобные истории всегда доставляют одни неприятности.

— Да, происшествие было ужасное, — быстро сказал Карпендер. — Естественно, моей жене не хотелось о нем вспоминать. Очень жаль, что мы ничем не можем вам помочь.

— Но вы мне помогли.

— Извините, я не понял.

— Миссис Магинти лгала. Очень ценный факт. А как она лгала, мадам, вы могли бы уточнить?

Он вежливо ждал ответа. Ив долго молчала, потом наконец сказала.

— Так, ничего определенного... Я не помню.

Осознав, вероятно, что оба мужчины смотрят на нее с ожиданием, она добавила:

— Глупости разные... о людях. Не может быть, чтобы это было правдой.

— Ага, понимаю. Она была опасна на язык, — после очередной длительной паузы высказал предположение Пуаро.

Ив сделала порывистое движение к нему.

— Ах, нет, этого я не говорила. Просто она... сплетничала.

— Просто сплетничала, — тихо повторил Пуаро и взмахнул прощально рукой.

Гай Карпендер проводил его в прихожую.

— Вы говорили о газете... воскресной. Что это за газета?

— Мадам я назвал «Санди комет», — уклончиво ответил Пуаро.

— «Санди комет», — задумчиво повторил Карпендер. — Боюсь, я редко ее читаю.

— В ней печатают иной раз любопытные материалы. С интересными иллюстрациями.

Не дав паузе затянуться, он откланялся:

— Au revoir *, мистер Карпендер. Извините, если я... побеспокоил вас.

* До свидания (франц.).

Выйдя за ворота, Пуаро оглянулся.

— Интересно,— пробормотал он в усы.— Интересно...

Глава 11

Спенс тяжело вздохнул.

— Я вовсе не хочу сказать, мсье Пуаро, что вам ничего не удалось найти,— медленно проговорил он.— Скорее наоборот. Но все это неубедительно, шатко. Ужасно шатко!

Пуаро кивнул.

— Сами по себе мои находки не доказательство, верно. Нужно что-то еще.

— Сержант или я должны были обратить внимание на газету.

— Не терзайтесь, Спенс, все было настолько очевидно! Ограбление с убийством. Вещи перерыты, деньги исчезли. Какое значение для вас могла иметь порванная газета среди остальных ее пожитков?

— Я должен был обратить на нее внимание,— упрямо повторил Спенс.— А чернила?

— Я услышал о них совершенно случайно.

— Что привлекло к ним ваше внимание?

— Случайная фраза о письмах. И вы, и я, Спенс, мы пишем множество писем, для нас это вполне обычное дело.

Спенс еще раз вздохнул и положил на стол четыре снимка.

— Это фотографии, которые вы просили. Оригиналы опубликованных в «Санди комет». Они по качеству чуть лучше, чем в газете, но все равно почти ничего не разберешь — старые, выцветшие, а женщине стоит лишь прическу сменить — и перед вами другой человек. По этим снимкам ничего не определишь, нет профилей, не видно ушей. А этот колпак, а завивка, а розы! Бесполезно.

— Вы согласны со мной, что Веру Блейк мы можем исключить?

— Пожалуй. Появись она в Бродхинни — об этом знали бы все. Рассказы о собственной трагической судьбе — ее ампула.

— Что вы можете сказать об остальных?

— Времени было немного, собрал, что успел. Ива Кейн уехала за границу после приговора Крейгу. Могу назвать и фамилию, которую она себе взяла. Хоуп*. Улавливаете?

— Да-да, романтика ощущается. «Нет среди нас прекрасной Ивлин Хоуп». Строка из стихотворения кого-то из ваших поэтов. Уверен, она об этом думала. Кстати, ее полное имя — Ивлин?

— Наверное. Но звали ее все Ивой. Да, Пуаро, если уж мы заговорили об этом, мнение полиции об Иве Кейн не совпадает с тем, что напечатано в «Санди комет». Расхождение полное.

Пуаро улыбнулся.

— Мнение полиции не доказательство. Но ориентир верный. Так что же думает о ней полиция?

— Что она ни в коем случае не невинная жертва, как считала

* Надежда.

публика. Я тогда был очень молод и помню, что об этом говорил мой старый шеф и инспектор Трейлл — ему поручено было расследование. Трейлл считал (но доказательств тому не было, заметьте), что идея убраться с дороги миссис Крейг целиком и полностью принадлежала ей и что она не только задумала это, но и сама исполнила. А Крейг однажды вернулся домой и обнаружил, что его подружка избрала кратчайший путь к решению своих проблем. Надеялась, наверное, что смерть примут за естественную. Но Крейг оказался рассудительнее. Он здорово струхнул и решил избавиться от трупа, зарыв его в подвале, а затем убедил всех в том, что жена умерла за границей. Когда же все всплыло наружу, он стал твердить, что сделал все сам, а Ива Кейн ничего о том не знала. — Спенс пожал плечами. — Никто ничего доказать не мог. Яд находился в доме, любой из них мог им воспользоваться. Ива Кейн сама невинность, она трепетала от ужаса. И хорошо играла, талантливая артисточка. У инспектора Трейлла были подозрения на ее счет, но ухватиться было не за что. За достоверность своего рассказа не ручаюсь. Это не доказательство.

— Но он дает основание предположить, что по крайней мере одна из этих «женщин с трагической судьбой» была отнюдь не столь несчастна, как считалось, что она была убийцей и в определенных обстоятельствах могла убить опять... А теперь — к следующей. Джанис Кортланд. Что вы о ней можете поведать?

— Я просмотрел карточки. Хороша штучка. Если уж повесили Эдит Томпсон, то следовало повесить и Джанис Кортланд. Два сапога пара, она и муженек ее, а мальчишку она просто окрутила. Причем, заметьте, он ей совсем был не нужен, на ее горизонте постоянно маячил другой человек, богатый, а чтобы выйти за него замуж, надо было избавиться от мужа.

— Ей это удалось?

Спенс пожал плечами.

— Представления не имею.

— Она уехала за границу, а потом?

Спенс опять пожал плечами.

— Она была свободной. Никаких обвинений ей не предъявили. Вышла ли замуж, что с ней случилось в дальнейшем — не знаю.

— Вот так, случайно, с ней можно встретиться на какой-нибудь вечеринке, — сказал Пуаро, вспомнив замечание доктора Ренделла.

— Точно.

Пуаро перевел взгляд на последнюю фотографию.

— А ребенок? Лили Гамболл?

— Она была еще мала, и обвинение в убийстве ей предъявить не могли. Отправили в колонию. Там у нее хорошие характеристики. Обучена стенографии и машинописи. Последний раз ее видели в Ирландии. Я думаю, Лили Гамболл мы тоже можем исключить, как и Веру Блейк. В конце концов она исправилась, а люди не держат зла на ребенка за то, что он сотворил в порыве гнева. Вы как считаете?

— Я бы с вами согласился, — ответил Пуаро, — если бы не секач. Сомнений в том, что Лили Гамболл ударила тетю сека-

чом, ни у кого нет. Убийца миссис Магинти тоже использовал оружие, как говорят, типа секача.

— Возможно, вы и правы. Но сменим тему. Вас, как вижу, никто прикончить не пытался. Я рад.

— Н-нет, — не совсем уверенно подтвердил Пуаро.

— Не стану скрывать, я много раз со страхом о вас думал после нашей встречи в Лондоне. Что вы можете сказать о жителях Бродхинни?

Пуаро раскрыл блокнот.

— Иве Кейн, если она еще жива, должно быть под шестьдесят. Ее дочери, о которой с такой заботой пишет «Санди комет», должно быть за тридцать. Лили Гамболл — приблизительно столько же. Джанис Кортланд — около пятидесяти.

Спенс согласно кивнул.

— Теперь конкретно об обитателях деревни и в первую очередь о тех, у кого работала миссис Магинти.

— Это условно, насколько я понимаю.

— Да. Сложность в том, что миссис Магинти работала у многих, но пока будем считать, что она увидела то, что увидела — скорее всего фотографию, — в одном из домов, где работала постоянно.

— Согласен.

— В таком случае по возрасту нам подходят, во-первых, Уэдерби — у них миссис Магинти работала в день своей смерти. По возрасту миссис Уэдерби подходит Иве Кейн, у нее есть дочь, ей столько же, сколько должно быть дочери Ивы. Говорят, что это дочь от первого брака.

— А фотография?

— Друг мой, по фотографии опознать кого-либо невозможно. Слишком много времени прошло, слишком много, как вы говорите, воды утекло. Одно можно сказать с определенностью. Миссис Уэдерби, безусловно, в свое время была красивой женщиной. Об этом говорит и ее манерность. На вид она слишком слаба и беспомощна для того, чтобы совершить убийство, но ведь и Ива Кейн, насколько я понимаю, была такой же в глазах людей. Трудно сказать, сколько вообще понадобилось силы, чтобы убить миссис Магинти, не зная точно, каким орудием был нанесен удар, остроты его лезвия и так далее.

— Да, верно. Почему мы его так и не нашли? Но продолжайте.

— Что я еще могу сказать о семействе Уэдерби, так это то, что ее глава может при желании быть пренеприятнейшим типом — и бывает таковым. Дочь фанатически предана матери и ненавидит отчима. Я не комментирую эти факты, я лишь представляю их для размышлений. Дочь могла совершить убийство для того, чтобы не дать отчиму узнать о прошлом матери. По той же причине могла убить и сама мать. Отчим мог сделать это для того, чтобы предотвратить скандал. Сколько убийств было совершено в целях сохранения «респектабельности»! Сказать кому — не поверят. А Уэдерби — «почтенные люди».

Спенс кивнул.

— Если — я говорю «если» — в этой версии с «Санди комет»

вообще есть смысл, то подозрение, безусловно, падает в первую очередь на Уэдерби.

— Совершенно верно. Ну, а кроме нее, по возрасту Иве Кейн в Бродхинни подходит только миссис Апуард. Тому, что миссис Апуард, она же Ива Кейн, убила миссис Магинти, есть два возражения. Во-первых, она больна артритом и с кресла-каталки почти не поднимается...

— В детективном романе, — с грустью заметил Спенс, — ее артрит с коляской оказались бы фикцией, другое дело — реальная жизнь.

— Во-вторых, — продолжал Пуаро, — она человек сильный, догматического склада, твердой воли, склонная скорее запугивать, чем просить, а это расходится с описанием Ивы Кейн. Следует, конечно, помнить, что характеры людей меняются, самоуверенность зачастую приходит с возрастом.

— Что верно, то верно, — согласился Спенс. — Можно считать, что миссис Апуард — вариант возможный, но маловероятный. Пойдем дальше. Джанис Кортланд.

— Эту, я думаю, можно исключить. В Бродхинни нет никого ее возраста.

— Если только кто-то из местных женщин не сделал пластическую операцию. Это просто, стоит только слегка подтянуть кожу лица. Шучу, шучу, не обращайтесь внимания.

— В деревне трем женщинам за тридцать. Дейрдре Хендерсон, жене доктора Ренделла и миссис Карпентер. Другими словами, любая из них может быть либо Лили Гамболл, либо дочерью Ивы Кейн, если говорить о возрасте.

— А если иметь в виду вероятность?

Пуаро вздохнул.

— Дочь Ивы Кейн может быть высокой или маленькой, брюнеткой или блондинкой — у нас нет никаких данных о том, как она выглядит. О Дейрдре Хендерсон мы уже говорили, давайте об остальных. Первым делом должен сообщить вам следующее: миссис Ренделл явно напугана.

— Кого она боится? Вас?

— Думаю, что да.

— Знаменательно. Вы предполагаете, что миссис Ренделл может оказаться дочерью Ивы Кейн или Лили Гамболл? Она брюнетка, шатенка или блондинка?

— Блондинка.

— Лили Гамболл в детстве была светленькой.

— Миссис Карпентер тоже блондинка. И носит много грима. Не знаю, действительно ли она миловидна, но глаза у нее замечательные. Большие синие глаза.

— Ну что вы, Пуаро, в самом деле...

Спенс укоризненно покачал головой.

— Вы знаете, кого она мне напомнила, когда бежала из комнаты? Ночную бабочку. Она натыкалась на мебель и разводила руками, как слепая.

Спенс посмотрел на него снисходительно.

— Вы романтик, Пуаро, с вашей порхающей бабочкой и большими синими глазами.

— Вовсе нет, — возразил сыщик. — Романтиком был мой друг Гастингс, я — нет! Я человек сугубо практический. Просто пытаюсь разъяснить вам, что если красота женщины заключена в основном в ее глазах, то как бы близорука она ни была, а от очков все равно откажется, научится ходить без них, пусть очертания предметов расплываются и расстояние до них определяется с трудом.

И он постучал указательным пальцем по фотографии Лили Гамболл в очках с толстыми стеклами, искажавшими черты ее лица.

— Так вот оно что! Лили Гамболл?

— Нет, я говорю только, что это не исключено. Когда миссис Магинти умерла, миссис Карпентер еще не была миссис Карпентер. Она была молодой вдовой погибшего на войне летчика, жила бедно, в плохоньком домике для фермерских работников. Но вот она обручается с богатым человеком, живущим по соседству, — человеком крайне честолюбивым и с большими политическими амбициями. Если бы только Гай Карпентер узнал, что собирается жениться на женщине низкого происхождения, «прославившейся» в детстве убийством родной тетки, или, скажем, на дочери Крейга, одного из самых печально знаменитых преступников века — не случайно его восковая фигура выставлена у вас в «Палате ужасов», — возникает вопрос: как бы он в этом случае поступил? Вы, вероятно, скажете, что если он любил ее, то решения своего не изменил бы. Но Гай — человек иного склада. Я назвал бы его честолюбивым эгоистом, чересчур заботящимся о своей репутации. Я считаю, что если миссис Селкерк, как ее тогда звали, жаждала заключить этот брак, то ей бы очень не хотелось, чтобы факты ее неудачной биографии достигли ушей жениха.

— Понятно. Вы считаете, что это она, так?

— Повторяю: я не знаю. Я просто анализирую различные варианты. Со мной она была начеку, настроже, встревожена.

— Это подозрительно.

— Да, но все не так просто. Однажды я гостил у друзей в сельской местности; они отправились на охоту. Знаете, как это делается? Идешь с собакой и ружьем, собака поднимает дичь, та взлетает, а ты стреляешь — пиф-паф. Так и мы. Но поднимаем мы не одну птицу, в траве могут прятаться и другие, из тех, что нам, возможно, и не нужны. Но сами птицы этого не знают, и потому нам надо точно знать, какая из них наша. Пока миссис Карпентер вдовствовала, она могла совершить неосторожный поступок, не более того, но он тем не менее может доставлять ей теперь беспокойство. Без сомнения, чем-то должна быть вызвана ее фраза о том, что миссис Магинти лгала.

Спенс потер нос.

— Послушайте, Пуаро, вы можете мне ясно и определенно сказать, что вы по этому поводу думаете?

— Что я думаю — не важно. Я должен знать. А пока охота лишь начинается.

— Если бы нам только удалось найти что-нибудь конкретное, — пробормотал полицейский. — Какой-нибудь действительно

подозрительный факт. А пока одни догадки и предположения, причем притянутые за уши. Нить тонка. Могут ли вообще причины, о которых мы говорим, служить мотивом для убийства?

— Как сказать. Все зависит от множества факторов, семейных обстоятельств, о которых мы ничего не знаем. Одно бесспорно: в стремлении сохранить положение в обществе человек способен на многое. Это не художники и не богемы. В Бродхинни живут очень порядочные люди — так сказала моя знакомая на почте. А порядочные люди стараются уберечь свою репутацию. Представьте себе: годы спокойной супружеской жизни, никто не подозревает, что ты когда-то «прославилась» в одном из самых сенсационных процессов века, что твоя дочь — дочь знаменитого убийцы. О чем думает эта женщина? «Да лучше я умру, чем допущу, чтобы муж узнал правду». Или: «Я скорее умру, чем позволю дочери узнать, кто она на самом деле!» Но затем ей в голову может прийти другая мысль: пусть лучше умрет миссис Магинти...

— Так вы считаете, что это Уэдерби.

— Нет. Они лучше остальных вписываются в нашу схему, но и только. По характеру миссис Апуард больше подходит на роль убийцы, чем миссис Уэдерби. Она решительна, с характером и просто души не чаёт в своем сыне. Я думаю, она далеко может пойти, чтобы не позволить Робину узнать, что произошло с ней до вступления в брак с его отцом.

— Неужели он сильно расстроился бы?

— Я лично так не считаю. Робин по современному скептичен, порядочный эгоист, и привязанность его к матери, я бы сказал, куда слабее ее нежных чувств к нему. Нет, это не Джеймс Бентли.

— Допустим, что миссис Апуард действительно Ива Кейн; решил бы Робин на убийство Магинти, чтобы сохранить этот факт в тайне?

— Ни в коем случае. Да он бы просто раздул его. Использовал для саморекламы. Не представляю Робина Апуарда совершающим убийство ради сохранения репутации, из преданности или еще чего, кроме корысти.

Спенс вздохнул.

— Н-да, куда ни кинь... Не исключено, что что-то можно откопать в прошлом этих людей. Но на это потребуется время. Война все осложнила. Многие картотеки уничтожены, а те, кто хотел исчезнуть, получили массу возможностей для этого, воспользовавшись чужими удостоверениями, особенно после бомбежек, когда трупы невозможно было опознать. Если бы только мы могли сосредоточить внимание на ком-нибудь одном, но вы называете столько вариантов, Пуаро, что я теряюсь.

— Мы очень скоро сможем сократить их число.

Когда Пуаро покидал кабинет суперинтенданта, на сердце у него было не так легко, как могло показаться постороннему наблюдателю. Его, как и Спенса, тяготил фактор времени. Если бы у него только было время...

А в глубине души терзали сомнения: насколько прочна вы-

строенная им со Спенсом система? А что, если Джеймс Бентли все же виновен?..

Как мог, он противился возникшим гнетущим мыслям, но они беспокоили его.

Снова и снова он в деталях припоминал свою беседу с осужденным. Он думал о ней и сейчас, стоя на перроне килчестерского вокзала в ожидании поезда. День был базарный, на платформе толпились люди, и с каждой минутой все больше народу выходило на перрон через турникеты.

Пуаро наклонился, посмотрел вдоль путей. Поезд приближался. Не успел он выпрямиться, как кто-то вдруг толкнул его по пояснице. Толчок оказался настолько сильным и неожиданным, что Пуаро не удержался и начал валиться вниз; еще мгновение, и он бы оказался на рельсах, но стоявший рядом мужчина вовремя его подхватил и дернул назад.

— Что случилось? — спросил его спаситель, оказавшийся здоровенным армейским сержантом. — Голова закружилась? Вы же чуть под поезд не угодили.

— Благодарю вас. Тысячу раз благодарю.

Толпа вокруг них закружилась, люди засуетились. Одни сходили с поезда, другие занимали в нем места.

— Очухались? Давайте помогу вам подняться в вагон.

Потрясенный Пуаро опустил на свободное сиденье.

Бесплезно говорить «меня толкнули», но его действительно толкнули. До этого момента он был постоянно настороже, но после разговора со Спенсом, после добродушного вопроса суперинтенданта о том, не покушался ли кто на его жизнь, он как-то незаметно утратил чувство опасности, решил, что все позади и вряд ли ему что-либо грозит.

Но как он ошибался! Из тех бесед, которые он провел, одна достигла цели. Кого-то он встревожил, кто-то попытался положить конец его опасным попопзновениям воскресить закрытое дело.

Из телефонной будки в Бродхинни Пуаро позвонил Спенсу.

— Это вы, топ ами? Слушайте, у меня для вас прекрасная новость. Кто-то пытался меня убить...

Он с удовольствием выслушал поток критических замечаний и упреков на другом конце провода.

— Нет, я не пострадал. Но был на волосок от гибели... Да, под поездом. Нет, я не видел, кто толкнул. Но будьте уверены, мой друг, я докопаюсь. Теперь мы знаем, что находимся на верном пути.

Глава 12

За манипуляциями электромонтера со счетчиком наблюдал слуга Гая Карпентера.

— Отныне все будет по-другому, — объяснял техник. — Плата за электричество станет дифференцированной в зависимости от доходов.

— Все, что вы говорите, — скептически заметил слуга, — означает лишь очередное повышение цен. Все дорожает.

— Как сказать. Просто справедливая плата для всех, я так бы выразился. Вы были вчера на митинге в Килчестере?

— Нет.

— Говорят, ваш хозяин, мистер Карпентер, здорово там выступал. Как считаете, его изберут?

— В прошлый раз он едва не победил, совсем немного голосов не добрал.

— Да, набрать надо было сто двадцать пять или что-то в этом роде. А на митинг вы его отвозите или он сам ездит?

— Обычно сам. Он любит водить автомобиль. У него «роллс-бентли».

— Хорошая машина. Миссис Карпентер тоже водит?

— Да. Но слишком быстро, по-моему.

— Это свойственно женщинам. Она тоже была на вчерашнем митинге? Или политика ее не интересует?

Слуга ухмыльнулся.

— Делает вид, что интересует. Но вчера она до конца не досидела. Голова у нее разболелась или еще что, но только она с середины уехала.

— Вот как! — Монтер заглянул в коробку с предохранителями. — Порядок. Можете пользоваться.

Собирая инструмент, он задал мимоходом еще несколько вопросов и направился к выходу.

По подъездной дороге он шагал быстро, но за воротами остановился, вынул из кармана блокнот и записал в него:

«К. возвратился вчера домой в 10.30 (прибл.). В указанное время вполне мог находиться на Центральном вокзале в Килчестере. Миссис К. уехала с митинга раньше. Домой приехала за десять минут до К. Сказала, что приехала поездом».

Это была уже вторая запись. А первая гласила:

«Д-р Р. вчера вечером выезжал на вызов. Отправился в сторону Килчестера. Мог быть на Центральном вокзале в указанное время. М-с Р. весь вечер провела дома в одиночестве (?). Подав кофе, м-с Скотт ее больше не видела (экономка). У нее есть свой маленький автомобиль».

Расследование миссис Оливер начала с того, что, спустившись с холма, зашла на почту, купила два фунта яблок и вступила в разговор с миссис Суитман.

— Да, да, я знаю. Вы из Лондона и пишете книги об убийствах. У меня сейчас в продаже три из них, изданные «Пингвином».

— У вас тут тоже было убийство, я слышала?

— Да, в ноябре прошлого года. Совсем рядом, по соседству, можно сказать.

— Мне говорили, что расследовать его приехал сыщик?

— А, вы имеете в виду маленького иностранца, что остановился в «Лугах»? Он вчера заходил сюда и...

Миссис Суитман не договорила: к ней за марками зашла покупательница. Начальница почтового отделения быстро переместилась за противоположную стойку.

— Доброе утро, мисс Хендерсон. Теплый сегодня денек для этого времени года, как вы считаете?

— Да, на редкость.

Миссис Оливер уперлась взглядом в спину высокой девушке с вертлявым силихэм-терьером на поводке.

— Беда, если заморозки побьют цветы плодовых, — с оттенком наслаждения, словно смакуя мрачное пророчество, заявила миссис Суитиман. — Как себя чувствует миссис Уэдерби?

— Хорошо, спасибо. Она почти не выходит из дома. Последние дни дует ужасный восточный ветер.

— В Килчестере на этой неделе идет великолепный фильм, мисс Хендерсон. Вам надо съездить посмотреть его.

— Я хотела съездить вчера, да передумала.

— А на следующей неделе фильм с Бетти Грейбл... У меня закончились пятишиллинговые марки. Вас устроит пара по два шиллинга шесть пенсов?

— Я правильно поняла, что миссис Уэдерби больна? — спросила миссис Оливер, когда девушка вышла.

— Возможно, — ехидно заметила миссис Суитиман. — Но многим из нас просто некогда валяться в постели.

— Я полностью согласна с вами, — откликнулась Ариадна. — Если бы миссис Апуард старалась чаще вставать на ноги, она бы чувствовала себя лучше.

Миссис Суитиман развеселилась.

— Когда ей надо, она ходит — так, во всяком случае, мне говорили.

— Неужели?

Миссис Оливер подумала о том, кто мог служить почтальонше источником информации.

— Джанет? — рискнула она.

— Джанет Грум ворчит понемногу, — ответила миссис Суитиман. — Да и неудивительно, правда? Мисс Грум не так уж молода, у нее ревматизм, особенно он разыгрывается при восточном ветре. Когда он у господ, его называют артритом; у них и коляски инвалидные, и все, что надо. Не-ет, я бы ни за что не рискнула перестать пользоваться моими ногами, извините. Хотя куда там, сейчас и с ознобом бегут к врачу, дабы сполна получить то, что причитается по линии министерства здравоохранения. Слишком уж у нас носятся с этим здоровьем. Чем больше думаешь о своих болезнях, тем хуже себя чувствуешь.

— Наверное, вы правы, — согласилась миссис Оливер.

Она взяла купленные яблоки и поспешила вслед за Дейдре. Догнать девушку не составляло труда, ибо силихэм был стар и жирен, он лениво обнюхивал каждую поросшую травкой кочку на своем пути, наслаждаясь приятными запахами.

Собаки, по мнению миссис Оливер, всегда служили замечательным предлогом для знакомства.

— Какая прелесть! — воскликнула она, доставив истинное удовольствие некрасивой девушке.

— Он у нас бесподобный, — подтвердила та. — Правда, Бен?

Бен посмотрел на хозяйку, вильнул сарделеобразным телом и вернулся к прежнему занятию — обнюхал очередной кустик чертополоха, решил, что с ним все в порядке, и отметил его обычным манером.

— Он драчлив? — поинтересовалась миссис Оливер. — Силхэмы обычно задиристы.

— О, он такой забияка! Потому я и держу его на поводке.

— Я так и подумала.

Женщины посмотрели на пса.

— А вы — Ариадна Оливер, да?

— Да. Я остановилась у Апуардов.

— Я знаю. Робин говорил нам, что вы должны были приехать.

Скажу честно, мне очень нравятся ваши книги!

Миссис Оливер, как обычно в таких случаях, густо покраснела.

— О! — меланхолично произнесла она и добавила грустно: — Я рада.

— Я не так уж много прочла их, как хотелось бы, потому что книги мы выписываем из «Таймс-бук-клуба», а мама детективы не любит. Она ужасно впечатлительная и, прочитав их, не спит по ночам. А я их обожаю.

— У вас в деревне было настоящее убийство, я слышала? — спросила миссис Оливер. — Где? В одном из этих домиков?

— Вон в том, — показала девушка; голос ее прозвучал сдавленно.

Миссис Оливер посмотрела на бывшее жилище миссис Магинти, на ступенях которого два малосимпатичных сынишки миссис Кидл терзали кота. Старший из них, жестоко испарипанный, завыл.

— Так тебе и надо, — заметила миссис Оливер и снова обернулась к Дейдрре Хендерсон. — Не похож он на дом, в котором могло произойти убийство, правда?

— Не похож.

Обе женщины, по-видимому, сошлись в этом мнении.

— Она была поденщицей? И кто-то ее ограбил?

— Ее же квартирант. У миссис Магинти было немного денег, она прятала их под половиной доской.

— Вот оно что. Понятно.

— А может, это вовсе и не он! — заявила вдруг Дейдрре. — К нам приехал странный человечек, иностранец. Его зовут Эркуль Пуаро...

— Эркуль Пуаро? Я его очень хорошо знаю.

— Он и вправду детектив?

— Дорогая моя, он же знаменит. И ужасно умен.

— Тогда, наверное, ему удастся доказать, что он не убивал.

— Кто?

— Ну, квартирант. Джеймс Бенгли. Я так надеюсь, что его оправдают!

— Да? Почему?

— Потому что не хочу, чтобы убийцей был он. И никогда не хотела.

Миссис Оливер, удивленная страстью, прозвучавшей в голосе девушки, взглянула на нее с любопытством.

— Вы дружили?

— Нет. Но как-то Бен попал лапой в капкан, и Джеймс помог освободить его. А потом мы поговорили немного...

— Каким он был?

— Ужасно одиноким. Незадолго до этого умерла его мама. Он ее страшно любил.

— А вы свою любите?

— Да. Поэтому я его поняла. Поняла, что он чувствовал. Как мы с мамой — у нее есть я, у меня она, мы нужны друг другу.

— Мне кажется, Робин говорил, что у вас есть отчим?

— Вот именно, отчим, — горько подчеркнула девушка.

— Отчим, конечно, не отец, — неопределенно высказалась миссис Оливер. — Вы помните своего отца?

— Нет, он умер до моего рождения. Мама вышла за мистера Уэдерби, когда мне было четыре года. Я... всегда ненавидела его. А мама... — Она помолчала. — У мамы жизнь сложилась несладко. Ни сочувствия ей нет, ни понимания. Мой отчим — черствый человек, жестокий и холодный.

Миссис Оливер кивнула.

— Судя по рассказам, этот Джеймс Бенгли совсем не похож на убийцу.

— Никогда бы не подумала, что его арестуют. Я уверена, что ее убил какой-то бродяга. По нашей дороге ходят иной раз отвратительные типы. Кто-то из них, должно быть, и убил.

— Будем надеяться, Эркуль Пуаро доберется до истины.

— Будем надеяться...

Она резко повернулась и вошла в калитку «Охотничьего двора».

Несколько мгновений миссис Оливер смотрела ей вслед, затем достала из сумочки блокнот с карандашом, записала в нем: «Не Дейдрэ Хендерсон», — и подчеркнула «не» с такой силой, что грифель сломался.

На обратном пути ей повстречались Робин с миловидной блондинкой; они шли по направлению к деревне.

Робин представил женщин друг другу:

— Это несравненная Ариадна Оливер, Ив. Ей-богу, не понимаю, как ей удается писать такие вещи! На вид такая добродушная, правда? Никогда не скажешь, что она просто-напросто погрязла в криминальных грехах. Это Ив Карпентер. Ее супруг, по-видимому, вскоре станет нашим новым членом парламента. Нынешний, сэр Джордж Картрайт, совсем спятил по старости, бедняга. Прячется за дверьми и пугает девочек.

— Робин, не выдумывайте. Вы дискредитируете партию.

— А мне-то что? Это не моя партия. Я либерал. Только в этой партии можно сегодня состоять — маленькая, доступная немногим, не имеющая никаких шансов прийти к власти. Обожаю безнадежные дела. Кстати, Ариадна, Ив приглашает вас сегодня на коктейль. Вечеринка в вашу честь. «Знакомьтесь: Знаменитость». Мы все здесь так рады вашему приезду! Вы могли бы местом следующего убийства избрать Бродхинни?

Они приблизились к воротам «Лугов», навстречу им от дома неслись, оглушительно лая, две овчарки.

В огороженном дворике свинарника появилась хозяйка с бадьей в руках.

— Лежать, Флин! Назад, Кормик! Привет. А я уборкой занимаюсь.

— Мы догадались,— сказал Робин.— Запашок и сюда доносится. Как дела у вашего Хрюши?

— Вчера он нас здорово напугал. Лег и отказался от завтрака. Чего мы только не передумали, все болезни перебрали, целую книгу с Джонни по свиноводству прочли, ночь не спали, волновались, а сегодня с утра он жив-здоров и весел; Джонни принес ему еду, а он ка-ак бросится на него, аж с ног сбил. Пришлось Джонни идти купаться.

— Как интересно вы с Джонни живете! — заметил Робин, а Ив предложила:

— Приходите к нам вечером на коктейль, Морин.

— С удовольствием.

— Это будет вечер знакомства с миссис Оливер,— пояснил Робин.— Хотя познакомиться с ней вы можете и сейчас. Она с нами.

— Неужели это вы? — воскликнула Морин.— Как интересно! Вы ведь с Робиним пишете пьесу, да?

— Пишем, пишем, и пока все великолепно получается,— ответил Робин.— Кстати, Ариадна, утром, когда вы ушли, у меня родилась гениальная идея. По актерскому составу.

— Ах, по составу,— облегченно вздохнула писательница.

— Я знаю, кто должен играть Эрика. Сесил Лич, актер «Малого репертуарного» в Калленки. Как-нибудь вечером съездим, посмотрим их спектакль.

— А ваш постоялец дома, Морин? — спросила Ив.— Мы его тоже хотим пригласить.

— Мы придем с ним,— пообещала Морин.

— Лучше бы мне пригласить его лично. Дело в том, что вчера я ему нагубила.

— А! Он где-то здесь. В саду, наверное... Кормик! Флин! Проклятые псы!

Она бросила бадью и побежала к птичнику у пруда, где поднялся отчаянный утиный гвалт.

Глава 13

Миссис Оливер с бокалом в руке подошла к Пуаро лишь к концу устроенной Карпентерами вечеринки. До этого момента оба находились в центре внимания любопытных почитателей их талантов. Теперь, когда джина было выпито достаточно и у жителей деревушки отчетливо проявилось желание пообсуждать в тесном кругу местные новости, у их гостей появилась наконец возможность побеседовать наедине.

— Выйдем на террасу,— заговорщицки прошептала миссис Оливер, незаметно втискивая ему в руку клочок бумаги.

Они вышли из дома и направились к противоположному концу террасы. Пуаро развернул записку и прочел: «Д-р Ренделл». Он вопросительно взглянул на спутницу, та энергично кивнула, при этом большая прядь седых волос упала ей на лицо.

— Убийца — он,— сказала миссис Оливер.

— Вы так думаете? Почему?

— Я просто знаю это. Именно таким и должен быть убийца: радушным, приветливым, веселым и все такое.

— Возможно, — неуверенно произнес Пуаро, убедить которого было трудно. — Каков же был мотив?

— Нарушение профессиональной этики. И миссис Магинти стало об этом известно. Но, каковы бы ни были мотивы, будьте уверены: это он. Я наблюдала за всеми и говорю вам твердо: это он.

Вместо ответа Пуаро обиденным тоном сообщил:

— Вчера вечером на вокзале в Килчестере кто-то пытался столкнуть меня на рельсы.

— Боже мой! Убить вас?

— Не сомневаюсь.

— А доктор Ренделл выезжал на вызов к больному, я точно знаю.

— Я понимаю так, что доктор Ренделл... действительно выезжал, дома его не было.

— Тогда все ясно, — удовлетворенно заключила миссис Оливер.

— Не совсем, — возразил Пуаро. — Мистер и миссис Карпентер тоже были вчера в Килчестере, а домой возвратились порознь. Миссис Ренделл, возможно, сидела дома и слушала радио, а может быть, нет — кто подтвердит? Мисс Хендерсон часто ездит в Килчестер в кино.

— Вчера она не ездила, сама мне об этом сказала.

— Нельзя же верить на слово всему, что вам говорят, — неодобрительно заметил Пуаро. — А служанка их, Фрида, вчера была в кино и потому не может нам сказать, кто был дома, кто нет! Как видите, сузить круг отнюдь не просто.

— Я, во всяком случае, могу поручиться за Апуардов. В котором, говорите, часу это случилось?

— Ровно в девять тридцать пять.

— Тогда хоть обитателей «Ракитника» можно считать вне подозрений. С восьми до половины одиннадцатого Робин, его мать и я раскладывали пасьянс.

— Я подумал, что вы с Робинсом могли сыграть в паре.

— А его матушка в это время вскочила на спрятанный в кустах мотоцикл и помчалась в Килчестер? — рассмеялась миссис Оливер. — Нет, матушка была у нас перед глазами. — Она грустно вздохнула. — В паре! Вы не представляете себе, какой это кошмар! Все равно что показать вам суперинтенданта Баттла с наклеенными огромными черными усами и сказать, что это вы.

Пуаро мигнул.

— Какая дикая идея!

— Теперь вы знаете, как я страдаю.

— Я тоже страдаю, — произнес Пуаро. — Кулинарные способности миссис Саммерхейз не поддаются описанию. Это вообще не способности. А сквозняки, холод, расстройство желудка у котов, собачья шерсть, стулья с поломанными ножками, ужасная кровать, на которой мне приходится спать... — Он прикрыл глаза, припоминая муки, которые ему выпало испытать. — Едва теплая

вода в ванне, дырявые дорожки на лестнице, а кофе — словами не опишешь эту жидкость, которую подают в качестве кофе! Иначе как оскорблением желудка не назовешь.

— Какой ужас! — воскликнула миссис Оливер. — И тем не менее она очень мила.

— Миссис Саммерхейз? Она очаровательна, просто очаровательна, но от этого не легче.

— А вот и она сама идет к нам.

Действительно, к ним направлялась Морин Саммерхейз; лицо ее выражало полный восторг, глаза блестящие, в руке она держала высокий стакан.

— По-моему, я захмелела, — одарив их радостной улыбкой, объявила она. — Столько джина выпила! Обожаю вечеринки. В Бродхинни они редки. А эта ради вас устроена, вы оба такие знаменитые! Как жаль, что я не умею писать книги. Беда в том, что я вообще ничего толком делать не умею.

— Вы хорошая мать и жена, — вполне официально заявил Пуаро.

Глаза Морин широко раскрылись. Прекрасные светло-карие глаза на конопатом личике. «Сколько ей лет? — подумала миссис Оливер. — На вид не более тридцати».

— Неужели? — спросила Морин. — Не знаю. Я их ужасно люблю, но достаточно ли этого?

Пуаро деликатно кашлянул в кулак.

— Не считите меня бесцеремонным, мадам, но любящая жена должна заботиться о животе супруга. Это очень важно.

— У Джонни прекрасный живот, — обиженно проговорила она. — Совершенно плоский. Фактически никакого живота у него вообще нет.

— Я имел в виду то, что в него попадает.

— А, вы говорите о том, как я готовлю, — сообщила Морин. — По-моему, что человек ест — не так уж важно.

Пуаро тихо простонал.

— Или что он носит, как одевается, — задумчиво продолжала Морин. — Или чем занимается. Это все несущественно.

Она помолчала немного, глядя куда-то вдаль затуманенными алкоголем глазами.

— На днях в газете опубликовали письмо одной женщины, — сказала она неожиданно. — Глупейшее письмо. Она спрашивала, что лучше: отдать ребенка в семью, где он будет полностью обеспечен всем необходимым — полностью обеспечен, так она написала, имея в виду хорошее образование, одежду и тому подобное, — или оставить его в родной семье, где возможности крайне ограничены. По-моему, это глупо, причем в высшей степени глупо. Главное — накормить ребенка, остальное не важно.

Она уставилась в пустой стакан, словно это был магический кристалл.

— Я хорошо это знаю. Я была приемным ребенком. Моя мать отдала меня, я была, можно сказать, всем обеспечена. Но больно, очень больно сознавать, что ты оказалась нежеланным ребенком, что мать смогла от тебя отказаться.

— Может быть, это была жертва с ее стороны во имя вашего счастья? — высказал предположение Пуаро.

Морин посмотрела ему в глаза.

— Такого не бывает, не верю. Это просто... простое оправдание, которое они сами себе находят. А на деле это означает одно: они могут прекрасно обойтись без нас... А это больно. Я бы никогда не рассталась со своими детьми, ни за какие богатства на свете.

— Мне кажется, вы абсолютно правы, — согласилась с ней миссис Оливер.

— Я тоже полностью на вашей стороне, — поддержал Пуаро.

— Тогда все в порядке, — повеселела Морин. — О чем мы в таком случае спорим?

Подошедший к ним Робин спросил:

— Да, о чем вы спорите?

— О проблеме приемных детей, — ответила миссис Саммергейз. — Мне вовсе не по душе быть приемным ребенком, а вам?

— Во всяком случае, это лучше, чем быть сиротой, согласны? Но нам, наверное, пора, как вы считаете, Ариадна?

Гости покинули устроителей вечеринки одновременно, раньше ушел лишь доктор Ренделл. Они вместе спустились с холма, оживленно беседуя, что было естественно после выпитых у Карпентеров многочисленных коктейлей.

У «Ракитника» Робин настоял, чтобы все заглянули к нему.

— Расскажем только маме, как прошла вечеринка. Ей так обидно, что она не смогла пойти с нами, ведь она любит общество.

Веселой гурьбой они ввалились в дом; миссис Апуард, казалось, была им очень рада.

— Кто там еще был? — спросила она. — Уэдерби?

— Нет, миссис Уэдерби неважно себя чувствует, а мисс Хендерсон без нее не пошла.

— Она всегда такая жалкая, правда? — заметила Шила.

— До патологии, по-моему, — изрек Робин.

— Это все ее мать виновата. Некоторые матери буквально поедом едят своих детей, — сказала Морин и тут же вспыхнула, встретившись глазами с вопросительным взглядом миссис Апуард.

— Я терзаю тебя, Робин? — спросила она.

— Маме! Как ты можешь! Конечно, нет.

В попытке скрыть смущение Морин поспешила сменить тему и принялась делиться своим опытом разведения породистых ирландских овчарок.

— От наследственности никуда не денешься, что в людях, что в животных, — авторитетно заявила миссис Апуард.

— А вы не допускаете, что особое влияние на формирование личности оказывает среда? — тихо спросила Шила, но миссис Апуард тут же перебила ее:

— Нет, дорогая, не допускаю. Среда может способствовать лишь внешним проявлениям характера, не более того. Главное — что в человеке заложено с рождения.

Пуаро с любопытством взглянул на миссис Ренделл.

— Но это жестоко, несправедливо! — с чувством воскликнула она.

— Жизнь несправедлива, — заверила ее хозяйка дома.

— Я согласен с миссис Апуард, — ответил Джонни Саммерхейз. — Все дело в породе.

— Вы хотите сказать, что судьбы наши предопределены свыше? — спросила миссис Оливер. — «До третьего или четвертого поколения...»

— Но цитата имеет продолжение: «И окажи милость тысячам», — неожиданно выпалила прелестным тонким голоском Морин.

Вновь наступила неловкая тишина — вероятно, оттого, что все вдруг ощутили, как в разговор их незаметно вкрались серьезные темы. И тогда они атаковали Пуаро.

— Расскажите нам о миссис Магинти. Почему вы считаете, что этот меланхолик ее не убивал?

— Он вечно что-то бормотал, — сказал Робин. — Бродил в одиночестве — я часто его видел. Честное слово, он был какой-то странный, чтобы не сказать большего.

— У вас должны быть какие-то основания считать его невиновным, мсье Пуаро. Расскажите о них.

Пуаро теребил усы и улыбался.

— Если это не он убил миссис Магинти, то кто?

— Да, кто?

— Не смущайте его, — сухо сказала миссис Апуард. — Он, наверное, подозревает кого-то из нас.

— Из нас? О-о!

В общем шуме Пуаро встретился взглядом с глазами миссис Апуард. В них веселье смешалось с... чем? С вызовом?

— Он подозревает кого-то из нас, — оживленно повторил Робин и тоном королевского прокурора, наводящим страх на свидетелей, обратился к миссис Саммерхейз: — А ну-ка, Морин, где вы были вечером... какого это случилось числа?

— Двадцать второго ноября, — подсказал Пуаро.

— ...вечером двадцать второго ноября?

— Господи помилуй, да разве ж я помню?

— Кто сейчас вспомнит, столько времени прошло, — заметила миссис Ренделл.

— Я помню, — сказал Робин. — Потому что в тот вечер я уехал в Коулпорт и рассказывал по радио о некоторых аспектах театральной жизни. Запомнил потому, что много говорил о поденнице из «Серебряной шкатулки» Голсуорси, а на следующий день узнал о смерти миссис Магинти и подумал: не на нее ли была похожа уборщица из пьесы?

— Все верно! — воскликнула вдруг Шила Ренделл. — Я вспомнила: вы еще сказали, что мама одна останется, потому что у Джанет выходной, и я пришла после обеда составить ей компанию, но, к сожалению, не смогла докричаться.

— Одну минутку, я тоже припоминаю, — сказала миссис Апуард. — Ну да, конечно. У меня разболелась голова, и я рано легла, а окна моей спальни выходят в сад.

— А на следующий день, — продолжила Шила, — узнав о смер-

ти миссис Магинти, я еще подумала, что, возможно, встретила убийцу где-нибудь по дороге, потому что первая мысль была, что убийца — бродяга.

— А я так и не вспомнила, чем занималась, — сказала Морин. — Зато хорошо помню следующее утро. О происшествии нам рассказал булочник. «Миссис Магинти кокнули», — сказал он. Вот тебе и на, а я все думала, почему она не пришла, как обычно. — Морин вздрогнула. — Ужасно, правда?

Миссис Апуард все еще наблюдала за Пуаро.

«Она очень умна и жестока, — думал он. — Еще эгоистична. В своих поступках всегда была решительна и никогда не раскаивалась...»

— Вы нашли какие-нибудь ключи, мсье Пуаро? — услышал он тонкий, настойчивый и жалобный голосок. Это спросила Шила Ренделл.

Темное лицо Джонни Саммерхейза просветлело от восторга.

— Да, да, ключи. Это мне и нравится в детективных романах. Ключи, которые так много говорят сыщику и ничего читателю, пока не доберешься до конца. Вы могли бы дать нам такой ключ, мсье Пуаро.

Его окружили веселые лица — для них это была забава (возможно, для всех, кроме одного). Но убийство не потеха, с убийством шутки плохи.

Решительным движением Пуаро вынул из кармана четыре фотографии и театральным жестом бросил их на стол.

— Вы хотели ключи? Пожалуйста!

Гости окружили стол и склонились над ним.

— Взгляните!

— Какие они ужасно старомодные!

— А посмотрите на розы. «Розы, розы все кругом!»

— О Боже, что за шляпка!

— Какой некрасивый ребенок!

— А кто это?

— Что за нелепые одежды!

— Эта женщина, должно быть, когда-то была хорошенькой.

— Но где ключи?

— Кто это?

Пуаро медленно обвел их лица взглядом, но не увидел ничего сверх того, что ожидал увидеть.

— Вы никого из них не узнаете?

— Узнаем?

— Скажем так: вы не видели этих фотографий раньше? Вы, миссис Апуард? Мне показалось, вы узнали одну из них?

Миссис Апуард заколебалась.

— Да... кажется...

— Какую?

Ее указательный палец лег на конопатое лицо Лили Гамболл.

— Когда вы ее видели?

— Совсем недавно... Но где? Нет, не помню. Однако уверена, что видела такую же.

Она задумалась, хмуря брови, и очнулась лишь тогда, когда к ней подошла миссис Ренделл.

— До свидания, миссис Апуард. Надеюсь в ближайшие дни видеть вас у себя к чаю.

— Спасибо, милая. При условии, что Робин поможет мне въехать на вершину холма.

— Конечно, мадре. Я накачал железные мускулы. Помнишь, как мы отправились в Уэдерби, а грязь была по колено...

— Ах! — неожиданно воскликнула миссис Апуард.

— Что случилось, мадре?

— Ничего. Продолжай.

— Так вот, я толкал коляску в гору. Сначала соскальзывала она, а потом скóльзил я и думал, что домой никогда не попаду.

С шутками и смехом гости вышли на улицу, а Пуаро подумал, что алкоголь развязывает языки.

Правильно ли он поступил, показав фотографии? Не сделал ли он это, будучи «под мухой»?

Кто его знает...

Толкнув калитку, он пошел назад, к дому. Из открытого окна до него донеслись негромкие голоса. Говорили Робин и миссис Оливер. В основном Робин.

Пуаро вошел в прихожую и повернул направо, распахнув дверь в гостиную, которую недавно оставил. Миссис Апуард с хмурым видом сидела у камина. Она настолько глубоко ушла в свои мысли, что не заметила его, а когда он вежливо кашлянул, вздрогнула.

— Ах, это вы, мсье. Вы меня напугали.

— Извините, мадам. Вы подумали, это кто-то другой? Кто же?

— Вы что-то забыли? — вместо ответа спросила она.

— Не забыл. Оставил.

— Что?

— Опасность.

— Опасность?

— Да, для вас. Потому что вы только что опознали одну из фотографий.

— Я бы не сказала, что опознала ее. Все старые фотографии похожи одна на другую.

— Послушайте меня, миссис Апуард. Миссис Магинти, как мне кажется, тоже узнала эту фотографию, и она умерла.

Неожиданно ее глаза блеснули, и она процитировала:

— «Что с миссис Магинти? Она умерла. Как? Сунув голову в петлю, так же, как я». Вы это имеете в виду?

— Да. Если вам что-нибудь известно, хоть что-нибудь, расскажите мне об этом сейчас, немедленно. Так будет безопаснее для вас.

— Извините меня, дорогой мой человек, но все далеко не так просто. Я вовсе не уверена, что знаю что-либо, во всяком случае, фактом это назвать нельзя. Смутные воспоминания могут сыграть любую шутку. Надо все же точно знать, при каких обстоятельствах, когда и где ты видел или слышал это. Надеюсь, вы меня понимаете.

— Но мне кажется, что вы уже вспомнили.

— Этого недостаточно. Есть немало других факторов, которые необходимо учитывать. Не стоит меня подгонять, мсье Пуаро,

я не из тех, кто принимает скороспелые решения. У меня своя голова на плечах, я должна собраться с мыслями. И лишь затем начну действовать, не раньше.

— Вы довольно-таки скрытная женщина, миссис Апуард.

— Возможно — до определенных пределов. Знание — сила. А силу следует применять только по назначению. Извините, но вам, по-моему, не по душе манеры сельских жителей Англии.

— Другими словами, вы хотите подчеркнуть, что я здесь всего-навсего жалкий чужеземец.

Она улыбнулась.

— Такой грубости я бы себе не позволила.

— Если не хотите сказать мне, скажите суперинтенданту Спенсу.

— Только не полиции, мсье Пуаро. По крайней мере не сейчас.

Он пожал плечами.

— Я вас предупредил.

Он был уверен, что миссис Апуард уже вспомнила, когда именно и где она видела фотографию Лили Гамболл.

Глава 14

— Бесспорно, весна, — пробормотал Пуаро на следующее утро, неторопливо вышагивая по садовой дорожке.

Вчерашние опасения казались ему теперь лишними всяких оснований. В конце концов миссис Апуард — женщина здраво-мыслящая, она сумеет о себе позаботиться.

И все же Пуаро она в определенном смысле заинтересовала. Он не понимал ее реакций, а она того и желала. Узнав фотографию Лили Гамболл, миссис Апуард решила сыграть свою партию в одиночку.

— Мсье Пуаро, — услышал он за спиной и невольно вздрогнул.

Миссис Ренделл подошла к нему совершенно бесшумно, застав врасплох. А Пуаро с предыдущего вечера пребывал в нервном состоянии.

— Pardon, мадам. Вы заставили меня вздрогнуть.

Миссис Ренделл машинально улыбнулась. Пуаро внимательно посмотрел на нее. Если уж у него нервы пошаливали, подумал он, то у миссис Ренделл и подавно. Одно веко у нее подергивалось, пальцы рук инстинктивно сплетались и расплетались, не зная покоя.

— Надеюсь, я вам не помешала. Или вы заняты?

— Нет, нет, я вовсе не занят. День сегодня хороший. Люблю весну, люблю свежий воздух. А в доме у миссис Саммерхейз постоянно дует.

— Дует...

— Сквозняки.

— Ах, да. Наверное.

— Окна у нее не закрываются, а двери все время распахиваются сами собой.

— Дом ветхий, это верно, а денег на ремонт у них не хватает. Я бы на их месте его продала. Знаю, что это родовое имение, ему

сотни лет, но в наши дни нельзя быть чересчур сентиментальным.

— Это правильно, мы все давно уже не сентиментальны.

Они помолчали. Краем глаза Пуаро наблюдал за ее беспокойными белыми руками и ждал, когда она решится наконец на разговор, ради которого пришла. Но, когда она заговорила, получилось это все равно неожиданно.

— Скажите, когда вы приезжаете расследовать дело, вам для этого всегда нужен предлог, так?

Пуаро обдумал ее вопрос. Он не смотрел на миссис Ренделл, но твердо знал, что она напряженно следит за ним.

— Иметь предлог, конечно, удобно, — ответил он уклончиво.

— Вам же надо как-то объяснить свой приезд и... вопросы.

— Это рациональный вариант.

— Зачем... Зачем вы приехали в Бродхинни, мсье Пуаро?

Он удивленно обернулся к ней.

— Но, леди, я же говорил: расследовать убийство миссис Магинти.

— Вы всем так говорите. Но это ведь смешно.

Пуаро поднял брови.

— Вы так считаете?

— Разумеется. Никто в это не верит.

— И тем не менее, уверяю вас, это суцая правда.

Мигнув голубыми глазами, она отвернулась.

— Вы не хотите мне сказать.

— Что вам сказать, мадам?

Она заговорила о другом.

— Я хотела спросить вас об... анонимных письмах.

— Слушаю вас.

— Ведь в них всегда ложь, верно?

— Скажем так: они нередко лживы, — осторожно ответил Пуаро.

— Обычно и насквозь, — настаивала она.

— Я бы этого утверждать не стал.

— Они трусливы, коварны, гадки!

— С этим я полностью согласен.

— И верить им нельзя, правда?

— Это очень сложный вопрос, — глубокомысленно произнес Пуаро.

— Я бы не поверила. Ни за что не поверила этой гадости, — горячо проговорила она и добавила: — Я знаю, зачем вы здесь. Но это неправда, говорю вам — неправда.

Резко развернувшись, она ушла прочь.

Пуаро удивленно поднял брови.

— А дальше что? — обратился он сам к себе. — Прощай, прогулка? Или эта птица другого цвета? Как все запутано!

Итак, миссис Ренделл выразила уверенность, что убийство миссис Магинти — лишь прикрытие, приехал же он в Бродхинни с совершенно иной целью.

Неужели она действительно в это верила?

Была ли миссис Ренделл той самой девочкой, портрет которой, как заявила миссис Апуард, она «недавно видела»?

Другими словами, была ли миссис Ренделл Лили Гамболл? В последний раз Лили Гамболл, реабилитированного члена общества, видели в Ирландии. Не там ли встретил доктор Ренделл свою будущую жену, оставаясь в неведении о ее прошлом? Лили Гамболл обучили стенографии. Их жизненные пути вполне могли сойтись.

Пуаро покачал головой и вздохнул.

Все возможно. Но этого мало. Ему нужна уверенность.

По саду пробежал холодный ветерок, солнце спряталось.

Пуаро зябко повел плечами и пошел назад, к дому.

Да, ему нужна уверенность. Если бы только ему удалось найти орудие убийства...

И в этот момент он увидел его.

Позднее Пуаро часто думал, не заметил ли он его подсознательно гораздо раньше. Оно лежало там, наверное, уже тогда, когда он впервые шагнул через порог этого дома.

Там, на книжной полке у окна, среди множества прочих вещей.

«Почему я раньше не замечал его?» — подумал Пуаро.

Он снял его, взвесил на руке, повертел, взял за ручку, поднял для удара...

В комнату ворвалась — именно ворвалась, как обычно, — Морин в сопровождении двух псов.

— Забавляйтесь колунок? — беззаботно спросила она.

— Вот как? Это называется колунок?

— Да. Или сахарный молоток, не знаю, как правильно. Интересная штучка, правда? Похож на детскую игрушку с птичкой.

Пуаро еще раз внимательно его осмотрел. Сделан из меди, со множеством украшений, по форме напоминает тесак, увесистый, острый. Усыпан самоцветами, голубыми и красными. А сверху украшен легкомысленной птичкой с бирюзовыми глазками.

— Незаменимая вещь, если кого на тот свет отправить потребуется, как считаете? — все так же беспечно прощбетала миссис Саммерхейз.

Она взяла колунок у него из рук и занесла для удара.

— Ужасно просто. Как это в «Королевской идилии»? «Ступай! — сказал и голову рассек». Такой штукой, по-моему, любой череп можно раскроить.

Пуаро посмотрел ей в лицо. Оно было безмятежно и весело.

— Я уже предупредила Джонни, что его ждет, если он мне надоест. Этот колунок я называю «лучшим другом жены».

Она рассмеялась, положила колунок и обернулась к двери.

— Зачем я сюда пришла? Не помню... Черт побери! Надо посмотреть, достаточно ли воды в кастрюле с пудингом.

Она кинулась к выходу, но вопрос Пуаро остановил ее.

— Вы эту вещицу привезли, наверное, из Индии?

— О нет. Я купила ее на рождественском базаре «ПИП».

— «ПИП»?

— «Приноси и покупай», — бойко разъяснила Морин. — У ви-каррия. Туда приносишь, что тебе не нужно, и что-нибудь покупаешь. Не слишком страшное, если получится. Разумеется, так

никогда не бывает. Я купила этот колунок и кофейник. Мне его носик понравился, а на молоточке — птичка.

Кофейник был небольшой, из листовой меди, с длинным изогнутым носиком — он что-то напомнил Пуаро.

— Их, наверное, привезли из Багдада, — высказала предположение Морин. — Во всяком случае, так, кажется, сказали Уэдерби. А может, из Персии?

— Значит, они попали на базар из дома Уэдерби?

— Да. У них прорва такого барахла. Но мне надо идти, а то пудинг подгорит.

Она выскочила наружу, дверь хлопнула. Пуаро взял колунок и подошел с ним к окну.

Лезвие в одном месте едва заметно потемнело.

Пуаро задумчиво кивнул.

После недолгих размышлений он отнес колунок в свою комнату, уложил в коробку, аккуратно ее завернул, перевязал, спустился вниз и вышел из дому.

Он надеялся, что пропажи никто не заметит. Порядка в доме все равно не было.

Прекрасное утро не оправдало радужных надежд, набежавшие днем тучи ступились и грозили дождем.

Шагая по аллее меж густых кустарников к «Охотничьему двору», Пуаро решил, что ни за что на свете не согласился бы жить в доме у подножия холма.

Плотно обступившие особняк деревья скрывали его от глаз постороннего, стены душил плющ. Пуаро подумал, что здесь явно не хватает топора дровосека.

(Топора. Сахарного колунка?)

Он позвонил и, не получив ответа, нажал на кнопку во второй раз.

Дверь открыла Дейдрэ.

— Вы? — удивилась она.

— Можно мне войти и побеседовать с вами?

— Я... Да, входите.

Она проводила гостя в небольшую темную гостиную, в которой он уже побывал в прошлый раз. На камине Пуаро увидел старшего брата маленького кофейника, стоявшего на полке у Морин. Его чудовищно длинный носик, казалось, с восточным варварством довлел над небольшой комнаткой жителей Запада.

— Извините, но мы сегодня расстроены, — сказала Дейдрэ. — Наша домработница — немка — уходит от нас, прожив всего-то месяц. Похоже, она вообще согласилась на место лишь с тем, чтобы приехать в Англию, потому что у нее здесь жених. Они все оформили, и она сегодня уезжает.

Пуаро прищелкнул языком.

— Очень неразумно.

— Вы тоже так думаете? Отчим говорит, что брак будет противозаконным. Но мне-то от этого не легче, если она — пусть даже противозаконно — все-таки оставит нас и выйдет замуж. Мы бы и не знали, что она собирается, если б я случайно не увидела, как она складывает вещи. Так бы и ушла молча.

- Молодость безрассудна.
- Вы правы, — уныло согласилась Дейдрэ и потерла тыльной стороной ладони лоб. — Я устала, очень устала.
- Вижу, — мягко сказал Пуаро.
- Зачем я вам понадобилась, мсье Пуаро?
- Я хотел спросить вас о сахарном молоточке.
- О сахарном молоточке?

Явно ничего не понимая, она растерянно смотрела на него.

- Медный, вернее, латунный, молоточек с птичкой, инкрустированный голубыми, красными и зелеными самоцветами.
- Ах, этот. Поняла, — произнесла она совершенно спокойно, не проявив ни малейшего интереса к теме.
- Насколько я понимаю, он раньше принадлежал вам?
- Да. Мама купила его на базаре в Багдаде. Мы его с другими вещами отнесли на распродажу к викарию.
- Таким образом, до Рождества он хранился здесь, а потом вы отдали его на «ПИП»?

Дейдрэ нахмурилась.

- Нет, не до Рождества. Мы отдали его на праздник Урожая.
- Праздник Урожая — когда он был? В октябре? В сентябре?
- В конце сентября.

В комнате воцарилась тишина. Пуаро и девушка смотрели друг на друга и молчали. Лицо ее в тот момент было добрым, но безучастным. Он пытался разгадать, что скрывалось под этой маской безразличия. Возможно, ничего. Может быть, она, как и сказала, просто устала...

И тогда он повторил свой вопрос — тихо, настойчиво.

- Вы уверены, что это был день Урожая, а не Рождество?
- Совершенно уверена.

Она твердо, не мигая, смотрела ему в глаза.

Пуаро ждал, ждал, ждал... Но не дождался.

— Не смею вас долее задерживать, мадемуазель, — сказал он официальным тоном.

Она проводила гостя до дверей.

И вот он снова идет по аллее.

Два противоречащих друг другу заявления. Объединить их невозможно.

Кто из них говорил правду? Морин Саммерхейз или Дейдрэ Хендерсон?

Ответ на этот вопрос, если сахарный молоток был использован, как он полагал, в качестве орудия убийства, имел решающее значение. День Урожая отмечался в конце сентября. В промежутке между этим праздником и Рождеством, а именно 22 ноября, была убита миссис Магинти. Кому в этот момент принадлежал молоток?

Он отправился на почту. Уж кто-кто, а миссис Суитиман наверняка могла ему помочь.

Она побывала на обоих базарах. Она вообще ходила на все распродажи. Там всегда можно приобрести разные забавные вещицы. Да, она помогала в их устройстве, раскладывала, что приносили. Хотя, конечно, многие приносили вещи с собой, а не присылали загодя.

Медный молоточек с птицей, украшенный разноцветными камушками? Нет, такого она не помнит. Столько там всего было и такая неразбериха, что за всем не уследить; многие вещи сразу разобрали. Хотя что-то такое она припоминает, за пять шиллингов продавалось вместе с медным кофейником, но у кофейника дно прохудилось, пользоваться им было нельзя — так, только для украшения. Но когда именно они продавались — не помнит, возможно, на Рождество, возможно — раньше.

Она приняла у Пуаро бандероль, переписала адрес, и Пуаро заметил, каким интересом блеснули ее пронизательные глаза, когда она вручала ему квитанцию.

Поднимаясь на вершину холма, Пуаро продолжал размышлять над возникшей дилеммой.

Скорее всего ошибиться могла Морин Саммерхейз — ей, легкомысленной, все равно, что Рождество, что праздник Урожая. Неторопливая, не слишком сообразительная, нескладная Дейрдре в определении дат должна быть точнее.

Вот проблема.

Отчего после его расспросов она сама не спросила, почему он этим интересуется? Самый что ни на есть естественный вопрос в такой ситуации, фактически неизбежный.

Но Дейрдре Хендерсон его не задала.

Глава 15

— Вам кто-то звонил, — крикнула Морин из кухни, как только Пуаро перешагнул порог.

— Звонил? Кто? — удивленно переспросил он.

— Не знаю. Но я записала номер на продуктовых талонах.

— Благодарю, мадам.

Он заглянул в столовую и среди других бумаг нашел у телефонного аппарата рационную книжку, «Килчестер 350» было написано на ее обложке.

Подняв трубку, он набрал номер и тут же услышал женский голос:

— Бредер и Скаттл.

Пуаро все понял.

— Пригласите, пожалуйста, к телефону мисс Мод Вильямс.

Несколько мгновений спустя ему ответил другой голос:

— Мод Вильямс слушает.

— Это говорит Эркюль Пуаро. Вы звонили мне?

— Да... Да, звонила. Я хотела переговорить с вами по поводу того дома, которым вы на днях интересовались.

— Дома? — озадаченно переспросил Пуаро, но сразу понял, что Мод в конторе не одна и не может говорить прямо; возможно, она звонила, когда все были на перерыве.

— Кажется, я вас понял. Вы имеете в виду дело Джеймса Бентли и убийство миссис Магинти.

— Именно. Мы можем чем-то вам помочь?

— Вы не одни, и нас слышат?

— Да.

— Понятно. Слушайте меня внимательно. Вы действительно хотите помочь Джеймсу Бентли?

- Да.
- Вы готовы ради этого оставить вашу работу?
- Да, — не колеблясь, ответила она.
- Вы готовы стать домработницей? Возможно, у людей не слишком приятных?
- Да.
- Вы можете приехать немедленно, не откладывая? Скажем, завтра?
- Да, думаю, что это можно устроить.
- Вы хорошо понимаете, что я вам предлагаю? Вы умеете готовить?
- Очень хорошо, — весело ответила она.
- *Bon Dieu* *, какая редкость! Теперь внимайте! Я немедленно выезжаю в Килчестер, ждать вас буду в том же кафе, в котором мы встретились в первый раз.
- Да, конечно.

Пуаро повесил трубку и восхищенно подумал: «Какая замечательная женщина! Находчивая, смысленная, решительная; возможно даже, действительно умеет готовить...»

Не без труда обнаружив местный телефонный справочник под трактатом о свиноводстве, он отыскал в нем номер телефона Уэдерби.

Ответил ему голос хозяйки дома.

- Алло! Это говорит Пуаро, вы помните меня, мадам?
- Извините, не...
- Мсье Эркюль Пуаро.
- Ах, да, разумеется... Простите. Мы все так расстроены...
- Именно поэтому я вам и звоню. Поверьте, меня самого огорчило известие о ваших бедах.

— Какие же они неблагоприятные, эти иностранки. Чего ей только не хватало?

— Да, да. Я от души вам сочувствую. Это чудовищно, и я спешу сообщить, что, возможно, смогу вам помочь. Совершенно случайно я узнал о девушке, которая ищет место домработницы. Боюсь, однако, что большого опыта у нее нет.

— Ах, где их в наши-то дни найдешь, опытных. Готовить она умеет? Обычно они совсем не умеют готовить.

— Да, да, это она умеет. Прислать ее? По крайней мере вы можете установить ей испытательный срок. Ее зовут Мод Вильямс.

— Пришлите, пришлите, мсье Пуаро, будьте так добры. Вы очень любезны. Уж лучше кто-то, чем никого. Мой муж необычайно аккуратен и пунктуален, его раздражает, если дома что-то не ладится. Мужчине трудно понять, как нелегко стало в наши дни поддерживать порядок...

Миссис Уэдерби прервалась; она говорила с кем-то, зашедшим к ней в комнату, прикрыв микрофон ладонью, однако Пуаро все же слышал ее приглушенные слова:

— Это звонит тот сыщик-коротышка, он говорит, что знает кого-то, кто может заменить Фриду. Нет, не иностранка, англи-

* Боже милостивый (франц.).

чанка, слава Богу. Очень любезно с его стороны, он, кажется, переживает за меня. Ах, не надо, дорогая, не возражай, пожалуйста. Ну и что же? Ты ведь знаешь Роджера. Я все же думаю, что он очень добр, и надеюсь, она не будет несносной.

Закончив переговоры, миссис Уэдерби вновь любезнейшим голосом обратилась к Пуаро:

— Огромное вам спасибо, мсье Пуаро. Вы не представляете, как мы вам благодарны.

Пуаро опустил трубку, взглянул на часы и отправился на кухню.

— Мадам, на ленч меня не будет. Я должен уехать в Килчестер.

— Слава Богу! — обрадовалась Морин. — Я так-таки опоздала к пудингу, и он пересох. Вообще-то, по-моему, он ничего, только подгорел немного. А если вкус будет все же неприятным, я думаю открыть баночку малинового варенья. Оно немного заплесневело сверху, но теперь говорят, что это не страшно. Даже полезно — чистый пенициллин.

Пуаро вышел из дома, довольный тем, что подгорелый пудинг и пенициллин ему на ленч сегодня не достанутся. Уж лучше — куда лучше! — отведать макарон, сладкий крем и сливы на десерт в «Голубой кошке», чем испытывать судьбу импровизациями миссис Саммерхейз.

В «Ракитнике» возникли некоторые трения.

— Ну, конечно, Робин, ты ничего не помнишь, когда работаешь над пьесой.

— Извини, madre, мне ужасно стыдно, — каялся Робин, — но я действительно забыл, что у Джанет сегодня выходной.

— Ладно, не важно, — холодно произнесла миссис Апуард.

— Еще как важно. Я позвоню в театр, скажу, что мы приедем завтра.

— Ничего подобного ты не сделаешь, Робин. Обещал приехать сегодня — и приедешь.

— Но...

— Это решено.

— Попросить Джанет взять выходной в другой вечер?

— Ни в коем случае. Она очень не любит менять свои планы.

— Уверен, она не станет возражать. Во всяком случае, если я сумею ее убедить...

— Ты этого не сделаешь. Будь добр, не расстраивай ее. И довольно об этом. Не желаю чувствовать себя навязчивой старухой, мешающей людям радоваться жизни.

— Madre, милая.

— Достаточно. Езжайте развлекайтесь. Я знаю, кого пригласить составить мне компанию.

— Кого?

— Это мой секрет, — ответила миссис Апуард, демонстрируя, что доброе расположение духа вернулось к ней вновь. — Хватит ныть, Робин.

— Я позвоню Шиле Ренделл...

— Я сама позвоню кому надо, спасибо. Все решено. Приготовь мне кофе и поставь кофеварку здесь, чтобы я могла его сварить. Да, и принеси две чашки на тот случай, если у меня будет гость.

Пуаро закончил инструктаж.

— Вы поняли, что нужно искать?

Мод кивнула.

— В конторе дела уладили?

Она рассмеялась.

— У меня опасно заболела тетушка! Я сама себе послала телеграмму.

— Хорошо. Однако должен сказать вам кое-что. Один из жителей деревни — убийца, но кто — пока неизвестно. А это небезопасно.

— Вы меня предупреждаете?

— Да.

— Я в состоянии о себе позаботиться.

— А это, — сказал Пуаро, — можно записать под заголовком «Знаменитые последние слова».

Пуаро поймал себя на том, что внимательно ее рассматривает. Сильная, уверенная в себе молодая женщина, энергичная, бодрая, готовая выполнить задание. Почему? Он снова подумал о Джеймсе Бентли, припоминая его тихий, подавленный голос, безжизненную апатию. Да, природа загадочна и любопытна.

— Вы же сами предложили мне заняться этим. Почему вдруг пошли на попятную?

— Да потому, что дающий задание обязан предупредить, с каким риском оно связано.

— Не думаю, что мне что-то грозит, — уверенно заявила Мод.

— В данный момент я тоже. Вас не знают в Бродхинни?

Мод задумалась.

— Не-ет. Нет, не думаю.

— Вы там бывали?

— Дважды. По делам фирмы, разумеется. Последний раз — месяцев пять назад.

— С кем встречались, куда ходили?

— С миссис Карстарс — или Карлайл? — не помню точно.

Она хотела купить участок неподалеку отсюда, и я приезжала с документами, топографической картой, вопросами и так далее. Она жила в том самом пансионе, где остановились вы.

— В «Лугах»?

— Точно. Неприглядный дом со множеством собак.

Пуаро кивнул.

— Майора Саммерхейза и его супругу вы видели?

— Наверное, это была миссис Саммерхейз, она проводила меня наверх: старуха лежала в постели.

— Как считаете, миссис Саммерхейз узнает вас?

— Не думаю. А если и узнает — что это меняет? В конце концов всякий волен менять работу, когда ему заблагорассудится. Но она, по-моему, и не взглянула на меня, что в общем-то не редкость для таких, как она, — завершила Мод с едва заметно прозвучавшей в голосе горечью.

— Еще кого-нибудь вы видели в Бродхинни?

— Видела, — после секундного колебания ответила Мод. — Мистера Бентли.

— Вот как? Бентли. Вы его встретили случайно?

Девушка заерзала на стуле.

— Нет. Я послала ему почтовую открытку, где написала, когда приеду, и попросила встретить меня. Там, конечно, пойти куда, дыра глухая — ни кафе, ни кино, ничего. В общем, мы просто поговорили немного на остановке, пока я ждала автобус.

— Это было еще до смерти миссис Магинти?

— Да, но незадолго. Буквально через пару дней я прочитала о ее гибели в газетах.

— Бентли в тот раз говорил что-нибудь о своей хозяйке?

— Нет, по-моему.

— А вы больше ни с кем не разговаривали в Бродхинни?

— Ну... с Апуардом, Робинотом Апуардом. Я слышала его выступление по радио. Увидела, как он вышел из дому, узнала по фотографиям в газетах и попросила автограф.

— Он дал вам его?

— Да, причем так вежливо; блокнота у меня с собой не было, но был чистый лист бумаги, на нем он и расписался.

— Кого еще в Бродхинни вы знаете?

— Карпентеров, разумеется. Они часто бывают в Килчестере. У них шикарное авто, а миссис Карпентер красиво одевается. С месяц назад она открыла базар. Говорят, он будет нашим новым членом парламента.

Пуаро кивнул, достал из кармана конверт, который в последнее время постоянно носил с собой, и разложил на столе фотографии.

— Вы узнаете кого-ни... Что с вами?

— Мистер Скэтл. Вышел. Надеюсь, он вас со мной не заметил. А то бы удивился. О вас говорят, знаете ли. Будто прислали вас из Парижа, из Сюретэ* или как там это у них называется.

— Я бельгиец, не француз, но не важно.

— Так что это за фотографии? — Она наклонилась над ними и внимательно рассмотрела. — Довольно-таки старомодные, да?

— Самой старой из них тридцать лет.

— Какие несуразные одежды, просто архаичные! Какими глупыми в них выглядят женщины!

— Вы ни одной из них раньше не видели?

— Что вы имеете в виду: не узнаю ли я кого-нибудь из этих женщин или фотографий?

— И то, и другое.

— Мне кажется, я видела вот эту. — Ее палец лег на снимок Джанис Кортланд в шляпе-колпаке. — В какой-то газете, не помню, в какой. И девочка эта кажется знакомой. Но сказать, когда и где я их видела, не могу: давно, наверное.

— Все эти фотографии были опубликованы в «Санди комет» в воскресенье накануне смерти миссис Магинти.

Мод внимательно посмотрела на него.

— Они имеют какое-то отношение к ее гибели? Поэтому вы и посылаете меня...

* Сюретэ — французская политическая полиция.

— Да, — ответил Пуаро. — Поэтому.

Он вынул из кармана еще что-то, развернул и положил на стол. Это была вырезка из газеты.

— Ознакомьтесь, пожалуйста.

Она внимательно прочла заметку, склонив голову, окруженную, словно венцом, золотистыми волосами.

Дочитав до конца, она подняла голову.

— Так вот они кто! И этот очерк навел вас на мысли.

— Точнее сказать вы не могли.

— Но все равно не понимаю...

Она замолчала, задумалась. Молчал и Пуаро. Как ни доволен он бывал своими мыслями, но всегда готов был послушать и чужие.

— Вы полагаете, что кто-то из них сейчас в Бродхинни?

— Ничего невозможного в этом нет, не так ли?

— Конечно. Кто угодно может появиться где угодно... — Она положила палец на портрет Ивы Кейн. — Ей было бы уж много лет сейчас, как миссис Апуард.

— Приблизительно.

— Знаете, о чем я подумала? Судя по тому, что это была за женщина, врагов она должна была нажить немало.

— Что ж, и это точка зрения, — медленно проговорил Пуаро и спросил: — А вы знаете о деле Крейга?

— Кто не знает? Его фигура даже в музее мадам Тюссо выставлена! Я-то совсем ребенком тогда была, но газеты время от времени упоминают его, сравнивают его преступление с нынешним. Но о нем, мне кажется, никогда не забудут...

Пуаро поднял глаза.

Интересно, что стояло за неожиданно прозвучавшей в ее голосе горечью?

Глава 17

Вконец растерянная и смущенная, миссис Оливер в отчаянии попыталась спрятаться в углу малюсенькой театральной уборной, что с ее фигурой оказалось невозможным — она не только не скрылась в нем, а наоборот, торчала из него наподобие горельефа. Ее окружали молодые люди, стиравшие полотенцами грим и по очереди угощавшие ее теплым пивом.

Миссис Апуард, к вечеру окончательно восстановившая душевное равновесие, поторапливала их с отъездом в Калленки и все желала приятного времяпрепровождения, а Робин продолжал переживать и старался устроить ее как можно удобнее, и даже из машины выскакивал, дабы убедиться, что ничего не забыл, все сделал на совесть.

Во второй раз он возвратился из дома, ухмыляясь во весь рот.

— Мадре только что звонила по телефону, но кому — не говорит. Держу пари, я все равно знаю.

— Я тоже.

— Кому?

— Эркюлю Пуаро.

— И я так думаю. Не терпится поделиться своей тайной. Но Бог с ней, давайте о том, что нас сегодня ждет...

Когда они с Робинсом возвращались домой, у миссис Оливер уже не оставалось никаких сил. Она откинулась на спинку сиденья и закрыла глаза. Робин, напротив, продолжал говорить, не прерываясь ни на секунду.

— ... а эта великолепная идея, как считаете? — закончил он.

— Что?

Миссис Оливер вздрогнула и открыла глаза.

В полузабытьи она с тоской думала о доме. Ей виделась стены ее квартиры, все в экзотических птицах и листьях тропических деревьев, сосновый стол, пищащая машинка, черный кофе и яблоки, яблоки повсюду... Какое блаженство, какое упоительное счастье она находила в уединении. И какая ошибка для литератора — покинуть свою цитадель. Писатели — люди застенчивые, а в большинстве своем замкнутые, компенсирующие недостаток социального общения созданием вымышленного мира собеседников и сочинением диалогов.

— Боюсь, что наша вылазка утомила вас, — заметил Робин.

— Не в том дело. Я просто некоммуникабельна.

— Неужели вас не радует общение с людьми?

— Нет, — твердо сказала миссис Оливер.

— Но так нельзя. Откуда берутся герои ваших книг?

— Это совсем другое дело. По-моему, деревья лучше людей, среди них спокойнее.

— А я одиночества не выношу. Люди оказывают на меня стимулирующее воздействие.

Машина подкатила к воротам «Ракитника».

— Вы идите в дом, — сказал он, — я загоню автомобиль.

Миссис Оливер, как всегда, с трудом выбралась из машины и пошла по дорожке к парадному.

— Дверь не заперта! — крикнул ей вслед Робин.

Действительно, она была открыта; миссис Оливер толкнула ее и вошла в прихожую. Там было совершенно темно, и это удивило ее: как могла хозяйка быть к ним такой невнимательной? А может, она выключила свет из экономии? Богачи счет деньгам знают.

Она ощутила аромат духов, экзотических и дорогих. В какое-то мгновение миссис Оливер даже усомнилась, в «Ракитник» ли она попала, но отыскала на стене выключатель и нажала кнопку.

Квадратная и низкая, обшитая дубовыми панелями прихожая ярко осветилась. Дверь в гостиную была приоткрыта, в образовавшейся щели ей была видна нога миссис Апуард. Значит, хозяйка еще не легла. Заснула, должно быть, в кресле, и давно, если свет не зажгла.

Миссис Оливер вошла в комнату и включила люстру.

— Мы вернулись... — начала было она и осеклась, рукой машинально схватилась за горло, где комом застрял не вырвавшийся наружу крик.

Прошло какое-то время, на улице послышались шаги Робина; он что-то насвистывал, и тогда она резко развернулась и бросилась назад, ему навстречу.

— Не входите туда, не входите. Ваша мать... она умерла... Кажется, ее убили...

— Аккуратная работа, — заметил суперинтендант Спенс.

Он смотрел на сидевшего напротив Пуаро, и багровое лицо его пылало гневом.

— Аккуратная и омерзительная. Она задушена шелковым шарфом, ее же собственным, тем самым, что сама днем повязала на шею. Кто-то потянул за концы — и готово. Чисто, быстро, эффективно. Так поступали индийские разбойники. Жертва не сопротивляется, не кричит: сонная артерия передавливается сразу.

— О чем это говорит? Преступник обладал специальными знаниями?

— Возможно, но необязательно. Мог где-нибудь прочитать, если планировал убийство. Это несложно, особенно если жертва ничего не подозревает, а миссис Апуард была застигнута врасплох.

Пуаро кивнул.

— Она знала его. Или ее.

— Знала. Они пили кофе: на столе две чашки. Отпечатки пальцев тщательно стертые, но на чашке гостьи остались следы губной помады — ее удалить сложнее.

— Значит, все-таки женщина?

— Вы этого и ожидали, верно?

— Да. Да, пожалуй.

— Миссис Апуард опознала один из снимков — портрет Лили Гамболл. Так что ее смерть и смерть миссис Магинти можно считать взаимосвязанными, — продолжал Спенс.

— Да. Ее смерть и смерть миссис Магинти взаимосвязаны, — повторил Пуаро; он припомнил веселое выражение лица миссис Апуард, когда она читала детские стишки: «Что с миссис Магинти? Она умерла. Как? Сунув голову в петлю, так же, как я».

— Вы полагаете, что миссис Апуард решила воспользоваться удобными, с ее точки зрения, обстоятельствами: Джанет — выходная, Робин с миссис Оливер отправились в театр, она позвонила кому-то и пригласила его или ее в гости. Вы так это себе представляете? Решила поиграть в детектива.

— Нечто в этом роде. Любопытство ее разобрало. Что-то она знала, но решила до поры до времени никому об этом не говорить, узнать побольше. Ей и в голову не приходило, какую опасную игру она затеяла. — Пуаро вздохнул. — Сколько еще на свете легкомысленных людей, для которых убийство — повод для развлечения. Я предупреждал ее, что это не шутки, но она меня не послушала.

— Не послушала, нам это известно. Когда Робин перед самым отъездом вернулся в дом, его мать как раз закончила с кем-то разговор по телефону, но с кем — не сказала. В тайны играла. Робин и миссис Оливер подумали, что звонила она вам.

— Хотел бы я, чтобы это было так, — сказал Пуаро. — А у вас никаких предположений нет, кому она звонила?

— Никаких. Связь в районе автоматическая.

— Служанка ничем вам не могла помочь?

— Нет. Она возвратилась в половине одиннадцатого, открыла заднюю дверь своим ключом, через кухню поднялась в спальню и сразу легла. В доме было темно, она решила, что хозяйка уже спит, а Робин с гостей еще не вернулись. К тому же Джанет глуха и капризна, ничего вокруг не замечает, старается работать как можно меньше, а ворчать как можно больше.

— Англия славится старыми и преданными слугами.

— К ней это не относится, она у Апуардов работает всего лишь пару лет.

В дверь просунул голову констебль:

— К вам молодая леди, сэр. Хочет что-то сообщить по поводу вчерашнего происшествия.

— По поводу вчерашнего происшествия? Впустите ее.

В кабинет вошла Дейдрэ Хендерсон. Она была бледна, держалась напряженно и, как всегда, неуверенно.

— Я подумала, что мне лучше приехать к вам, — сказала она и добавила, словно извиняясь: — Если, конечно, не помешаю.

— Ни в коем случае, мисс Хендерсон.

Спенс поднялся и придвинул ей стул; она, как скромная школьница, присела на его краешек.

— Вы хотели сообщить мне что-то о вчерашнем вечере? — спросил суперинтендант. — О миссис Апуард?

— Да. Это правда, что ее убили? Так сказали мне на почте миссис Суитиман и булочник. А мама говорит, что этого не может быть...

Она замолчала.

248 — Боюсь, что в данном случае ваша мама не совсем права. Это правда. Итак, вы хотели сделать какое-то... рассказать что-то?

Дейдрэ кивнула.

— Да. Понимаете, я была там.

В поведение Спенса вкрались едва заметные перемены. Он стал словно бы добрее, ласковее, но за этими внешними проявлениями ощущалась твердость официального лица.

— Так. Вы были там. В «Ракитнике». В котором часу?

— Точно не знаю. Между половиной девятого и девятью, наверное. Ближе к девяти, пожалуй. Во всяком случае, после обеда. Она мне позвонила.

— Миссис Апуард позвонила вам?

— Да. Она сказала, что остается одна, поскольку Робин и миссис Оливер уезжают в Калленки, и пригласила выпить с ней чашечку кофе.

— И вы пошли?

— Да.

— И пили кофе?

Дейдрэ покачала головой.

— Нет. Я пришла, постучала, но никто не ответил. Тогда я открыла дверь и вошла в прихожую. Там было темно, не было света и в гостиной. Я ничего не понимала, позвала миссис Апуард, но мне опять никто не ответил, и я подумала, что произошла какая-то ошибка.

— Какая ошибка, по-вашему, могла произойти?

— Я решила, что она в конце концов уехала с ними в театр.
— Не предупредив вас?
— Да, это показалось мне странным.
— Другие толкования вам в голову не приходили?
— Ну, еще я подумала, что Фрида все перепутала, она ведь иностранка. Тем более накануне отъезда она как на иголках была.

— Что вы сделали потом, мисс Хендерсон?

— Я просто ушла.

— Домой?

— Да... То есть я вначале погуляла немного. Вечер был замечательный.

Спенс некоторое время молча смотрел на нее. Он смотрел, как заметил Пуаро, на ее губы.

Наконец он поднялся.

— Что ж, благодарю вас, мисс Хендерсон. Вы правильно сделали, что пришли и все нам рассказали. Мы вам весьма признательны.

И он пожал ей руку.

— Я решила, что должна сделать это. Мама была против.

— Вот как?

— Но я подумала, что лучше рассказать.

— Вы рассудили верно.

Спенс проводил девушку до двери, вернулся, сел и забарабанил пальцами по столу, глядя на Пуаро.

— Помады на губах нет,— сказал он после паузы.— Может, только сегодня.

— Нет, не только. Она вообще не красит губы.

— Большая редкость по нынешним временам, как считаете?

— Что ж, она редкая девушка — не повзрослевшая.

— И запаха духов я не слышал. Миссис Оливер утверждает, что в доме вчера пахло духами, ей вторит Робин, причем уверяет, что такими духами его мать не пользовалась.

— Девушка, по-моему, духами совсем не пользуется,— заметил Пуаро.

— По-моему, тоже,— согласился Спенс.— Она больше похожа на капитана хоккейной команды из архаичной школы для девочек, но ей должно быть не менее тридцати.

— Совершенно верно.

— Инфантилизм?

Пуаро подумал и сказал, что все не так просто.

— Не сходится ничего,— нахмурился Спенс.— Ни помады, ни духов. И поскольку у нее мать жива-здоровая, а родительница Лили Гамболл убита в пьяной драке в Кардиффе, когда Лили было девять лет от роду, то не вижу, как эта девушка может быть Лили Гамболл. Но! Миссис Апуард пригласила ее на чашечку кофе вчера вечером, и от этого никуда не денешься.— Он потер нос.— Не простое это дело.

— Что сказал врач?

— Что к половине десятого она, вероятно, была уже мертва.

— Другими словами, к приходу Дейдрэ Хендерсон она уже могла быть убита?

— Видимо, так, если Дейрдре не кривит душой. Да, либо она говорит правду, либо уж больно хитра. Кстати, она сказала, что миссис Уэдерби не хотела ее к нам пускать. Что-нибудь это значит?

Пуаро задумался.

— Вряд ли. Другого от нее и нельзя было ожидать. Она из тех, кто старается избежать неприятностей.

Спенс вздохнул.

— Итак, у нас есть Дейрдре Хендерсон. Она была на месте преступления. Но кто-то мог там побывать и раньше. Женщина. Красящая губы и пользующаяся дорогими духами.

— Вы поинтересуйтесь... — начал было Пуаро, но Спенс перебил его.

— Интересуюсь! Тактично пока. До поры до времени мы не хотим никого тревожить. Чем занималась прошлым вечером Ив Карпентер? Что делала Шила Ренделл? Десять против одного, что обе сидели дома. А Карпентер, как известно, был на митинге.

— Ив, — задумчиво произнес Пуаро. — Мода на имена меняется, не так ли? Сегодня вряд ли где услышишь имя Ива, оно исчезло. Зато Ив — на каждом шагу.

— Она может себе позволить дорогие духи, — сказал Спенс и снова вздохнул. — Надо будет глубже заглянуть в ее прошлое. Очень удобно быть печальной вдовой военного летчика: никто не лезет в душу, не задает лишних вопросов. А с присланным мне сахарным молотком вы, кажется, угадали, — переменял он тему. — Врачи утверждают, что именно им и был нанесен удар миссис Магинти. И кровь на нем осталась. Убийца его вымыл, разумеется, но ему невдомек, что даже микроскопические следы дают реакцию на современные препараты. Определенно установлено, что на молотке была человеческая кровь. А это вновь указывает на Уэдерби и Хендерсон, верно?

— Дейрдре уверена, что молоток был продан в день Урожая.

— А миссис Саммерхейз утверждает, что купила его на Рождество.

— Миссис Саммерхейз никогда ни в чем не бывает уверена, — уныло возразил Пуаро. — Она обаятельная женщина, но ей не хватает собранности. Я, живущий в «Лугах», могу сказать вам, двери и окна там всегда открыты, и любой — любой! — может войти, взять что угодно, потом возвратиться и положить предмет на место, и ни майор Саммерхейз, ни его супруга ничего не заметят. Исчезни колунок — она решит, что его взял муж разделывать кролика или наколоть дров, а он подумает, что жена режет им мясо для собак. В этом доме вещи по назначению не используются, они хватают что под руку попадется и бросают потом где попало. И никто никогда ничего не помнит. Я бы так жить не смог, я бы постоянно нервничал, а они — им хоть бы что!

Спенс еще раз вздохнул.

— Что ж, одно радует в данной ситуации: Бентли не повесят, пока мы во всем не разберемся. Мы уже отправили в министерство внутренних дел соответствующее письмо. Мы получили то, чего нам так не хватало: время.

— Думаю, теперь, когда мы знаем больше, — сказал Пуаро, — мне надо повидаться с ним еще раз.

Джеймс Бентли почти не изменился. Похудел, пожалуй, руки больше двигались, но в остальном он оставался все тем же Джеймсом Бентли, каким бельгиец увидел его в первый раз.

Пуаро в своих высказываниях был осторожен. Найдены новые улики. Полиция пересматривает дело. Поэтому появилась надежда...

Надежда Бентли не обрадовала.

— Все бесполезно, — сказал он. — Что они могут найти нового?

— Ваши друзья стараются вам помочь.

— Мои друзья? — Он пожал плечами. — У меня нет друзей.

— Не следует так говорить. У вас есть по крайней мере два друга.

— Два друга? Хотел бы я знать, кто они такие.

В его голосе не прозвучало никакого интереса, лишь усталое недоверие.

— Во-первых, суперинтендант Спенс...

— Спенс? Спенс? Тот самый полицейский, что состряпал против меня дело? Можно смеяться?

— Не вижу ничего смешного. Вам просто повезло. Суперинтендант Спенс — пронизательный и честный полицейский. Он не любит сомнений, он делает все возможное, чтобы убедиться в виновности арестованного.

— В моей виновности он совершенно уверен.

— Как это ни странно — нет. Поэтому, как я сказал, он ваш друг.

— Ну и друг!

Пуаро ждал. Даже Джеймс Бентли, думал он, не может быть начисто лишен всех человеческих чувств. Даже Джеймс Бентли должен быть хоть чуть-чуть любопытным.

И не ошибся.

— Ну, а второй кто?

— Мод Вильямс.

Никакой видимой реакции.

— Мод Вильямс? Кто это?

— Она работала с вами у Бредера и Скаттла.

— Ах, эта Мод Вильямс.

— *Precisement* *, эта Мод Вильямс.

— А ей-то что за дело до меня?

В отдельные моменты Джеймс Бентли был способен раздражать Пуаро до такой степени, что хотелось поверить в его виновность. Но чем больше Бентли раздражал его, тем больше он разделял точку зрения суперинтенданта Спенса. Ему было все труднее представить этого молодого человека в роли убийцы. С точки зрения парня, как подозревал Пуаро, убийство все равно ничему не поможет. И если, как утверждал Спенс, убийцам свойственна наглость, то Бентли убийцей быть не мог.

— Мисс Вильямс интересуется этим делом. Она убеждена в вашей невинности, — сказал Пуаро, сдерживая гнев.

* Именно (франц.).

— Не понимаю, что она может обо всем этом знать.

— Она знает вас.

Бентли прищурился и нехотя буркнул:

— Знает, наверное, да не слишком хорошо.

— Вы же вместе работали, разве не так? Вы даже иногда вместе обедали?

— Ну, да... пару раз. В «Синей кошке» — очень удобно, из конторы через дорогу.

— Вы никогда с ней не гуляли?

— Прогулялись однажды. По дюнам.

Пуаро взорвался.

— *Ma foi**, я что, требую от вас, чтобы вы мне в преступлении признались? Разве не естественно прогуляться с красивой девушкой? Разве не приятно? Вы недовольны собой?

— А чему радоваться?

— В вашем возрасте надо радоваться встречам с девушками.

— У меня мало знакомых девушек.

— Тем хуже для вас! И не гордиться этим надо, а стыдиться!

Вы были знакомы с мисс Вильямс. Вы работали вместе, говорили, иногда вместе обедали, а однажды даже пошли на прогулку. А когда я называю ее имя, вы даже не понимаете, о ком идет речь!

Бентли вспыхнул.

— Видите ли... я мало общался с девушками. А она... ее нельзя назвать леди, ведь так? Да, она отзывчива и все такое, но я не могу отделаться от мысли, что мама назвала бы ее вульгарной.

— Важно, что вы о ней думаете.

Бентли покраснел еще больше.

— Ее прическа... И одежда... Мама, конечно, была старомодной...

Он замолчал.

— Но не станете же вы отрицать, что она... добра?

— Она всегда была добра, это верно. Но... не понимала. Ее мама умерла, когда она была совсем маленькой.

— Потом вы потеряли работу, — продолжал Пуаро. — Другую найти не могли. Однажды вы встретились с Мод в Бродхинни, насколько мне известно.

— Да... Да. Она приезжала по делу и прислала мне открытку, — с несчастным видом пролепетал Бентли. — Попросила встретиться ее. Не знаю, почему. Не сказать, чтобы мы были друзьями.

— Но вы ее встретили?

— Да. Не хотел показаться невоспитанным.

— Вы пошли с ней в кино, в кафе?

— Нет, что вы, ничего подобного, — возмутился Бентли. — Мы... просто побеседовали, пока она ждала свой автобус.

— Ах, как весело, должно быть, было бедной девушке!

— У меня не было денег, — вдруг огрызнулся Бентли. — Вам следует об этом помнить. У меня не было ни пени.

* Честное слово (франц.)

— Ну да. Это случилось за несколько дней до убийства миссис Магинти?

Бентли кивнул и неожиданно уточнил:

— Да. Мы встретились в понедельник. Ее убили в среду.

— Еще один вопрос. Ваша хозяйка покупала «Санди комет»?

— Да.

— Вы ее просматривали?

— Она иногда предлагала, но я чаще отказывался. Мама такие газеты не уважала.

— Последний номер перед ее смертью тоже не читали?

— Нет.

— А миссис Магинти ничего вам о нем не говорила?

— Говорила, — неожиданно для Пуаро ответил Бентли. — Мало того, что-то в нем ее буквально захватило, она все успокоиться не могла.

— О-ля-ля! Захватило. А что именно она говорила? Постарайтесь припомнить поточнее, это очень важно.

— Да я почти ничего уже не помню. О каком-то стародавнем убийстве. О деле Крейга, по-моему, или нет? В общем, о том, что кто-то, имевший касательство к убийству, живет теперь в Бродхинни, и это не давало ей покоя. Не понимаю, ей-то какое дело до всего этого было?

— Она не говорила, кто именно живет в Бродхинни?

— Кажется, называла женщину, чей сын пишет пьесы.

— Она называла ее по фамилии?

— Нет... не помню... столько времени прошло.

— Подумайте, постарайтесь вспомнить. Вы хотите опять быть свободным?

— Свободным? — удивленно переспросил Бентли.

— Да, свободным.

— Ну, да, наверное... Конечно, хочу.

— Тогда думайте! Что сказала миссис Магинти?

— «Ишь, какая она самодовольная, какая гордая... Да стань оно известным, гордыни б поубавилось». Что-то в этом роде. И еще: «На этой фотографии ее и не узнать. Но, понятно, портрет-то давний».

— А почему вы решили, что она говорила о миссис Апуард?

— Не знаю, честное слово, не знаю... Такое впечатление у меня сложилось. Она начала говорить о миссис Апуард, мне стало скучно, я не слушал ее, а потом... Нет, я не знаю, о ком она говорила, она вообще любила поболтать.

Пуаро вздохнул.

— Я лично сомневаюсь, что говорила она о миссис Апуард. По-моему, она имела в виду кого-то другого. Обидно думать, что вас могут повесить из-за того, что вы не умели внимательно выслушать человека... Миссис Магинти рассказывала вам о домах, где работала, о женщинах?

— Да, что-то рассказывала, но меня бесполезно об этом спрашивать. Вы, я вижу, не понимаете, мсье Пуаро, что у меня в то время своих забот был полон рот. Представьте, в каком я пребывал состоянии, как нервничал.

— Во всяком случае, не больше, чем сейчас. Говорила ваша

хозяйка о миссис Селкерк — теперь она миссис Карпентер — или миссис Ренделл?

— Карпентер живет в доме на вершине холма, у него большая машина, да? Он был помолвлен с миссис Селкерк — моя хозяйка страшно ее не любила, не знаю, почему. Называла ее «выскачкой». Представления не имею, что она имела в виду.

— А о Ренделлах?

— Это доктор? Не помню.

— Об Уэдерби?

— О них помню. «Терпеть не могу ее нытье и капризы» — это о ней. «Ни слова от него не услышишь, ни хорошего, ни плохого» — это о нем. «Нет у них счастья в доме» — это о всей семье.

Новые нотки прозвучали в голосе Бентли, и Пуаро поднял голову. Молодой человек не просто повторил, что слышал, на какое-то мгновение он по непонятным причинам вышел вдруг из состояния апатии. Он подумал об «Охотничьем дворе», о жизни его обитателей, о том, счастливы ли они.

— Вы знали их? — тихо спросил Пуаро. — Мать? Отчима? Дочь?

— Сказать, что знал, нельзя, наверное. Просто однажды их пес попал лапой в капкан. Мисс Дейдрде не могла его освободить, и я помог ей.

И вновь в его голосе прозвучали новые интонации. «Я помог ей», — сказал Бентли, и Пуаро услышал в этих словах едва приметную гордость. Он припомнил рассказ миссис Оливер о ее встрече с Дейдрде Хендерсон.

— Вы разговорились?

— Да. Она рассказала о своей маме, ее болезни. Она очень любит маму.

— А вы ей рассказывали о своей?

— Да, — коротко ответил Джеймс.

Пуаро молча ждал.

— Жизнь жестока и очень несправедлива, — продолжил Бентли. — Слишком много людей на земле лишены счастья.

— Вполне возможно.

— Не думаю, что и ей его много досталось. Я имею в виду мисс Уэдерби.

— Хендерсон.

— Ах, да. Она мне сказала, что у нее отчим. Вы тоже.

— Дейдрде Хендерсон, — повторил Пуаро. — Скорбная Дейдрде*. Красивое имя, но не очень красивая девушка, как по-вашему?

Бентли покраснел.

— Мне она показалась красивой...

Глава 19

— Нет, ты слушай, что я тебе говорю, — сказала миссис Сунтиман.

* Пуаро имеет в виду Дейдрде, главное действующее лицо ирландской героической саги «Изгнание сыновей Уснеха».

Эдна шмыгнула носом. Она уже долго слушала миссис Суитиман, но разговор успеха не имел, шел по кругу, хозяйка почтового отделения часто повторялась, слегка меняя выражения, но и то незначительно. Эдна шмыгала носом, сопела, время от времени пускала слезу и снова и снова повторяла два своих главных аргумента в их споре: во-первых, ни за что! Во-вторых, ее отец с нее шкуру спустит, если узнает, ей-Богу, спустит!

— Это еще как сказать,— стояла на своем миссис Суитиман,— а убийство есть убийство, и то, что ты видела,— ты видела, и никуда от этого не денешься.

Эдна шмыгнула носом.

— И тебе следует...

Миссис Суитиман недоговорила, обернувшись к миссис Уэдерби, зашедшей за спицами и шерстью для вязания.

— Давненько не видела вас, мэм,— приветствовала ее миссис Суитиман.

— Что правда, то правда. Я слишком плохо себя чувствовала в последнее время. Сердце, знаете ли.— Она вздохнула.— Врачи рекомендуют постельный режим.

— Слышала, у вас появилась новая домработница,— заметила миссис Суитиман.— Для такой светлой шерсти нужны спицы потемнее.

— Да. Расторопная девица и готовит неплохо. Но манеры! Но внешность! Она красит волосы и носит облегающие джемпера.

— Что поделаешь! Девушек теперь в прислуги не готовят. Моя мама начала работать в тринадцать лет и каждый день поднималась без четверти пять. В конце концов она стала старшей горничной, ей подчинялись три младшие. И она их учила. Но сейчас этого нет, девушки не обучены, они лишь получают образование, как Эдна.

Обе женщины посмотрели на Эдну; девушка облокотилась на стойку и с отсутствующим видом сосала леденец, время от времени шмыгая носом. Плод просвещения, она в данный момент чести системе образования не делала.

— Какое страшное несчастье случилось с миссис Апуард,— заметила мимоходом миссис Суитиман, пока покупательница перебирала разноцветные спицы.

— Ужас! — согласилась миссис Уэдерби.— Мне не хотели об этом говорить, а когда сказали, сердце у меня так и забилося. Я невероятно впечатлительна.

— Мы все были потрясены. А молодой Апуард, так тот чуть не кончился. Этой писательнице, что у них гостила, пришлось с ним повозиться, пока доктор не приехал и не дал ему успокаивающее. Теперь он перебрался в «Луга»: не может жить дома, и понять его можно. Джанет Грум уехала к племяннице, а ключи забрала полиция. Женщина, что пишет детективы, возвратилась в Лондон, но она придет на следствие.

Миссис Суитиман поделилась всей этой информацией с большим удовольствием. Она гордилась своей осведомленностью. Миссис Уэдерби, чей интерес к вязальным спицам был скорее всего вызван желанием поразузнать, что творится в деревне, расплатилась.

— Печальное происшествие, — заключила она. — Здесь стало небезопасно. Не иначе, маньяк объявился. Как подумаю, что моя родная дочь в тот вечер тоже из дома уходила, что и на нее могли напасть, даже убить, — прямо оторопь берет!

Миссис Уэдерби закрыла глаза и покачнулась. Продавщица наблюдала за ней с интересом, но спокойно. Миссис Уэдерби открыла глаза и авторитетно заявила:

— В деревне необходимо ввести патрулирование. Молодые люди не должны появляться на улице с наступлением темноты. Все двери и окна следует запирать на замки и задвижки. Вы знаете, миссис Саммерхейз никогда не запирает двери. Даже ночью. А заднюю дверь и окно гостиной постоянно держит открытыми для собак. Я лично считаю, что это чистое безумие, а она утверждает, что они всегда так делали и что, если воры захотят проникнуть в дом, они так или иначе сумеют это сделать.

— Полагаю, поживиться им в «Лугах» все равно будет нечем. Миссис Уэдерби грустно покачала головой и удалилась.

Миссис Суитиман и Эдна возобновили спор.

— Не следует думать, что ты умнее всех, — сказала миссис Суитиман. — Убийство есть убийство, и справедливость должна восторжествовать. Скажи правду и посрами нечистого — мой девиз.

— Папа с меня шкуру спустит.

— Я поговорю с ним.

— Все равно не смогу.

— Миссис Апуард убита, — продолжала убеждать миссис Суитиман. — А ты видела то, о чем полиция не знает. Ты же работаешь на почте, так? Значит, ты — государственный служащий и обязана выполнить свой долг. Ты должна пойти к Берту Хейлингу...

Эдна разрыдалась.

— Только не к Берту, нет. Как я могу пойти к Берту? Завтра вся деревня обо всем знает будет.

— Можно пойти к этому джентльмену-иностранцу... — неуверенно предложила миссис Суитиман.

— Только не к иностранцу, нет, только не к иностранцу.

— В этом ты, возможно, права.

У дверей почты с визгом затормозил автомобиль. Миссис Суитиман просияла.

— Это майор Саммерхейз! Расскажи все ему, а он посоветует, как поступить.

— Не смогу, — повторила Эдна, однако на этот раз не столь категорично.

Джонни Саммерхейз шагнул через порог, сгибаясь под тяжестью трех картонных коробок.

— Доброе утро, миссис Суитиман, — приветливо поздоровался он. — Надеюсь, их вес не выше установленного.

Миссис Суитиман быстро выписала квитанцию на посылки, а Джонни принялся лизать и наклеивать на них марки.

— Извините, сэр, я хотела спросить вашего совета, — обратилась она к майору.

— Слушаю вас.

— Вы ведь местный житель, сэр, вам, конечно, лучше знать, как следует поступить. Дело касается Эдны.

Эдна шмыгнула носом.

Саммерхейз с опаской взглянул на девушку. Менее располагающей к себе особы видеть ему до сих пор не приходилось, а судя по внешности — она еще и бестолкова. Уж не «в тягости» ли она, как говорится? Да нет, не стала бы миссис Суитиман к нему с таким вопросом обращаться.

— Так, — добродушно произнес он, — в чем затруднения?

— Речь идет об убийстве, сэр. О том вечере. Эдна кое-что видела.

Карие глаза Саммерхейза метнулись с Эдны на миссис Суитиман и обратно.

— Что ты видела, Эдна? — спросил он.

Эдна всхлипнула. Миссис Суитиман взяла инициативу в свои руки.

— Разумеется, говорят об этом разное, слышали мы и сплетни, и правду. Но все утверждают, что у миссис Апуард в тот вечер была в гостях женщина, они пили кофе. Это так, сэр?

— Да, по-моему.

— Я знаю, что это правда, потому что мы слышали об этом от Берта Хейлинга.

Альберт Хейлинг был местным констеблем, и Саммерхейзы его хорошо знали. Говорил констебль медленно, с расстановкой и большим чувством собственного достоинства.

— Но ведь никто не знает, кто она, верно? Так вот, Эдна видела ее.

Саммерхейз посмотрел на Эдну и свел губы, словно свистнуть собирался.

— Значит, ты ее видела, Эдна? Она входила или выходила?

— Входила, — ответила та. Чувство собственной важности развязало ей язык. — Я стояла под деревом. У самого поворота, где темно. Я видела ее. Она вошла в калитку, по дорожке подошла к двери, постояла немного и... вошла в дом.

— Все правильно, — просветлел майор. — То была мисс Хендерсон. Полиции об этом известно. Она сама пришла и все рассказала.

Эдна покачала головой.

— То была не она.

— Вот как. Тогда кто же?

— Не знаю. Лица я не видела. Я видела ее со спины, когда она шла по дорожке и стояла у двери. Но то была не мисс Хендерсон.

— Откуда ты знаешь, если не видела ее лица?

— Потому что она была блондинка, а мисс Хендерсон брюнетка. Майор смотрел на нее недоверчиво.

— Ночь была очень темная, как ты могла разглядеть цвет ее волос?

— Разглядела. Над порожком горел свет. Его оставили для Робина и писательницы, они в театр уехали. А женщина остановилась как раз под лампочкой. Она была в темном пальто, без шляпы, и волосы у нее были светлые. Я видела.

Майор присвистнул, взгляд его карих глаз стал серьезным.

— В котором это было часу?

Эдна шмыгнула носом.

— Точно не знаю.

— Хотя бы приблизительно, — подсказала миссис Суитиман.

— Девяти еще не было, я бы услышала церковные колокола.

Но после половины девятого.

— Между половиной девятого и девятью. Долго она пробыла в доме?

— Не знаю, сэр. Я сразу ушла. И ничего не слышала. Ни стонов, ни криков, ничего, — удрученно ответила Эдна.

Ни стонов, ни криков она не могла слышать, майору об этом было достоверно известно.

Глава 20

Миссис Уэдерби возвращалась с почты на удивление бодро для человека, о котором известно, что он инвалид, и только в прихожей сменила походку на свою обычную, вялую, шаркающую; пройдя в гостиную, она свалилась на диван.

Звонок был под рукой, она воспользовалась им. Поскольку ничего не произошло, она позвонила во второй раз, надолго задержав палец на кнопке.

В конце концов в комнате появилась Мод. Она была в цветастом халате, в руке держала щетку для пыли.

— Вы звонили, мадам?

— Я звонила дважды. Я привыкла, чтобы на мой звонок кто-то немедленно являлся. Я больна, мало ли что со мной может случиться.

— Извините, мадам. Я была наверху.

— Знаю. Вы были в моей комнате. Я слышала, как вы двигали ящики комода. Не пойму, зачем. В ваши обязанности не входит копание в моих вещах.

— Я не копалась в них. Просто навела порядок, убрала кое-что.

— Чепуха. Все вы одним миром мазаны. Но я этого не потерплю. Я неважно себя чувствую. Где Дейдрэ?

— Повела на прогулку собаку.

— Какая глупость! Должна бы знать, что может мне понадобиться. Принесите мне взбитое в молоке яйцо и добавьте немного бренди в буфете на кухне.

— Осталось всего три яйца на завтрак.

— Значит, кому-то придется обойтись без него. Да поторапливайтесь, чего стоите, на меня уставились? Кстати, приличной девушке не подобает краситься, как это делаете вы.

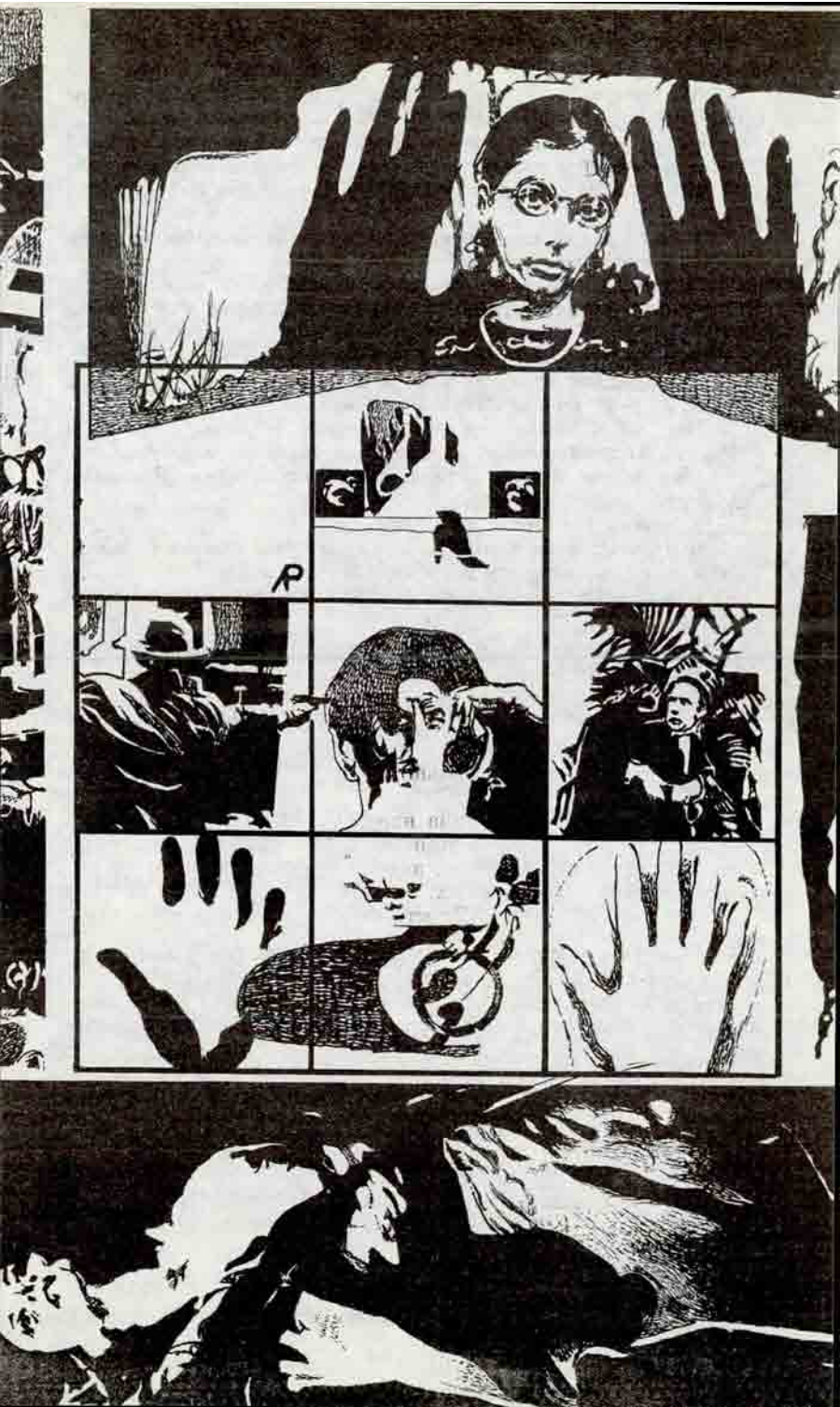
В прихожей послышался лай — вошли Дейдрэ с силихэмом.

— Я слышала твой голос, — сказала запыхавшаяся Дейдрэ. — Что ты ей сказала?

— Ничего.

— Она мрачнее тучи.

— Я поставила ее на место. Нахальная девчонка!

— Ах, мамочка, да надо ли было? Сейчас так трудно найти прислугу. А она хорошо готовит.

— Ну, конечно, какое имеет значение, что она дерзит мне! Что ж, вам недолго осталось маяться со мной. — Миссис Уэдерби закатила глаза и нервно задышала. — Я слишком далеко ходила.

— Тебе не следовало выходить, дорогая. Почему ты меня не предупредила, что уходишь?

— Я решила подышать свежим воздухом, здесь очень душно. Да не важно все это. Просто не хочется жить, зная, что ты всем в тягость.

— Что ты говоришь, кому ты в тягость! Без тебя я умру.

— Ты хорошая девочка, дочь моя, но я вижу, каких хлопот доставляю тебе, как действую на нервы.

— Нет, мама, нет! — горячо возразила Дейдрэ.

Миссис Уэдерби тяжело вздохнула и опустила веки.

— Мне трудно много говорить, — произнесла она. — Я должна отдохнуть.

— Я потороплю Мод с «эг-ногом».

Дейдрэ вышла из комнаты, задев по пути бронзового идола на столе; тот покачнулся и грохнулся на пол.

— Какая неуклюжая, — пробормотала, поморщившись, миссис Уэдерби.

Дверь распахнулась, в комнату вошел ее супруг. Миссис Уэдерби открыла глаза.

— А, это ты, Роджер.

— Я решил посмотреть, что за шум здесь поднялся. В этом доме невозможно спокойно почитать.

— Это Дейдрэ, дорогая. Она возвратилась с прогулки.

Роджер наклонился и поднял с пола бронзового монстра.

— В конце концов Дейдрэ уже достаточно взрослая, пора ей научиться аккуратности и не бросать вещи.

— Она просто неловкая.

— Это дико — в ее возрасте оставаться такой нескладной. И не может ли она заставить пса не лаять?

— Я поговорю с ней, Роджер.

— Если уж она живет здесь, то должна считаться с нами, а не вести себя так, словно весь дом принадлежит ей одной.

— Ты, наверное, хочешь, чтобы она уехала, — тихо сказала миссис Уэдерби, наблюдая за ним из-под полуприкрытых век.

— Зачем же? Нет. Естественно, она должна жить с нами. Но я вправе ожидать от нее побольше благоразумия и хороших манер. Ты куда-то ходила, Эдит?

— Да, на почту.

— Новостей по поводу смерти несчастной миссис Апуард нет?

— Полиция до сих пор не знает, кто это сделал.

— Какие-то они беспомощные, тебе не кажется? А мотив? Кто наследует ее деньги?

— Сын, наверное.

— Да... Тогда, похоже, это действительно дело рук какого-то бродяги. Скажи служанке, чтобы не забывала запирать входную

дверь. И открывала, не снимая с цепочки с наступлением сумерек. Преступники теперь действуют нагло и жестоко.

— Говорят, у миссис Апуард ничего не пропало.

— Странно.

— В отличие от миссис Магинти.

— Миссис Магинти? Ах, уборщицы. А что у нее общего с миссис Апуард?

— Она работала в «Ракитнике», Роджер.

— Не говори глупости, Эдит.

Миссис Уэдерби опять закрыла глаза, а когда супруг вышел, улыбнулась.

— Ваш «эг-ног», мадам.

Эдит вздрогнула и открыла глаза; перед ней, протягивая стакан с напитком, стояла Мод. Голос девушки прозвучал чисто и звонко, резонируя в затихшем доме. В сердце миссис Уэдерби закралась необъяснимая тревога.

Как высока и негибаема эта девушка; она возвышается над ней словно... словно рок — интересно, почему это сравнение пришло ей в голову?

Приподнявшись на локте, она взяла стакан.

— Спасибо, Мод.

Девушка повернулась и вышла из комнаты.

Непонятная тревога не оставляла Эдит.

Глава 21

Пуаро возвратился в Бродхинни на такси.

Он много думал и потому устал. Мыслительный процесс всегда утомителен, а на этот раз он еще и не дал удовлетворительных результатов. У него было такое ощущение, словно он держит в руках кусок материи с вышитым рисунком и не может его разглядеть.

Но он весь здесь, вот в чем дело. Просто рисунок этот из тех, что, будучи исполнены в самобытных красках и с особой утонченностью, нелегко поддаются осмыслению.

Недалеко от Килчестера им повстречался фургончик Саммерхейзов. Машину вел Джонни, рядом с ним сидел еще кто-то, но Пуаро не обратил на них внимания, настолько был поглощен своими мыслями.

Вернувшись в «Луга», он прошел в гостиную, убрал с лучшего кресла дуршлаг со шинатом и уселся в него сам. Наверху стучала пишущая машинка — это Робин Апуард трудился над пьесой. Три варианта ее он уже порвал, почему-то не мог сосредоточиться. Так, во всяком случае, он сказал Пуаро.

Драматург, разумеется, мог сильно пережить смерть матери, но он бы не был Робинотом Апуардом, если бы не думал прежде всего о себе.

— Матре хотела бы, — печально сказал он, — чтобы я продолжал работать.

Эркюлю Пуаро нередко доводилось слышать подобные фразы от многих людей. Знание того, что хотел бы усопший, всегда было одной из самых удобных для них отговорок. Потерявший

близких никогда не сомневался в том, чего желали бы покойники, и желания мертвецов обычно совпадали с их личными устремлениями.

В данном случае, однако, слова Робина могли соответствовать истине. Миссис Апуард верила в его талант и очень им гордилась.

Пуаро откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

Он размышлял о миссис Апуард. Он думал о том, какой она была на самом деле. Ему припомнилась сказанная однажды каким-то полицейским фраза:

— А мы разберем его и посмотрим, что там тикает.

Что «тикало» в миссис Апуард?

Раздался грохот, в гостиную вошла Морин. Растрепанные волосы ее развеялись во все стороны.

— Не представляю, что могло случиться с Джонни. Повез на почту посылки и давно уже должен был вернуться. Надо починить дверь в курятнике.

Истинный джентльмен, с опаской подумал Пуаро, немедленно галантно предложил бы ей свои услуги. Но Пуаро этого не сделал. Ему не хотелось прерывать свои думы о двух убийствах и характере миссис Апуард.

— И не могу найти анкету министерства сельского хозяйства, — продолжала Морин. — Где уж только не искала!

— Шпинат на диване, — подсказал Пуаро.

Но Морин шпинат не волновал.

— Анкету мы получили на прошлой неделе, — задумчиво говорила она. — И я куда-то ее положила. Кажется, в тот момент я штопала пуловер Джонни.

Она кинулась к бюро и принялась один за другим выдвигать ящики. Их содержимое полетело на пол. Видеть это было для Пуаро сущей мукой.

— Вот она! — издала вдруг миссис Саммерхейз победный клич и выбежала из комнаты.

Пуаро вздохнул и продолжил свои размышления.

Итак, надо все разложить «по полочкам».

Он нахмурился. Куча барахла на полу отвлекала внимание. Разве можно так искать пропавшую вещь!

Во всем должны быть порядок и система. Это — главное. Порядок и система.

Даже сидя к беспорядочной куче на полу вполоборота, он все равно видел ее краем глаза. Нитки, носки, письма, мотки шерсти, журналы, сургуч, кучи фотографий, пуловер...

Невыносимо!

Пуаро поднялся, подошел к бюро и принялся быстро раскладывать их по ящикам.

Пуловер, носки, шерсть — в один. Сургуч, фотографии, письма — в другой.

Зазвонил телефон, да так резко, что Пуаро вздрогнул. Подойдя к аппарату, он поднял трубку.

— Алло, алло, алло!

Ему ответил суперинтендант Спенс.

— А, это вы, Пуаро! Вас-то мне и нужно.

Голос его был почти неузнаваем: вместо выдержанного и спокойного с детективом говорил человек чрезвычайно взволнованный.

— Нашли время морочить мне голову: не та фотография, — укоризненно сказал он. — Мы получили новые улики. Майор Саммерхейз привез к нам девушку с почты. Говорит, что стояла вечером напротив дома Апуардов и видела, как к ним вошла женщина. Где-то между половиной девятого и девятью. Причем это была не Дейдрэ Хендерсон. Блондинка. Таким образом, мы возвращаемся к исходной позиции: это либо Ив Карпентер, либо Шила Ренделл, кто-то из них. Вопрос только — кто?

Пуаро открыл было рот, но ничего не сказал. Медленно, аккуратно он положил трубку на рычаг. И долго стоял, невидящими глазами уставившись прямо перед собой.

Телефон зазвонил опять.

— Алло! Алло! Алло!

— Могу я говорить с мсье Пуаро?

— Пуаро слушает.

— Я так и подумала. Это Мод Вильямс. На почте через четверть часа?

— Буду.

Он положил трубку и посмотрел на туфли. Переобуться? Ноги немного ныли. А, ладно, не важно.

Надев шляпу, Пуаро вышел на улицу.

По дороге на почту его окликнул полицейский, появившийся из дверей «Ракитника»:

— Доброе утро, мсье Пуаро.

Пуаро вежливо ответил, обратив внимание на взбудораженный вид сержанта Флетчера.

— Супер послал меня еще раз внимательно посмотреть, не упустили ли мы чего. Всякое бывает, правда? Мы уже осматривали письменный стол, но суперу пришла в голову мысль, что в нем может быть потайное отделение — начитался, наверное, детективов. Так вот, никакого отделения там не оказалось, но после стола я взялся за книги. В них часто что-нибудь вкладывают, например, письма.

Пуаро подтвердил, что это ему известно.

— И что вы обнаружили? — вежливо поинтересовался он.

— Только не письмо и вообще ничего в этом роде. Зато нашел нечто любопытное, во всяком случае, мне так кажется. Посмотрите.

Он развернул газету; в ней лежала старая-престарая книга.

— Она стояла на книжной полке. Ветхая, издана много лет назад. Но взгляните сюда.

Сержант раскрыл ее и указал на форзац, где карандашом было выведено «Ивлин Хоуп».

— Интересно, как вы считаете? Это имя, если помните...

— ...приняла Ива Кейн, покидая Англию. Я помню, — сказал Пуаро.

— Похоже на то, что миссис Магинти видела одну из тех фотографий именно в доме у миссис Апуард. Дело, похоже, осложняется, а?

— Осложняется, — с чувством произнес Пуаро. — Уверю вас, когда вы принесете эту улику суперинтенданту Спенсу, он станет рвать на себе волосы с корнями. Именно с корнями.

— Надеюсь, до этого не дойдет, — возразил Флетчер.

Пуаро не ответил. Он продолжал свой путь вниз по склону холма. Думать он перестал. Все вокруг не имело никакого смысла.

Когда он вошел в помещение почты, Мод уже была там; она разглядывала узоры для вязания. Пуаро направился к почтовой стойке. Когда Мод расплатилась, миссис Суитиман подошла к нему, и он купил несколько марок. Мод вышла.

Миссис Суитиман была задумчива и совсем неразговорчива, поэтому Пуаро удалось выйти на улицу вскоре после Мод. Он быстро догнал девушку и зашагал рядом.

Миссис Суитиман прижалась носом к стеклу и посмотрела им вслед.

— Ох, уж эти иностранцы! Все на один манер, все как один. Ведь он ей в дедушки годится!

— En bien, — сказал Пуаро, — что вы хотели мне сообщить?

— Не знаю, насколько это важно. Кто-то пытался влезть в комнату миссис Уэдерби.

— Когда?

— Сегодня утром. Ее дома не было, дочь пошла гулять с собакой. Старый бесчувственный чурбан, как обычно, засел в своем кабинете. Я в основном крутилась на кухне — она на той же стороне, что и кабинет. В общем, случай представился подходящим... Вы понимаете?

Пуаро кивнул.

— Поэтому я проскользнула наверх, в спальню Ее Вьедливого Величества, а когда вошла — увидела, что к окну с наружной стороны приставлена лестница и какой-то мужчина пытается его открыть. Она после убийства все закрывает на замки и задвижки, свежего воздуха не глотнешь. Увидев меня, человек кубарем скатился с лестницы и смылся. Лестница садовника, он обрезал плющ и в одиннадцать ушел перекусить.

— Кто это был? Вы можете его описать?

— Я лишь мельком успела на него глянуть. Пока подбежала и открыла окно, его след простыл, а когда вошла в комнату и увидела его, солнце светило мне в глаза, и лица видно не было, только темный силуэт.

— Вы уверены, что это был мужчина?

Мод задумалась.

— Одет по-мужски, старая фетровая шляпа на голове... Вообще-то могла быть и женщина...

— Интересно, очень интересно... — пробормотал Пуаро. — Это все?

— Пока все. Но сколько хлама хранит эта женщина! Ненормальная, должно быть. Я не слышала, как она вернулась, и получила выговор за шпионаж. В следующий раз я ее прикончу. Если кто и заслуживает смерти, то она — в первую очередь. Ох, и противная же, стерва!

— Ивлин Хоуп... — тихо произнес Пуаро.

— Что вы сказали? — круто обернувшись к нему Мод.

— Вам известно это имя?

— Ну... да. Его взяла себе Ива... как ее там... когда уезжала в Австралию. Об этом писали в... «Санди комет».

— В «Санди комет» писали о многом, только не об этом. Полиция нашла это имя написанным в одной из книг миссис Апуард.

— Так это все же была она!.. — воскликнула Мод. — Значит, она в Австралии не умерла... Майкл был прав.

— Майкл?

— Мне пора, — быстро сказала Мод, — а то не успею подать вовремя второй завтрак. Он в духовке, как бы не подгорел.

И она убежала, а Пуаро остался стоять, некоторое время глядя ей вслед.

«Уж не сделал ли ей этот старикан иностранец определенного свойства предложение?» — подумала наблюдавшая за ними миссис Суитиман.

Возвратившись в «Луга», Пуаро сменил туфли на домашние тапочки. Это был, конечно, не шик, не *comme il faut**, по его мнению, но ногам полагается отдых.

Вновь удобно устроившись в одном из кресел, он продолжил свои размышления, а подумать ему было о чем.

Кое-что он ранее упустил — мелкие детали.

Все компоненты рисунка были налицо, их оставалось только склеить.

Вот Морин со стаканом в руке, говорит задумчиво, задает вопрос... Миссис Оливер рассказывает о вечере в театре и после него... Сесил? Майкл? Да, он почти уверен, что она упомянула некоего Майкла. Ива Кейн, гувернантка у Крейгов...

Ивлин Хоуп.

Ну да, конечно...

Ну да, конечно! Ивлин Хоуп!

Глава 22

Ив Карпентер вошла в дом Саммерхейзов без стука, как входили в него почти все, используя для этого любую удобную открытую дверь.

Она искала Пуаро, а когда нашла, вокруг да около ходить не стала, сказав в лоб:

— Послушайте, вы — сыщик, и, говорят, неплохой. Прекрасно, я вас нанимаю.

— Представьте себе, я не нанимаюсь, я ведь не такси!

— Вы — частный детектив, а частные детективы работают за плату, разве не так?

— Обычно так.

— Об этом я и говорю. Я заплачу вам. Хорошо заплачу.

— За что? Чего вы от меня хотите?

* Прилично, порядочно (франц.).

— Защитите меня от полиции. Они с ума сошли. Им, кажется, пришло в голову, что это я убила миссис Апуард. Все что-то вынюхивают, все что-то выспрашивают... Мне это не нравится. Они хотят свести меня с ума.

Пуаро внимательно посмотрел на нее. Кое-что из сказанного ею соответствовало действительности: миссис Карпентер выглядела на несколько лет старше, чем пару недель назад, когда он увидел ее в первый раз. Круги под глазами свидетельствовали о бессонных ночах. От уголков рта к подбородку пролегли темные линии, а рука, когда она прикуривала сигарету, дрожала.

— Вы должны положить этому конец, — заявила она. — Должны.

— Мадам, что я могу сделать?

— Уберите их как-нибудь от меня! Будь Гай мужчиной, давно бы сам их отвалил, не позволил преследовать меня.

— А он ничего не предпринимает?

— Я его не просила, — хмуро ответила Ив. — От него только и слышишь высокопарные фразы о том, что «полиции надо всячески помогать, полиции надо всячески помогать»... А мне кто поможет? Ему-то хорошо, он в тот вечер был на каком-то противном политическом митинге.

— А вы?

— А я сидела дома. Радио слушала.

— Но если вы можете это доказать...

— Каким образом? Я предложила Крофтам баснословные деньги, только бы они засвидетельствовали, что я была дома, так эти чертовы свиньи отказались.

— Вы совершили очень необдуманный поступок.

— Не понимаю: почему? Это решило бы все проблемы.

— Вполне вероятно, что вы таким образом убедили ваших слуг в своей причастности к убийству.

— Но я бы им заплатила за...

— За что?

— Ни за что.

— Не забывайте, вы просите моей помощи.

— А! Все это мелочи. Просто Крофт передал мне ее просьбу.

— Просьбу миссис Апуард?

— Да. Она позвонила и пригласила меня в тот вечер в гости.

— А вы утверждаете, что не пошли к ней?

— Зачем мне это нужно? Что мне делать у этой старой зануды?

— Когда вам позвонили?

— Не знаю точно: в пять, в шесть — меня как раз не было. Приглашение принял Крофт.

— А вы предложили ему деньги, чтобы он об этом забыл. Почему?

— Не будьте идиотом. Не хотела быть замешанной во все это.

— И обещали заплатить, если он обеспечит вам алиби. Что, по-вашему, должны были подумать он и его жена?

— Кого интересует, что они там думают?

— Присяжных может заинтересовать, — нахмурился Пуаро.

Она устала на него.

- Вы это серьезно?
- Вполне.
- Они поверят слугам, не мне?

Пуаро внимательно посмотрел на нее.

Какой сплав откровенного хамства и беспросветной глупости! Это же надо — настроить против себя людей, которые могли оказаться ей полезными. До чего нелепая, близорукая политика! Близорукая...

Что за прелесть — ее большие, синие глаза.

— Почему вы не носите очки, мадам? — спокойно спросил он. — Ведь вам они нужны.

— Что? Ах, очки. Я надеваю их иногда. В детстве носила.

— И ортодантическую пластинку?

Она удивленно уставилась на него.

— Носила. Зачем вы спрашиваете?

— Гадкий утенок превратился в белого лебедя?

— Я действительно была довольно-таки гадкой.

— И ваша мать так считала?

— Я не помню свою мать, — резко ответила она. — И о чем мы вообще говорим? Вы беретесь за дело или нет?

— Сожалею, но не могу.

— Почему?

— Потому, что в данном случае защищаю интересы Джеймса Бенгли.

— Джеймса Бенгли? А, вы имеете в виду того придурка, что убил уборщицу. Какое отношение он имеет к Апуардам?

— Возможно, никакого.

— Так в чем же дело? В деньгах? Сколько?

— Вы всегда все сводите к деньгам, мадам, и в этом ваша самая большая ошибка. У вас есть деньги, и вы считаете, что они все решают.

— У меня они тоже не всегда были.

— Верно, не всегда, — согласился Пуаро, кивая. — И это многое объясняет...

Глава 23

Коронер и жюри вынесли вердикт: убийство, совершенное неизвестным лицом или неизвестными лицами.

После следствия все, кто там присутствовал, по приглашению Эркюля Пуаро собрались в «Лугах».

Прилежно потрудившись, Пуаро сумел навести в продолговатой гостиной видимый порядок. Стулья он выставил идеальным полукругом, пса не без усилий выпроводил на улицу, а сам занял место у дальней стены, отведя себе роль самозванного лектора.

— Дамы и господа, — начал он, многозначительно прокашлявшись, и после паузы неожиданно продекларировал:

— Что с миссис Магинти?

Она умерла.

Как?

Став на колени, так же, как я.

Что с миссис Магинти?

Она умерла.

Как?

Вытянув руку, так же, как я.

Что с миссис Магинти?

Она умерла.

Как?

Вот так.

Ситуация была нелепая, весь вид и слова были комичны, но, увидев выражения лиц собравшихся, Пуаро так же серьезно пояснил:

— Нет, я с ума не сошел. То, что я прочитал вам детские стишки, вовсе не означает, что я впал в детство. Возможно, кто-то из вас сам играл когда-то в эту игру. Миссис Апуард играла. Она прочитала мне эти стихи, слегка изменив их. «Что с миссис Магинти? Она умерла. Как? Сунув голову в петлю, так же, как я» — был ее вариант. Так она сказала и так поступила. Она сунула голову в петлю и, подобно миссис Магинти, умерла...

Для того чтобы достичь поставленной нами цели, придется вернуться к началу этой истории — к миссис Магинти, на коленях скребущей полы в чужих домах. Миссис Магинти была убита, некий Джеймс Бентли арестован, признан виновным в ее смерти и приговорен к высшей мере наказания. Однако суперинтенданта Спенса, которому поручено было расследование, такой исход дела не удовлетворил, и небезосновательно. Он не поверил в виновность Бентли, несмотря на тяжесть улик. Я согласился с ним и приехал сюда с тем, чтобы ответить на вопрос: как умерла миссис Магинти? Почему она умерла?

Не стану мучить вас долгим рассказом, скажу только, что ключом к разгадке убийства стала такая простая вещь, как пузырек чернил. В «Санди комет», которую накануне смерти прочла миссис Магинти, были опубликованы четыре фотографии. Вы уже о них все знаете, так что мне остается лишь подчеркнуть, что миссис Магинти узнала среди них фотографию, которую видела в одном из домов, где работала.

Она рассказала об этом Джеймсу Бентли, но тот не придавал ее рассказу никакого значения — ни тогда, ни позже. Фактически он ее даже не выслушал. Но у него сложилось впечатление, что фотографию миссис Магинти видела в доме миссис Апуард и говорила о женщине, которой бы пришлось поумерить свою гордыню, «стань все известным», при этом имела в виду всю ту же хозяйку «Ракитника». Полагаться на его слова мы не можем, но она, бесспорно, упомянула гордую женщину, а все мы знаем, какой гордой и высокомерной была миссис Апуард.

Как всем вам хорошо известно (кто-то при этом присутствовал, кто-то об этом слышал), я показал фотографии в «Ракитнике» и заметил, что миссис Апуард узнала одну из них и очень удивилась. Она сказала, что видела подобный снимок, но не помнит где. На мой вопрос, какой именно, она показала на портрет Лили Гамболл, но это, позвольте вас уверить, было неправдой. По каким-то личным, одной ей ведомым мотивам, миссис Апуард решила сохранить свое открытие в тайне и, чтобы сбить меня с толку, указала на другую фотографию.

Но одного из присутствовавших она обмануть не могла — убийцу. Он знал, какую фотографию узнала миссис Апуард. Сейчас я уже могу вам точно сказать: речь шла о портрете Ивы Кейн — соучастницы, жертвы или инспиратора знаменитого дела Крейга.

Сутки спустя миссис Апуард была убита. Она была убита по той же причине, что и миссис Магинти. Миссис Магинти протянула руку, миссис Апуард сунула голову в петлю — результат оказался один.

Но, прежде чем миссис Апуард умерла, трем женщинам позвонили по телефону — миссис Карпентер, миссис Ренделл и мисс Хендерсон. Во всех трех случаях миссис Апуард приглашала их вечером к себе. Служанка ее была выходная, а сын и миссис Оливер уезжали в театр в Калленки. Таким образом, можно сделать вывод, что она хотела побеседовать наедине с каждой из них.

Но почему три женщины? Помнила ли она, у кого видела фотографию Ивы Кейн? Или знала, что видела, но забыла, у кого? Что было общего у этих женщин? Ничего, пожалуй, кроме возраста.

Каждой из них около тридцати.

Вы, возможно, читали статью в «Санди комет». Если помните, в ней в сентиментальных выражениях говорится о будущем дочери Ивы Кейн. Все приглашенные к миссис Апуард женщины приблизительно в том же возрасте, в котором должна быть ее дочь.

Таким образом, складывается впечатление, что в Бродхинни живет молодая женщина, которая в действительности является дочерью убийцы Крейга и его любовницы Ивы Кейн, а также, что эта женщина готова пойти на что угодно ради сохранения своей тайны. Готова пойти фактически и на два убийства. Ибо на столе в комнате убитой миссис Апуард стояли две кофейные чашки, обе пустые, а на одной из них остались следы губной помады.

Но давайте вернемся к трем женщинам, получившим приглашения по телефону. Миссис Карпентер утверждает, что в «Ракитник» не пошла. Миссис Ренделл хотела пойти, но проспала. Мисс Хендерсон пошла, но в доме не было света, на стук и зов никто не откликнулся, и она возвратилась домой.

Это их версия, но как быть с уликой — следами губной помады на чашке госты? Кроме того, Эдна утверждает, что видела, как в дом вошла блондинка. Есть и третья улика: аромат духов, дорогих, экзотических, какими из всех присутствующих здесь пользуется лишь миссис Карпентер.

— Это ложь! Грязная, жестокая ложь! — перебив его, воскликнула Ив. — Меня там не было. Гай, да что ты молчишь, в самом деле?

Мистер Карпентер побледнел от гнева.

— Позвольте мне напомнить вам, мсье Пуаро, о существовании закона о клевете, а все присутствующие здесь — свидетели ваших инсинуаций.

— Скажите: то, что ваша жена пользуется определенного сорта духами и губной помадой, — клевета?

— Это возмутительно! Просто возмутительно! — выкрикнул мистер Карпентер.

Но Пуаро спокойно продолжал:

— В доме никого не было, и, казалось бы, никто не мог помешать убийце уничтожить эти улики. Но этого не сделали, и я спросил себя: почему? Ответ напрашивался сам собой: кто-то намеренно пытался показать, что убийца — женщина. Я задумался о телефонных звонках. Никто из приглашенных не говорил непосредственно с миссис Апуард. Так, может быть, звонила не она? А тот, кто хотел связать убийство с женщиной? И вновь я спросил себя: зачем? Ответ опять мог быть лишь один: затем, что убил ее мужчина.

Пуаро оглядел своих слушателей. Они притихли, и только двое отреагировали на его слова.

— Слава Богу, — вздохнула Ив Карпентер. — Теперь вы заговорили разумно.

А миссис Оливер кивала:

— Конечно, конечно.

— Таким образом, я пришел к выводу, что миссис Апуард убил мужчина, он же покончил и с миссис Магинти. Но кто? Причина убийства обеих одна — фотография. Кому она принадлежит? Это главный вопрос. И почему ее хранят?

Второй вопрос не столь важен. Скажем, хранят ее по сентиментальным мотивам. После... ликвидации миссис Магинти избавляться от нее нет никакой необходимости. А вот после второго убийства ситуация меняется. На этот раз фотография напрямую связывается с преступлением, ее становится опасно держать дома. Не сомневаюсь, вы все согласитесь, что ее наверняка уничтожили.

Он вновь оглядел приглашенных, они закивали.

— И тем не менее фотографию опять не уничтожили! Представьте себе, нет! Я это твердо знаю — я нашел ее. Нашел пару дней назад здесь, в этом доме, в ящике бюро у стены. Вот она.

Он поднял над головой выпцветший снимок девушки с глуповатой улыбкой и букетиком роз.

— Да, — продолжал Пуаро. — Это Ива Кейн. А на обороте карандашом написаны два слова — «моя мама».

Его суровый, осуждающий взгляд остановился на Морин Саммерхейз. Она откинула с лица рыжие волосы и широко раскрытыми глазами озадаченно уставилась на него.

— Не понимаю. Я никогда...

— Разумеется, миссис Саммерхейз, вы ничего не понимаете. После второго убийства фотографию можно было хранить лишь по двум причинам. Первая из них — невинная сентиментальность. У вас не было оснований испытывать угрызения совести, поэтому вы могли сохранять портрет. Вы сами признались, что были приемной дочерью. Сомневаюсь, что вы вообще знаете подлинное имя своей матери. Но кто-то его знал. Кто-то, кто очень гордится своим родом — настолько, что эта гордость заставляет его жить в родовом имении; он кичится предками, происхождением. Этот человек скорее умрет, чем позволит людям — или детям — знать, что Морин Саммерхейз на самом деле —

дочь убийцы Крейга и Ивы Кейн. Этот человек, как я сказал, скорее сам умрет. Но ведь это ничего не даст, не так ли? Поэтому мы можем без преувеличения сказать, что среди нас есть человек, готовый на убийство.

Джонни Саммерхейз поднялся со стула.

— А не кажется ли вам, что вы несете чушь, господин хороший? — начал он спокойно, почти по-дружески. — Разглагольствуете, сами собой любуетесь, догадки строите. Бредни какие-то! Жену мою оскорбляете... — Не в силах больше сдержатъ переполнявший его гнев, он вдруг взорвался: — Ах ты, грязная свинья, проклятая...

Рывок его к Пуаро застал всех врасплох; сыщик проворно отступил, Спенс кинулся к ним и вмиг оказался между разъяренным Саммерхейзом и маленьким бельгийцем.

— Ну, ну, майор, успокойтесь, пожалуйста, успокойтесь...

Саммерхейз пришел в себя и пожал плечами.

— Извините. Но это возмутительно! В конце концов кто угодно мог сунуть фотографию в бюро.

— Совершенно верно, — согласился Пуаро. — Интересно, что на ней нет отпечатков пальцев.

Он помолчал, кивнул каким-то своим мыслям и продолжил:

— Но должны быть. Если снимок принадлежит миссис Саммерхейз, а она невиновна, то отпечатки ее пальцев должны на нем остаться.

— Вы, наверное, с ума сошли! — воскликнула Морин. — Я в жизни этой фотографии не видала, то есть до того, как вы показали ее у миссис Апуард.

— Ваше счастье, — заметил Пуаро, — что я знаю об этом. Фотографию положили в бюро за несколько минут до того, как я ее там обнаружил. Дважды в то утро содержимое бюро вываливалось на пол, дважды я раскладывал вещи по ящикам; в первый раз фотографии там не было, во второй раз она появилась. Ее подложили в этот промежуток времени, и я знаю кто.

Новые нотки прозвучали в его голосе. Он больше не был несурзным маленьким человечком с нелепыми усами и крашенными волосами; он был охотником, вплотную подобранным к добыче.

— Оба преступления были совершены мужчиной, и мотив их был простейшим из мотивов: деньги. В доме миссис Апуард была найдена книга, на форзаце которой написано «Ивлин Хоуп». Хоуп — фамилия, которую взяла Ива Кейн, покидая Англию. Если ее полное имя было Ивлин, то, вероятнее всего, этим же именем она нарекла своего ребенка. Но «Ивлин» — как женское, так и мужское имя. Почему мы решили, что у нее родилась дочь? В основном потому, что так написано в «Санди комет»! Но фактически и в самой газете этого не утверждалось, только предполагалось на основании романтического интервью Ивы Кейн. Но Ива покинула Англию до рождения ребенка, поэтому никто не мог заранее предвидеть, родится у нее девочка или мальчик.

Признаюсь, эта романтическая неточность в «Санди комет» на некоторое время сбила меня с верного пути. Но пойдем дальше.

Ивлин Хоуп, сын Ивы Кейн, приезжает в Англию. Талантли-

вый молодой человек привлекает внимание очень богатой женщины, ничего не знающей о его происхождении, она верит в его сентиментальные измышления (замечательная душещипательная история о молодой балерине, скончавшейся от туберкулеза в Париже).

Богатая леди — тоже одинокая женщина, недавно потерявшая сына. И талантливый драматург берет ее фамилию.

Но настоящее ваше имя Ивлин Хоуп, не так ли, мистер Апуард?

— Конечно, нет! — пронзительно выкрикнул Робин. — Я вообще не понимаю, о чем вы говорите!

— Отрицать все равно бесполезно. Есть свидетели, которые вас знают именно под этим именем. «Ивлин Хоуп» написано в книге вашей рукой, как и «моя мама» на фотографии. Миссис Магинти увидела эту фотографию и надпись, когда убирала в вашей комнате. Она сказала вам об этом после публикации в «Санди комет». Но миссис Магинти решила, что это фотография миссис Апуард в молодости, поскольку даже не предполагала, что вы ей не родной сын. Вы, однако, понимали, что, как только эти сведения достигнут ушей миссис Апуард, для вас все будет кончено. У миссис Апуард были свои взгляды на наследственность, она бы ни секунды не раздумывала, как ей поступить с сыном скандально знаменитого убийцы. И не простила бы ложь.

Поэтому миссис Магинти надо было любой ценой заставить молчать. Вы, наверное, пообещали ей небольшой подарок, заехали к ней по пути на радиостудию и убили. Вот так...

Пуаро неожиданно схватил сахарный колунок, размахнулся им над головой Робина и...

Настолько естественным было его движение, что кое-кто из присутствующих вскрикнул, вскрикнул и сам Робин.

— Нет! Не надо... — тонким голосом завопил он. — Это случайность. Я не хотел ее убивать. Я потерял голову.

— Вы смыли с колунка кровь и завезли его сюда, положили на полку, откуда взяли. Но вы не подумали, что криминалисты уже располагают новыми средствами для обнаружения пятен крови и отпечатков пальцев.

— Уверю вас, я не хотел ее убивать... Это была ошибка. И вообще это не моя вина. Я не виноват. Это наследственность, я ничего не могу с собой поделать. Нельзя же отдавать человека под суд за то, в чем он не виноват...

— Ты так думаешь? Посмотришь, как мы это сделаем, — пробормотал Спенс и громко официальным тоном добавил: — Должен предупредить вас, мистер Апуард, что каждое сказанное вами слово...

Глава 24

— Честное слово, Пуаро, не понимаю, как вы вышли на Робина Апуарда?

Пуаро с довольным видом оглядел обращенные к нему лица. Объяснять он всегда любил.

— Я должен был заподозрить его гораздо раньше. Ключом,

таким простым и ясным, была фраза, произнесенная миссис Саммерхейз на вечеринке. Обращаясь к Робину, она сказала: «Мне вовсе не по душе быть приемным ребенком, а вам?» Эти последние два слова все открыли. Они означали, что Робин не был родным сыном миссис Апуард, и ничего другого означать не могли.

Миссис Апуард сама болезненно тревожилась о том, как бы кто не узнал, что Робин — приемный сын. Она немало слышала, наверное, скабрезных замечаний о молодых людях, живущих со старухами на их содержании. Известно об этом было узкому кругу — тесному театральному *coterie**, где она впервые и увидела Робина. После многих лет жизни за границей у нее осталось в Англии очень мало друзей, тем более что поселиться она решила здесь, вдали от родного Йоркшира. Даже встречаясь со старыми знакомыми, она не поправляла их, когда они принимали драматурга за малыша Робина, которого некогда видели.

Но атмосфера в «Ракитнике» мне с самого начала показалась не совсем обычной. Отношение Робина к миссис Апуард не было похоже на отношение балованного и любящего сына. Это было отношение протеже к покровителю. А его «мадре» отдавало театральностью. В свою очередь, миссис Апуард, как бы она его ни любила, относилась к нему — пусть неосознанно — как к дорогой вещице, кушленной и оплаченной.

Итак, перед нами Робин: он ловко устроился, живет уверенно и без забот, кошелек «мадре» дает ему возможность свободного творчества. Но тут появляется миссис Магинти; в газете она видит снимок, аналогичный хранящемуся в ящике стола Робина с надписью «моя мама». Его мама, та самая талантливая балерина, как рассказал он миссис Апуард, которая умерла от туберкулеза в Париже! Миссис Магинти, разумеется, считает, что это портрет миссис Апуард в молодости, поскольку даже не подозревает, что Робин не ее сын. Не думаю, что миссис Магинти намеревалась пойти на шантаж, но наверняка надеялась на «маленький подарок» как награду за молчание.

Но Робин решает оградить себя от любых случайностей. Он похищает сахарный колунок, который миссис Саммерхейз потом со смехом называет идеальным орудием для убийства, и на следующий вечер по дороге заходит к миссис Магинти. Она, ничего не подозревая, приглашает его в гостиную, и там он ее убивает. Зная, где хранятся ее сбережения — об этом известно всем жителям Бродхинни, — он симулирует ограбление, спрятав деньги за домом. Подозрение падает на Бенгли, его берут под арест. Наш ушлый Робин вне опасности.

Но тут совершенно неожиданно я показываю четыре фотографии, и миссис Апуард узнает в Иве Кейн «балерину», мать Робина! Ей необходимо время, чтобы обдумать ситуацию — как-никак, а речь идет об убийстве. Возможно ли, что Робин?.. Нет, она отказывается этому верить.

Мы не знаем, как бы она в конце концов поступила. Но Робин не ждет. Он тут же продумывает *mise en scene***. Поездка

* Кружок, компания (франц.).

** Постановка (франц.).

в театр в тот вечер, когда у Джанет выходной, телефонные приглашения, следы позаимствованной из сумочки Ив Карпентер помады на кофейной чашке; он даже покупает флакон духов, какими она пользуется. Другими словами, он оформляет сцену, используя весь предназначенный для нее реквизит. Пока миссис Оливер ждет в машине, он дважды возвращается домой. Само убийство заняло несколько секунд, остальное время ушло на «бутафорию». После смерти миссис Апуард он по ее завещанию получает в наследство огромное состояние, оставаясь вне всяких подозрений, поскольку преступление совершено якобы женщиной. В «Ракитник» вечером приглашены три женщины, и подозрение, разумеется, должно пасть на одну из них. Как оно, собственно, и случилось.

Однако Робин, подобно всем убийцам, был небрежен и чересчур самоуверен. Он не только хранил дома книгу с написанным в ней его подлинным именем, но даже не уничтожил по каким-то личным мотивам роковую фотографию. Гораздо безопаснее для него было бы, скажем, ее сжечь, но Робин почему-то решил, что может использовать снимок, дабы в подходящий момент направить подозрения по ложному следу.

Вероятно, тогда же он подумал о миссис Саммерхейз. Потому, наверное, и перебрался сюда. В конце концов сахарный колунок принадлежал ей, сама Морин, насколько он знал, тоже приемный ребенок, и доказать, что она не дочь Ивы Кейн, ей было бы непросто.

274 Когда же Дейдрэ Хендерсон призналась, что приходила в тот вечер в «Ракитник», ему пришла в голову мысль подбросить фотографию ей. Он попытался это сделать, воспользовавшись оставленной садовником лестницей, но перепуганная миссис Уэдерби требовала закрывать все окна на щеколды, поэтому у него ничего не вышло. Вернувшись сюда, он сунул фотографию в ящик бюро, содержимое которого, к его несчастью, я незадолго до этого просмотрел.

Таким образом, я знал, что фотография подброшена, и знал, кем: в доме находился только один человек, и он усердно барабанил наверху по клавишам пишущей машинки.

Поскольку на форзаце найденной в «Ракитнике» книги было написано «Ивлин Хоуп», то имя это могло принадлежать либо миссис Апуард, либо Робину.

Имя «Ивлин» поначалу сбilo меня с толку, я связал его с именем миссис Карпентер — Ива. Но «Ивлин» — имя как женское, так и мужское.

Говоря откровенно, я должен был разобраться в этом деле значительно раньше. Но мне помешала моя же собственная ошибка. Я уверовал в то, что кто-то намеренно пытался столкнуть меня под поезд и что этот «кто-то» был настоящим убийцей миссис Магинти. А случилось так, что именно Робин Апуард из всех жителей Бродхинни никак не мог в тот момент быть на вокзале в Килчестере.

— Торговка какая-нибудь с базара возвращалась, — неожиданно хохотнул Джонни Саммерхейз. — Те толкаются.

— Так вот, Робин был настолько уверен в собственной неуяз-

вимости, что совершенно не опасался меня. Это характерно для убийц. К счастью, наверное. Ибо улики против него было слишком мало.

Миссис Оливер поежилась.

— Вы хотите сказать, что я сидела в машине у дома, а он в это время убивал свою мать? Да когда же он успел?

— Успел. Даже странно иной раз становится, когда видишь, до чего люди плохо знают, что такое время. Засеките как-нибудь, сколько его требуется для полной смены декораций в театре между актами или сценами. А в данном случае речь идет в основном о декорациях, «бутафории».

— Хорош театр, — машинально ответила миссис Оливер.

— Да, это было, можно сказать, театральное убийство, где каждая деталь тщательно продумывается.

— А я сидела в машине и ничего не подозревала!

— Боюсь, — пробормотал Пуаро, — что в тот вечер ваша женская интуиция взяла выходной...

Глава 25

— В «Брендер и Скаттл» я не вернусь, — сообщила Мод. — И не жалею: дрянная фирма.

— Тем более что службу свою она вам отслужила.

— Что вы хотите этим сказать, мсье Пуаро?

— Зачем вы вообще приехали в эти края?

— Как мистер Всезнайка, вы, наверное, знаете ответ и на этот вопрос.

— Я догадываюсь.

— О чем же?

Пуаро задумчиво смотрел на ее волосы.

— Этой стороны я касаться не стал. Все уверены, что женщиной, которую Эдна видела у дома миссис Апуард, была миссис Карпентер и что отрицает она этот факт из страха. Поскольку миссис Апуард убил Робин, то и посещению этому придается не больше значения, чем визиту мисс Хендерсон. Что касается меня, то я не думаю, что она была там. Я полагаю, мисс Вильямс, что Эдна видела вас.

— Почему меня? — резко спросила Мод.

— Почему вас так заинтересовал Бродхинни? — вопросом на вопрос ответил Пуаро. — Зачем, приехав сюда, вы попросили автограф у Робина Апуарда? Вы же их не коллекционируете. Откуда вам известно об Апуардах? Зачем вы вообще сюда приехали? Откуда узнали, что Ива Кейн умерла в Австралии и какую фамилию взяла, покидая Англию?

— Вы очень догадливы, не так ли? Ну что ж, мне нечего скрывать.

Она раскрыла сумочку, достала потертый блокнот и вынула из него потрепанную газетную вырезку. С нее на Пуаро смотрело столь хорошо ему знакомое лицо Ивы Кейн.

Поперек фотографии бежали слова: «Она убила мою маму».

Пуаро вернул снимок Мод.

— Я так и думал. Ваша настоящая фамилия Крейг?

Девушка кивнула.

— Меня воспитали родственники, очень достойные люди. Но когда все это случилось, я была уже достаточно взрослой, чтобы все понять и ничего не забыть. Я много думала о ней. Это была гадкая, мерзкая женщина, поверьте, дети всегда чувствуют это. А отец мой был просто слаб. И опьянен ею. За что и заплатил собственной жизнью, хотя, уверена, то было ее рук дело. О, я понимаю: он был, как это называется, «соучастником после события преступления», но все же не убийцей, а это, как ни крути, не одно и то же, правда? Мне всегда хотелось выяснить, что случилось с нею, как сложилась ее судьба. Повзрослев, я наняла детективов. Они проследили ее путь до Австралии и в конце концов сообщили, что она умерла. После нее остался сын, она назвала его Ивлином.

Казалось, все, вопрос исчерпан. Но потом я познакомилась с одним молодым актером. Он в разговоре упомянул некоего драматурга Ивлива Хоупа, приехавшего из Австралии, но сменившего имя на Робина Апуарда. Меня это заинтересовало. Однажды вечером мне его показали — он был вместе со своей матерью. И я подумала, что Ива Кейн, по-видимому, не только не умерла, но еще и шикует, мощной трясет.

Я подыскала себе работу в Килчестере. Мне было интересно, даже более чем интересно... Ладно, скажу как есть: я рассчитывала с ней как-нибудь расквитаться. Когда вы рассказали мне о Бентли, я тут же решила, что это Апуард убила миссис Магинти. Ива Кейн со старыми своими штучками. От Майкла я узнала, что Робин и миссис Оливер собираются в Калленки на спектакль. Я решила поехать в Бродхинни и... Нет, не знаю, что я хотела сделать. Я ничего от вас не скрываю. В моей сумочке лежал пистолет — он остался у меня с войны. Зачем я взяла его? Попугай ее? Или.. Честное слово, не знаю...

В общем, я пошла к ней. В доме стояла мертвая тишина. Дверь была не заперта. Я вошла. Вы знаете, что я увидела. Она сидела в кресле, мертвая, с багровым и опухшим лицом. Все мои прежние мысли показались мне глупыми и мелодраматическими. Я поняла, что никогда бы никого не убила, если бы до этого дошло... Но поняла я и то, как трудно будет объяснить свое появление там. Вечер был холодный, руки у меня были в перчатках, поэтому я знала, что отпечатков не оставила. Ни секунды я не сомневалась и в том, что меня никто не видел. Вот и все, — завершила она свою исповедь и тут же спросила: — Что вы собираетесь предпринять по этому поводу?

— Ничего, — ответил Пуаро. — Желаю вам счастья в жизни, только и всего.

Эпилог

Эркюль Пуаро и суперинтендант Спенс отмечали успешное окончание дела в «La Vieille Grand' mere».

Когда подали кофе, Спенс откинулся на спинку стула и сыто вздохнул.

— Жратва здесь сносная, — одобрительно заметил он. — Не-

много офранцузенная, конечно, но где еще, скажите, можно найти порядочный бифштекс с хорошим картофелем?

— Я обедал здесь в тот день, когда вы в первый раз пришли ко мне.

— О, с тех пор много воды утекло. Надо отдать вам должное, Пуаро, вы опять оказались на высоте. — На обычно лишенном всякого выражения лице полицейского промелькнула легкая улыбка. — Наше счастье, что тот тип не догадывается, как мало в нашем распоряжении улик против него. Умный адвокат из нас котлету бы сделал! А он совсем потерял голову от страха и раскололся. Раскололся и выдал себя с головой. Нам повезло!

— Дело не только в везении, — с осуждением заметил Пуаро. — Я вываживал его, как вываживают большую рыбу! Ему казалось, что я принимаю улики против миссис Саммерхейз всерьез, а когда вдруг понял, что это не так, растерялся, потерял самообладание. Тем более что он обыкновенный трус. Стоило мне замахнуться, как он решил, что я собираюсь его ударить. В смертельном страхе всегда говорят правду.

— Ваше счастье, что вы не пострадали, когда самообладание потерял майор Саммерхейз, — с ухмылкой сказал Спенс. — Характерец еще тот. Горяч и прыток. Я едва успел встать между вами. Он уже простил вас?

— О, да, мы с ним теперь большие друзья. А миссис Саммерхейз я подарил кулинарную книгу и лично научил ее готовить омлет. *Bon Dieu*, чего я только у них не натерпелся!

Он прикрыл глаза.

— Запутанное дело, — задумчиво произнес Спенс, которого воспоминания Пуаро о перенесенных муках совершенно не трогали. — Лучшее подтверждение справедливости старинной поговорки: «Нет валега без секрета». Миссис Карпентер едва избежала ареста, заподозренная в убийстве. Никогда еще не видел, чтобы женщина так глупо себя вела, навлекая подозрения, и все из-за чего?

— Из-за чего?

— Обычная история: сомнительное прошлое. Ив работала профессиональной партнершей в дансинге — красивая девушка со множеством приятелей. В браке с военным летчиком не состояла, была, что называется, «неофициальной женой». Такой сноб, как Гай Карпентер, этого бы не потерпел, потому она и спела ему совсем другую песню. И страшно перепугалась, когда мы начали выяснять происхождение жителей Бродхинни, интересоваться их прежней жизнью.

Он отхлебнул кофе и негромко хохотнул.

— А Уэдерби! Мрачная семейка, сплошь ненависть и злоба. Нескладная, несчастная дочь. А что за этим? Деньги! Обыкновенные деньги.

— Так просто?

— Девушка богата, очень богата. Тетка ей наследство оставила. Вот мамаша и цепляется за нее: не дай Бог, та замуж соберется. А отчим ненавидит ее за то, что деньги у нее, она платит по счетам. Сам он, по-видимому, не преуспел ни в одном

из своих начинаний. Мерзкий тип. А женушка у него — яд в сахаре.

— Согласен с вами. — Пуаро удовлетворенно кивнул. — Это счастье, что у девушки есть деньги. Так ей легче будет выйти за Бентли.

Спенс удивленно посмотрел на него.

— Она собирается за Бентли? Дейдрре Хендерсон? Кто сказал?

— Я говорю, — ответил Пуаро. — И займусь этим делом. Теперь, когда наше дельце завершено, у меня много свободного времени. Вот и устрою их свадьбу. Правда, они пока об этом не знают, но друг другу нравятся. Вот увидите, дело выгорит!

Спенс ухмыльнулся.

— Вы считаете себя вправе запускать руку в чужой пирог, а?

— Моп шер, вам ли об этом говорить? — с упреком спросил сыщик.

— Поймали, Пуаро. Но все равно, Бентли — никчемный тип.

— Совершенно верно! Сегодня парень, наверное, удручен тем, что его не повесят, как обещали.

— Он на коленях должен вас за это благодарить.

— Скорее вас. Но он думает иначе.

— Странный мальчик.

— Пусть так, и тем не менее сразу две девушки проявили к нему интерес. Природа непредсказуема.

— Я думал, что вы хотели женить его на Мод Вильямс.

— Выбор за ним. Он сам — как вы говорите? — «вручит яблоко». Но, думаю, это будет Дейдрре Хендерсон. Мод чересчур для этого энергична, слишком жива. С ней он еще глубже уйдет в свою раковину.

— Не понимаю, что они могли в нем найти?

— Пути Господни неисповедимы.

— Все равно, у вас из этого ничего не выйдет. Сначала придется его довести до кондиции, потом вырвать девушку из когтей ядовитой мамыши — та не на жизнь, а на смерть будет за нее драться.

— Она одна, нас много. Победу всегда одерживают большие силы.

— На этот раз вы, наверное, имеете в виду большие усы, — расхохотался Спенс.

Пуаро самодовольно пригладил их и предложил коньяк.

— Не возражаю.

Пуаро сделал заказ.

— Да, чуть не забыл! — воскликнул Спенс. — Вы помните Ренделлов?

— Разумеется.

— Так вот, когда мы проверяли их, всплыли любопытные факты. Его первая жена умерла в Лидсе, где он ранее практиковал, после ее смерти в полицию пошли подлые анонимки, обвинявшие доктора в том, что он якобы отравил свою супругу. Подобные слухи не редкость. Лечил ее другой врач, с хорошей репутацией, в ее естественной смерти никто не сомневался. Проверили — никаких улик, разве что свои жизни они застрахо-

вали в пользу друг друга, но люди часто так поступают. В общем, зацепиться было не за что, и все же... Вы что по этому поводу думаете?

Пуаро припомнил, с каким страхом отнеслась к нему миссис Ренделл. Вспомнил ее слова об анонимных письмах и настойчивость, с какой она утверждала, что не верит написанному в них; как убеждена она была, что расследование смерти миссис Магинти служило ему лишь прикрытием истинной цели его приезда в Бродхинни.

— Мне кажется, анонимки получала не только полиция.

— Они тоже?

— Думаю, да. Когда я там появился, миссис Ренделл решила, что я охочусь за доктором, а смерть миссис Магинти для меня только ширма. Он тоже так думал... Теперь мне все ясно! Это доктор Ренделл пытался столкнуть меня под поезд!

— Как считаете, со второй женой он тоже попытается покончить?

— Полагаю, ей не стоит страховать свою жизнь в его пользу, — сухо ответил Пуаро. — Но если он верит, что за ним приглядывают, то это, вероятно, заставит его быть благоразумнее.

— Ну, а мы, со своей стороны, постараемся. Последим за ним, да так, чтобы он в этом не сомневался.

Пуаро поднял рюмку с коньяком.

— За миссис Оливер.

— Что это вам вдруг пришло в голову?

— Я вспомнил женскую интуицию.

Они помолчали немного, и Спенс тихо сказал:

— Суд над Апуардом на следующей неделе. Знаете, Пуаро, я все еще не уверен...

Пуаро с ужасом прервал его:

— Mon Dieu! Уж не сомневаетесь ли вы в виновности Робина? Скажите еще, что хотите начать все сначала.

Спенс успокоительно улыбнулся.

— Нет, клянусь Всевышним. Он — убийца, дерзкий и заносчивый.

**Перевод с английского
СЕРГЕЯ РАЮШКИНА.**